

Найджел Которн
Интимная жизнь великих диктаторов

«Найджел Которн. Интимная жизнь великих диктаторов: непочтительное разоблачение деспотов, тиранов и иных чудовищ.»: АСТ; Москва; 1999
ISBN 5-237-02047-X

Аннотация

Личная жизнь людей, облеченных абсолютной властью, всегда привлекала внимание и вызывала любопытство. На страницах книги — скандальные истории, пикантные подробности, неизвестные эпизоды из частной жизни Наполеона, Ленина, Сталина, Берии, Франко, Фиделя Кастро, Амина и других не менее известных диктаторов.

Найджел Которн
Интимная жизнь великих диктаторов: непочтительное

разоблачение деспотов, тиранов и иных чудовищ

Предисловие

Однажды Генри Киссинджер, «челночный дипломат» семидесятых годов, так объяснил свой успех среди женщин: «Идеальный афродизиак¹ — это власть». А либеральный историк лорд Эктон в письме аббату привел афоризм: «Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно».

В этих двух мнениях заключено огромное поле возможностей для самооправдания среднего диктатора.

Впрочем, кое-кто из этой публики в самооправдании никогда не нуждался. К примеру, чилийский генерал Пиночет обладал репутацией верного мужа, хотя, конечно, и ему были присущи некоторые человеческие слабости. Разумеется, в первую очередь надо помнить о введенном им в стране политическом режиме, характеризующемся пытками и заключением противников этого режима в концлагеря по сфабрикованным обвинениям, но, как женатому мужчине, надо отдать Пиночету должное: у него никогда не было любовных связей на стороне.

А разве головорез Гамаль Абдель Насер, египетский президент, не был замечательным семьянином?

Обратимся к фактам личной жизни генералиссимуса Франко, диктатора Испании с 1939 года вплоть до его кончины в 1975 году. В юности он питал вполне естественный интерес к девочкам, предпочитая стройных брюнеток, в основном школьных подруг своей сестры. Он засыпал их поэтическими посланиями собственного сочинения, обижался, когда эти опусы попадали в руки сестры.

Избрав офицерскую стезю и получив назначение на службу в Марокко, он прилежно ухаживал за Софией Субиран, дочерью верховного комиссара генерала Луиса Айзпуру, почти целый год засыпал ее любовными письмами. Увы, красавица не простила ему неумения танцевать и тщательно выпестованной армейской чопорности.

На Марокканской войне он получил пулевое ранение в нижнюю часть живота. Позже кое-кто высказывал предположение, что именно по этой причине Франко почти утратил интерес к сексу.

Вернувшись на родину, в Овьедо, он повстречал стройную кареглазую землячку по имени Мария дель Кармен Поло и Мартинес Вальдес. В ту пору ей было пятнадцать, а ему — двадцать четыре, и он, нимало не смущаясь противодействия ее семьи, слал девушке любовные письма в католическую женскую школу. В 1923 году Кармен достигла совершеннолетия и вышла замуж за своего возлюбленного. Для нее это было поистине воплощением мечты в жизнь. Через пять лет она скажет: «Мне казалось, будто я вижу сон или читаю роман о себе».

Брак был пусть и не страстным, зато прочным. У Франко и Кармен в 1926 году родился ребенок — дочь Ненука. Правда, упорно витали слухи, будто отец Ненуки вовсе не Франко, а его брат Рамон, известный своей неразборчивостью в любовных связях. Как бы то ни было, Франко не испытывал типично романского желания во что бы то ни стало заиметь сына, а посему, к счастью для человечества, не оставил наследника, способного пойти по его стопам.

В 1936 году он получил язвительное прозвище «Мисс Канарские Острова», однако вина этому — скорее всего, не его сексуальные предпочтения, а нерешительность — ведь он долго колебался, прежде чем согласился участвовать в государственном перевороте. Со временем Франко и его жена охладели друг к другу. После того как эль каудильо — вождь — пришел к власти, в обществе своей жены доны Кармен он всегда был мрачен и замкнут. Однако ни он, ни она не заводили интриги на стороне. Франко предпочитал рыбачить и

¹ Возбудитель сладострастия.

играть в карты. Брак просуществовал пятьдесят два года — до самой смерти супруга. Что ни говори, но даже диктатору подчас выпадает прожить совершенно скучную жизнь.

И кому интересно, с кем Пол Пот — это чудовище, тоталитарный лидер Камбоджи, погубивший три миллиона своих соотечественников, — делил постель? Вообще-то не многие женщины способны этим «похвастать». В первый раз Пол Пот взял в жены преподавательницу, на восемь лет старше себя. Студенты за глаза называли ее старой девой. Будущий вождь красных кхмеров встретил ее во Франции, где они оба учились в университете.

Выбор Пол Пота застиг его друзей врасплох, так как очень редко в камбоджийских семьях встречаются жены старше своих мужей. Благоверная была революционеркой, она всей душой поддержала кровавую затею супруга вернуть Камбоджу в «год Ноль». Когда же его свергли вьетнамцы, у нее на нервной почве развился психоз. С ее одобрения Пол Пот женился вновь — на этот раз, верный революционной идеологии, он интеллектуалке предпочел крестьянку. В 1988 году в новой семье родился первый ребенок. Несомненно, кто-то обрадуется, узнав, что Пол Пот очень любящий отец; по свидетельствам многочисленных очевидцев, на занятия по боевой подготовке верных ему войск он приходил с дочуркой на руках. И этот факт только подтверждает правило: ни в коем случае нельзя доверять политику, дорожащему своей семьей.

Впрочем, зануды среди диктаторов — явление редкое. Ведь диктатору покоряются миллионы людей. Его слово — закон. Должно быть, большой соблазн представляет собой возможность пользоваться абсолютной властью в свое удовольствие!

Возьмем, к примеру, Сукарно, президента Индонезии. Этот авторитарный лидер верил в «контролируемую демократию», он, подобно многим вождям антиколониального движения нашей эпохи, большую часть молодости провел за решеткой, будучи, по всей вероятности, совершенно лишенным возможности заниматься сексом. Зато как он раскрепостился, придя к власти! Даже разменяв седьмой десяток, Сукарно оставался редкостным бабником и до самой кончины наверстывал упущенное. Американские журналы прозвали его юбочником и развратником, для французских газет он был «le grand séducteur»², английские репортеры утверждали, что у него, кроме восьми законнорожденных детей, осталась по меньшей мере сотня бастардов.

В детстве Сукарно находил утешение в постели Сарины, служанки его семьи, и на старости лет пытался найти незабвенные покой и любовь в койках других женщин.

Начальное политическое образование он приобрел, в основном ухаживая за голландскими девицами. В двадцать с лишним лет он женился первый раз. Нареченную звали Ингит, она была старше Сукарно на одиннадцать лет и, чтобы выйти замуж за него, развелась с прежним мужем. В годы суровых испытаний она всячески поддерживала своего любимого супруга и помогала ему не утратить веру в победу. Но через семнадцать лет супружеской жизни он счел ее неспособной к деторождению и бросил, женившись на молоденькой манекенщице по имени Фатмавати. А после революции он взял в жены некую Хартини. Когда же Сукарно приобрел внушительную власть, его интерес к сексу перерос всякие границы. Он взял еще двух жен — Дэви, очень талантливую японскую гейшу из токийского бара (с нею он познакомился в 1959 году), и Юрике Сэнджер, отношения с которой так и не удалось оформить официально, так как он превысил исламскую квоту, позволяющую мужчине иметь не более четырех жен.

Эта «половая атлетика» принесла Сукарно известность и вызвала всеобщее восхищение. В пятьдесят с лишним лет он считался плейбоем. И в шестьдесят оставался волокитой, каких надо поискать. Увы, это привлекло к нему пристальное внимание представителей консервативных кругов и ускорило его падение. А когда Сукарно лишился власти, от него ушли и жены.

² Великий соблазнитель (фр.).

Под линзами сексуального микроскопа оживают даже такие скучные диктаторы, как Чаушеску. Его будущая жена — несовершеннолетняя селянка Елена, впервые оказавшись в Бухаресте, устроилась работать в бар, совмещенный с борделем. Николае-Андрута, брат Николае Чаушеску, свидетельствовал, что однажды в 1943 году застал свою жену и Елену голыми в обществе двух немецких офицеров. А тем временем будущий президент социалистической Румынии томился за решеткой.

Елена во всех отношениях выглядела темпераментней своего супруга; тот, как известно, женился девственником. Если верить дворцовым сплетням, с тех пор, как супруги Чаушеску пришли к власти, инициатива в постели всегда принадлежала Елене.

Николае отнюдь не считал зазорным организовывать сексуальные провокации. Вместе с женой он просматривал «голубые» фильмы — их снимала румынская разведка, чтобы компрометировать западных дипломатов. Впрочем, эти ленты зачастую смущали Чаушеску. Он предпочитал смотреть американский телесериал «Коджак».

Кроме того, Елене не давали покоя любовные похождения жен членов Политбюро Румынии. Она заставляла работников спецслужб прятать в их квартирах «жучки», чтобы своими ушами слушать звуки любовных игр.

Поистине сексуальным монстром выглядел ее сын Нику. С благословения Николае Чаушеску он в четырнадцать лет сделался мужчиной — для этого пришлось изнасиловать одноклассницу. С тех пор Нику насиловал женщин по всему Бухаресту, и никто не смел возмутиться вслух. С падением коммунистического лагеря для семейства Чаушеску и прочих восточноевропейских диктаторов наступил час расплаты.

Демократия стала поднимать голову даже в Южной Америке.

Однако дело обстоит иначе на Среднем Востоке, где светских властителей типа иранского шаха свергают лишь для того, чтобы посадить на трон деспотов от теократии, таких как аятолла Хомейни. Настоящее повествование не затрагивает их персоны, и смею заверить Вас, читатель, что в предлагаемой серии не выйдет книга под названием «Сексуальная жизнь мулл». Я не столь высоко ценю внимание Особой службы³, чтобы привлекать его к своей скромной персоне.

Глава 1

«Не сегодня, Жозефина!»

«Половая жизнь пагубна и для общества, и для счастья отдельно взятого мужчины», — написал юный Наполеон, а потом совершенно запутался. Его первые робкие шаги на любовном поприще, возможно, даже не были гетеросексуальны.

В Бриеннском военном училище четырнадцатилетний Наполеон прославился своим неумением заводить друзей. Однако он весьма близко сошелся с юношей по имени Пьер Франсуаз Лаже де Белекур — очаровательным аристократом из Нанси. По слухам, Пьер был из тех, для кого в бриеннском аргю существовало словечко «нимф», и Наполеон очень ревновал Пьера Франсуаза, когда он расширил круг своих привязанностей. Наполеон даже потребовал от Пьера дать клятву в том, что тот остается его лучшим другом.

В Париже они оба поступили в *Ecole Militaire* — престижнейшую военную школу. Пьера Франсуаза быстро затянуло в откровенно гомосексуальную среду, а Наполеон отказался от дружбы с ним. Он письменно обратился к военному министру с предложением ввести в военных академиях «строгость спартанской юности», но ему посоветовали более не затрагивать эту тему.

В 1785 году, начиная свою офицерскую карьеру гарнизонной службой в Балансе, шестнадцатилетний младший лейтенант Бонапарт сошелся с мадам де Коломбье. Юноше, оторванному от дома, эта дама почти заменила заботливую матушку. У нее оказалась

³ Политическая полиция Великобритании.

симпатичная дочь по имени Каролина, и летом 1786 году любовь молодых людей расцвела, как роза.

Тридцать лет спустя Наполеон, сосланный на остров Святой Елены, вспоминал об этом периоде: «Невиннее нас не могло быть на свете никого. Мы часто устраивали короткие свидания, и одно из них мне запомнилось особо, — оно произошло на заре в середине лета. Хотите верьте, хотите нет, но от этого свидания мы оба получили одно-единственное удовольствие, когда вместе отведали вишен». Через несколько лет после того утра юношеской любви он написал Каролине письмо, и они встретились в Лионе. Она с трудом поверила, что ее худенький лейтенантик стал императором. «За каждым его движением она следила с вниманием, излучаемым, казалось, самой ее душой», — написал придворный. Но в глазах Наполеона его очаровательная юная возлюбленная превратилась в толстую и скучную домохозяйку. Он пожалел об этой встрече. Однако ее муж получил правительственный пост, ее брата Наполеон произвел в чин лейтенанта, а горничную Каролины пристроил к своей матери, или, как ее называли официально, мадам Мере.

Девственности Наполеон лишился восемнадцати лет с проституткой, которую он подобрал на парижской площади Пале-Рояль. Он совершенно точно знал, что делает — это был «une expérience philosophique»⁴, как он записал в своем дневнике. В годы революции Пале-Рояль была известна как центр продажной любви. Самые дорогие проститутки снимали комнаты в мезонинах, высовываясь из окон в форме полумесяца и окликая прохожих или принимая соблазнительные позы. Наиболее известные шлюхи отправляли на улицу посыльных раздавать листовки с прейскурантами цен на услуги жриц любви. А тем временем дешевым проституткам приходилось работать на открытом воздухе в прилегающем парке.

И вот молодой Наполеон, только что получивший офицерское жалованье, гуляя по Пале-Рояль, замечает, что его «возбудили сильные чувства и заставили позабыть о холоде». Он записал в дневнике, как его остановила хрупкая юная девушка и он ей изложил суть своих философских исканий. Очевидно, ей не в диковинку были пылкие молодые люди, идущие на подобные научные подвиги. Он спросил, как она лишилась девственности и почему избрала стезю проститутки, и услышал обычную историю о том, что ее соблазнил офицер, злая мать вышвырнула из дома, другой офицер увез в Париж и бросил на произвол судьбы. Исповедавшись, девица предложила Наполеону прогуляться до гостиницы. «И что мы там будем делать?» — наивно поинтересовался он. «Пойдем, — сказала она. — Погреемся, и ты получишь свое удовольствие». Тот эксперимент разочаровал Наполеона и не излечил его от застенчивости перед женщинами.

Широко разошелся слух о маленьком пенисе Наполеона. В подтверждение тому говорилось о результатах проведенного англичанами вскрытия; не исключено, что это был пропагандистский трюк. Существует описание лобка Наполеона — «на вид женского», напоминающего «холм Венеры у женщины». Его тело было совершенно безволосым, кожа мягка и бела, а такими, как у него, округлыми и пухлыми грудями «среди прекрасного пола мало кто мог похвастаться». Пенис был ампутирован, законсервирован и в 1969 году выставлен на аукционе «Кристи». Этот член, названный благовоспитанными устроителями аукциона «мышцей Наполеона», мал и ничем не примечателен. А чей сохранил бы красоту и величие, пролежи он в рассоле полтора века?

В возрасте двадцати пяти лет Наполеон впервые познал любовь. Объектом его привязанности стала Дезире Клари — знаменитая красавица. Считая имя Дезире слишком вульгарным, он называл ее «моя Эжени». Эта стройная брюнетка обладала качествами, наиболее ценимыми Наполеоном в женщинах: маленькими кистями рук и стопами и при этом большим приданым. Его брат взял в жены старшую сестру Эжени. Наполеон, видимо, надеялся, что это облегчит достижение успеха. Но, когда дошло до сватовства,

⁴ Философский эксперимент (фр.).

состоятельные родители заявили, что семье вполне достаточно одного нищего Бонапарта. Однако Наполеон не сдался. Руки своей избранницы он добивался в основном через переписку. Эжени жила с родителями в Марселе, а он подвизался в Париже. Дабы показать всю глубину своих чувств к ней, он написал любовный рассказ под названием «Clisson et Eugénie»⁵. Это сказание о благородном юном воине Глиссоне, узнавшем, что его жена, родовитая Эжени, влюбилась в его лучшего друга. Не в силах вынести душевные муки, он героически погиб в сражении.

«Иногда на посеребренных звездой любви берегах Глиссон отдается желаниям и биению сердца, — писал Наполеон. — Озаренный луной, он не в силах оторваться от сладостного и меланхолического зрелища лунной ночи. Он не уйдет, пока оно не исчезнет, пока тьма не сотрет его мечты. Целыми часами он предаётся созерцанию в гуще леса, а когда наступает вечер, юноша, погруженный в раздумья при свете серебряной любовной звезды, не уходит до полуночи».

Кто сказал, что у тиранов нет сердца? Даже в ссылке, на далеком острове Святой Елены, он вспоминал Эжени и называл ее «своей первой любовью». Однако в расцвете их романа он неожиданно отказался от притязаний на брак. Эжени получила вежливое письмо — дескать, Наполеон знает, что рано или поздно ее чувства к нему переменятся. А потому он не вправе ее удерживать и возвращает клятву в любви до гроба. В тот самый день, когда Эжени его разлюбит, она должна сказать ему об этом. И если она увлечется кем-нибудь другим, не надо сдерживать свои чувства. Он все поймет и простит. Он разбил сердце Эжени.

«Теперь мне только одно остается — мечтать о смерти», — написала она. Но некоторое время спустя ее сердечко исцелилось, и она вышла замуж за другого перспективного офицера — Жана Батиста Бернадота. Он дослужился до звания маршала Франции и в 1809 году вззошел на шведский престол. Эжени стала королевой, и ее потомки по сей день правят Швецией.

Полный решимости жениться, Наполеон переключил свое внимание на более зрелых дам. По меньшей мере пяти из них он делал предложения, а одной из его избранниц — мадмуазель де Монпансье — было шестьдесят лет. Но никто не считал бедного и дурно одетого молодого корсиканца марьяжным королем. Он ходил, надвинув на уши шляпу, а пересыпанные перхотью длинные пряди волос лежали на воротнике шинели. Дешевые хлипкие сапоги не знали сапожной щетки, он никогда не носил перчаток, с презрением отзываясь о них как о «бесполезной роскоши». По правде говоря, они ему были просто не по карману.

Но самую худшую службу Наполеону сослужили его занудство и частые гневные выпады против погрязших в грехе баловней судьбы.

Одну из немногих владелиц салонов, разрешивших Наполеону посещать свой дом, звали мадам Пермон, и причиной этому было, безусловно, ее корсиканское происхождение. В салоне мадам Пермон молодому офицеру предоставилась возможность танцевать с ее дочерью Лаурой. «В те времена, — писала Лаура, — сердце Бонапарта еще умело любить».

Поистине невиданная удача улыбнулась Наполеону, когда войсковая часть под его командованием расстреляла колонну роялистов, которым вздумалось выступить против Национального Собрания. Наполеон в одночасье прослыл «спасителем республики». Он получил генеральский чин и внутреннюю армию⁶ под свое начало. Одетый в красивый, с иголочки, мундир, он переселился из ветхой гостиницы в особняк на бульваре Капуцинов. Он имел даже собственный выезд.

После кончины мсье Пермона Наполеон регулярно бывал в его доме и утешал вдову.

⁵ «Глиссон и Эжени» (фр.).

⁶ Так назывался в то время гарнизон Парижа.

Как-то раз, оставшись с ней наедине, он воспользовался случаем и предложил породниться — пускай, мол, ее сын Альбер женится на очаровательной юной сестре Наполеона Полин. «Но ведь у Альбера могут быть собственные планы», — ответила на это мадам Пермон. «Тогда пускай ее дочь Лаура выйдет замуж за моего брата Жерома», — предложил Наполеон. «Они оба еще слишком молоды», — возразила мадам Пермон. Тут Наполеон предложил вдове выйти замуж за него. Разумеется, не тотчас, а по истечении срока траура. К этому предложению мадам Пермон отнеслась как к шутке. Сорокалетняя женщина годилась Наполеону в матери. Но генерал вовсе не шутил и, получив отказ, больше никогда не посещал ее дом.

Вскоре он познакомился с тридцатидвухлетней креолкой с Мартиники — бывшей виконтессой Жозефиной Таше де Богарне. Во времена террора она сидела в тюрьме, а ее мужа казнили на гильотине. Получив свободу, она, как и весь Париж в то время, решила поразвлечься.

Город был охвачен танцевальной лихорадкой. Открылись свыше ста бальных залов. Свято веря в то, что кошмары революции остались позади, дамы делали прически *a la guillotine*, т. е. коротко стригли волосы или поднимали их с помощью шпилек, чтобы обнажить шею. Для получения еще более зловещего эффекта мода требовала носить на шее тонкую кроваво-красную ленту. Появился даже танец «*Bal a la Victime*», на который приглашали только родственниц гильотинированных.

Своего тринадцатилетнего сына Евгения Жозефина отдала на воспитание генералу Гошу, с которым в прошлом делила и тюремную камеру и постель. Она повсюду, где только можно, занимала деньги, чтобы вести экстравагантную жизнь и тратить их без счета на пышные экипажи, роскошную мебель, экзотические яства, цветы и модные наряды.

Изящного телосложения, с пышными вьющимися каштановыми локонами, Жозефина стала символом очарования в новом «директорианском» стиле. Правда, она не заходила так далеко, как ее подруга мадам Гамелин, которая разгуливала по Елисейским Полям обнаженная выше пояса; но газовые платья, которые Жозефина носила поверх белья телесного цвета, оставляли ее руки нагими и почти не закрывали грудь.

Беззастенчиво пользуясь своим обаянием, она убедила «власти предержавшие» вернуть ее имущество, конфискованное в годы террора. С дверей ее парижских апартаментов сняли печать, и она получила назад платья, драгоценности и мебель. Ей позволили жить в шато последнего мужа, а за проданную революционерами мебель, столовое серебро и книги выплатили щедрую компенсацию. Кроме того, ей возместили стоимость коней и экипировки, которых лишился ее супруг, когда его сняли с поста командующего рейнской армией. Вдобавок Жозефина обзавелась многочисленными важными связями. Она так привыкла спать с высокопоставленными чиновниками послереволюционной Франции, что тайная полиция приплачивала ей за пересказ «бесед под одеялом». Воистину поразительно, что нашлась щедрая душа, предвидевшая «необходимость выделять средства для оплаты издержек ниже ее пупка».

С одной из своих ближайших подруг — Терезой де Фонтене Жозефина тоже познакомилась в тюрьме. Тереза родилась в семье испанского банкира, и любящий отец щедро расплачивался женским обаянием своей дочери за услуги, предоставляемые ему правящими кругами; злопыхатели говорили, что на Терезе стояла печать «имущество правительства». Она была любовницей финансиста Габриэля Овара, министра Жана Тальена (за которого она позже вышла замуж, но их брак оказался недолгим), и даже самого Поля Барраса — всемогущего директора.

Баррас был из аристократов, но почуяв, откуда дует ветер, примкнул к революционерам. Он поддерживал террор, а в нужный момент способствовал свержению Робеспьера. В революционном Париже он получил важнейший государственный пост, и жизнь Люксембургского дворца, где он поселился, своей пышностью не уступала прежним аристократическим салонам. По словам современника, его пристрастие к радостям земным было достойно «богатого, экстравагантного, величественного и распутного принца».

Тереза представила Баррасу Жозефину, и подружки плясали перед ним в чем мать родила. Когда Баррасу надоела Тереза, Жозефина заняла в его постели место подружки. Это шокировало кое-кого из ее знакомых, но для Жозефины такой поступок был вполне естественным. У ее отца и мужа часто бывали супружеские измены, а родная тетя Жозефины спала с ее отчимом. Кроме того, Баррас был мужчиной весьма видным. Безусловно, Жозефина не принадлежала к тому типу женщин, за которыми охотился Наполеон. Его весьма раздражало то, что сильные мужчины идут на поводу у ветреных и распущенных красоток.

«Везде эти женщины, — неодобрительно писал он своему брату. — Аплодируют в театре, прохаживаются в парке, читают в книжных лавках. Даже в студии у философа бывают эти очаровательные создания. Впрочем, это единственное место в мире, где им можно доверить руль управления. Из-за них мужчины сходят с ума, ни о чем другом не думают и живут только ради них».

Пост командующего внутренней армией Парижа позволял Наполеону посещать знаменитые салоны. И хотя еще не все признавали его шарм, на некоторых молодых женщин производили впечатление его классические «греческие» черты и большие глаза, способные, казалось, светиться, когда он говорил.

«Носи он штатское платье, вам бы вовек не догадаться, что он военный, — писала одна из них. — В нем нет ничего резкого, никакой развязности, бахвальства, грубости». Многие сходились во мнении, что он болезненно худ.

С Жозефиной он познакомился, когда приказал гражданским лицам сдать властям все оружие, находящееся у них. Сыну Жозефины в наследство от отца досталась сабля. Евгений не захотел расставаться с семейной реликвией и обратился к командующему внутренней армией с просьбой оставить ему эту саблю. Сыновняя верность произвела на Наполеона приятное впечатление, и он согласился сделать для мальчика исключение. На следующий день Жозефина явилась поблагодарить генерала Бонапарта лично. Впоследствии Наполеон признавал, что его сразила «необычайная грация и неотразимо милые манеры». Он попросил разрешения нанести ответный визит.

А Жозефину вряд ли мог поразить увиденный ею генерал. Конечно же, тощий изможденный коротышка с угловатой фигурой и длинными патлами был не из тех, кто способен с легкостью вскружить девушке голову. Но она разглядела в Бонапарте восходящую звезду и пригласила его на один из своих регулярных «приемов по четвергам».

Там Наполеон чувствовал себя не в своей тарелке. Сумма, потраченная Жозефиной на цветы и яства для одного-единственного *soiree*⁷, привела его в ужас, — его семье этих денег хватило бы на неделю. Как отметил сосед Жозефины, ее дом был набит предметами роскоши — «недоставало лишь самого необходимого».

Салон Жозефины всегда был полон артистов и драматургов, в их компании у Наполеона немел язык. Побаивался он и красавиц. «Я равнодушен к женскому шарму, — говорил он, — но они меня еще не испортили, и мое положение заставляет меня краснеть в их обществе». Но с Жозефиной у него все было иначе. Внимание этой особы придавало Наполеону уверенности в себе. Ее подруга в своих воспоминаниях отметит у Жозефины «некий интригующий аромат истомы — типичная креольская черта. Этот налет присутствовал независимо от того, отдыхала она или двигалась; все эти качества давали ей шарм, легко затмевавший яркую красоту ее соперниц». И вскоре Наполеон без памяти влюбился.

Весь Париж знал о связи Жозефины с Баррасом, а следовательно, не мог не знать об этом и Наполеон. Едва ли можно сказать, что любовники держали свои отношения в тайне. Когда Жозефина принимала Барраса в Круаси, в особняке, снятом на его деньги, в дом с раннего утра на виду у соседей доставляли корзины с роскошными яствами, напитками.

⁷ Званный вечер (фр.).

Затем в сопровождении отряда конной полиции прибывал Баррас с огромной компанией друзей. Баррас сам говорил так: «Бонапарт был не хуже нас осведомлен обо всех похождениях этой особы. Я точно знаю, потому что рассказы о них он слышал в моем присутствии. Да и весь Париж считал мадам де Богарне моей бывшей любовницей. Бонапарт был частым гостем в моих апартаментах и не мог не подозревать о таком положении дел, а также верить, что все осталось между ней и мною».

Наполеон знал и о ее отношениях с генералом Гошем. Однажды вечером на приеме у Терезы Тальен он, пребывая в игривом настроении, пытался гадать по руке, но, когда добрался до ладони генерала Гоша, его настроение сразу переменилось. «Генерал, вы умрете в своей постели», — мрачно посулил он. Для Гоша такие слова из уст военного человека могли означать только оскорбление. Лишь поспешное вмешательство Жозефины предотвратило полномасштабную ссору.

Очевидно, Наполеон не владел своими чувствами, и поэтому он перестал видаться с Жозефиной. Та ему написала: «Вы больше не навещаете любящую Вас подругу. Вы ее окончательно бросили, и это большая ошибка, ведь она искренне предана Вам. Приходите завтра утром. Я должна поговорить с Вами о том, что Вас непременно заинтересует. Спокойной ночи, друг мой. Нежно обнимаю».

Наполеон незамедлительно ответил: «Ума не приложу, чем вызван тон Вашего письма. Умоляю, поверьте, когда я скажу, что никто на свете не стремится к дружбе с Вами сильнее меня, и никто на свете так не жаждет возможности доказать это. И если позволят мои служебные обязанности, я лично доставлю Вам эту записку».

Вскоре после того визиты возобновились и даже участились. «Однажды я сидел рядом с ней за столом, — вспоминал Наполеон, — и она принялась осыпать всевозможными комплиментами мой военный опыт. Сии похвалы меня опьянили, и с того момента я ограничил наши беседы и больше никогда не позволял ей сидеть со мною бок о бок».

Тринадцатилетняя дочь Жозефины Гортензия упоминала о привязанности Наполеона к ее маме. Однажды вечером Жозефина взяла Гортензию на обед, который давал Баррас в Люксембургском дворце. «Я оказалась между матушкой и генералом, и он, беседуя с ней, так часто и с такой оживленностью наклонялся вперед, что утомил меня, и я была вынуждена откинуться на спинку стула, — писала она. — Вопреки своей воле я внимательно смотрела ему в лицо; оно было красивым и выразительным, но донельзя бледным. В речах он был пылок и, казалось, все свое внимание отдавал моей матушке».

В скором времени Жозефина и Наполеон стали любовниками. Для Жозефины секс всегда был приятным способом завершить запоминающийся вечер. Для Наполеона это было чем-то выдающимся. На другой день в семь утра он восторженно написал: «Я пробудился, исполненный мыслей о Вас. Чувства мои мечутся без передышки между Вашим портретом и воспоминаниями о нашей пьянящей ночи. О, милая, о несравненная Жозефина, чем Вы околдовали мое сердце? Что, если бы Вы разгневались? Что, если бы я увидел Вас в печали или тревоге? Тогда моя душа от горя раскололась бы вдребезги. Тогда Ваш любящий друг не нашел бы ни отдыха, ни покоя. Но ничего подобного не случилось, когда я поддался переполнившему меня глубокому чувству, когда меня охватило пламя, изливавшееся с Ваших уст, из Вашего сердца... Через три часа я увижусь с Вами, а пока, mio dolce amor, шлю вам тысячу поцелуев, однако Вы не посылайте мне ни одного, ибо они воспламеняют мою кровь».

Огюст Мармон — порученец Наполеона — вспоминал о том, как отношения с Жозефиной влияли на характер генерала: «Он обезумел, в полном смысле этого слова обезумел от любви. Очевидно, это была его первая настоящая страсть, страсть первобытная, и он ей отдавался со всею пылкостью своей натуры. Доселе ни один мужчина не бывал одержим любовью столь чистой, столь искренней, столь исключительной. И хотя Жозефина успела утратить свежесть юности, она умела доставлять ему удовольствие, вдобавок мы знаем, что перед влюбленными никогда не стоит вопрос «почему». Человек любит потому, что он любит, и нет на свете чувства, менее доступного объяснению и анализу, нежели

любовь».

Спустя много времени после развода Наполеон, познавший горечь поражений и изгнания, на острове Святой Елены все еще признавал: «Я был в нее страстно влюблен, и наши друзья все поняли задолго до того, как я осмелился сказать о сем хотя бы слово». Его любовь к Жозефине, утратившей, по словам современников, «весь ее цвет», шокировала многих. Наполеону было двадцать шесть, а ей — тридцать два, хотя она тщательно подделала свидетельство о браке, убавив себе четыре года, тогда как Наполеон галантно добавил два к своему возрасту.

Наполеон, полный оптимизма и юношеской любви, писал Жозефине: «Вам не следует вдохновлять меня на безмерную любовь, ежели Вы сами не питаете ко мне подобного чувства». Она не питала подобного чувства. Наполеон обманывал себя. Жозефина просто забавлялась со своим «забавным маленьким корсиканцем» — как она его называла.

Но Баррасу хотелось сбыть с рук транжирку Жозефину, а Жозефина нуждалась в новом содержателе, так что молодость и наивность Наполеона устраивали их обоих. Впоследствии Наполеон признал, что жениться на Жозефине ему посоветовал Баррас. Он ясно дал понять, что от этого поправится общественное и финансовое положение Наполеона. Еще Баррас внушил молодому генералу, что Жозефина богата. На самом же деле все ее приданое состояло из кипы неоплаченных счетов. Но она происходила из родовитого семейства, а Наполеон был неисправимым снобом.

Предложение руки и сердца застигло Жозефину врасплох. Она рассчитывала побыть некоторое время любовницей Наполеона, но уж никак не женой. Подруге она призналась, что не любит его, что испытывает лишь «безразличие, холод». Устрашась корсиканского пыла, Жозефина была склонна искать в матримониальных притязаниях Бонапарта некие скрытые мотивы, и он, узнав об этом, был глубоко уязвлен. «Да как вы могли подумать, что моя любовь отдана не Вам такой, какая Вы есть? Кому же тогда? Чему? Вы меня ошеломили, но пуще я дивлюсь самому себе, ведь я нынче утром снова у Ваших ног, и нет во мне силы и желания этому противиться! О, бремя тяжести и унижения! О, моя несравненная Жозефина, в чем природа Вашей удивительной власти надо мною? Почему одна лишь мысль о Вас способна отравить мне жизнь и разорвать мое сердце, и почему в то же время другое чувство по-прежнему сильнее меня, и другое, менее мрачное расположение духа вновь заставляет меня ползать у Ваших ног?»

В конце концов сила его страсти одержала победу. «Не знаю, в чем тут причина, — говорила Жозефина подруге, — но подчас его абсурдная самоуверенность просто поражает меня, и начинает казаться, будто для этого человека нет ничего невозможного, он в силах исполнить все, что ни взбредет ему в голову. И кто возьмется сказать, на что способно его воображение?»

На острове Святой Елены Наполеон более объективно поведал о причинах, толкнувших его на брак с Жозефиной: «Я действительно любил Жозефину, но не питал к ней уважения... Положа руку на сердце, женился я только потому, что рассчитывал на большое приданое. Она говорила, что состоятельна, но это была неправда». Женитьбе противилась родня Наполеона. Она не одобряла фривольного образа жизни и эпатажных нарядов красавицы. Детей Жозефины тоже не устраивал этот брак. «Мама не любит нас так, как его», — говорила Гортензия своему брату. Впоследствии им объяснили, что Евгению, мечтающему носить мундир, никак не будет помехой отчим с генеральскими эполетами. Но Гортензия так до конца и не примирилась с выбором матери. Позже, когда спутница жизни Наполеона вместе со всей Францией будет прославлять его победы, Гортензия скажет: «Мадам, я отдаю должное всем его завоеваниям, кроме одного. Я никогда не прощу, что он завоевал мою мать».

Когда жених и невеста отправились подписывать брачный контракт, агент по купле-продаже собственности посоветовал Жозефине не связывать свою судьбу с нищим молодым солдатом, который может погибнуть в бою, не оставив ей ничего, кроме «своего плаща и сабли». И все-таки она решилась. Баррас ее уступил. Наполеон опоздал к свадебной

церемонии на два часа, и мэр, не дождавшись его, отправился восвояси. В десять часов утра 9 марта 1796 года Наполеона и Жозефину связал узами брака мелкий чиновник, не уполномоченный проводить даже двухминутные церемонии. Баррас сдержал обещание, и женитьба помогла Наполеону продвинуться вверх по служебной лестнице. За неделю до свадьбы Баррас назначил его командующим итальянской армией.

После бракосочетания Наполеон вселился в новый дом Жозефины по улице Шантерин, 6. Особняк стоял на отшибе, его окружал парк. Стены и потолки будуара Жозефины облицевали зеркалами, и золотым лебедям, скользившим по морю розовых роз на потолке ее спальни, пришлось исчезнуть. В честь Наполеона Жозефина велела сменить украшения в будуаре, чтобы уподобить его армейскому шатру.

В первую брачную ночь мопс Фортун возомнил, что его хозяйка нуждается в защите, и цапнул Наполеона за ногу. Для Бонапарта, измученного ненасытностью жены, это послужило последней каплей. Как только были улажены все необходимые дела, он, не поддаваясь более плотским соблазнам, ретировался к своим учебникам стратегии и тактики. Через тридцать шесть часов после свадьбы он решительно прекратил медовый месяц и отправился в Италию командовать войсками. Ну как не соотнести с этим случаем ставшее крылатым выражение: «Жозефина, только не сегодня!»

Пока Наполеон геройствовал на войне, неутомимая Жозефина развлекалась с десятками щедрых любовников. В их числе оказался и очаровательный молодой кавалерист, лейтенант Ипполит Шарль. Он был высок, напорист, красив и моментально вскружил Жозефине голову. Однако Наполеон соскучился по своей ненаглядной Жозефине и вызвал ее в Милан. «Приезжайте ко мне как можно быстрее, — писал он. — И тогда перед смертью мы по крайней мере сможем сказать, что были счастливы несколько дней». Он ее уверял, что на свете «не было женщины, которую бы любили так преданно, с такими страстью и нежностью. Ни одна женщина на свете не владела так безраздельно чужим сердцем».

Но Жозефина была занята с лейтенантом Шарлем и не ответила. Когда Наполеон, в который раз вернувшись вечером домой, узнал, что она не приехала, он написал: «Печаль сокрушила мою душу». Наполеон умолял написать ему и утверждал: «Я Вас люблю, и моя любовь шире всяких воображаемых границ, и каждая минута моей жизни отдана Вам, и ни одного часа не проходит без мысли о Вас, и ни разу я не помышлял о другой женщине».

В конце концов Жозефина приехала, но жизнь в Италии ей быстро наскучила. В то время Наполеон был занят осадой Мантуи, и Жозефина в письме домой жаловалась, что ей недостает любовников.

Наполеону, целовавшему, ласкавшему, возбуждавшему «прекрасное тело» даже в набитом людьми помещении, нелегко было сосредоточиться на войне. Наполеон вовсе не считал зазорным заниматься любовью при посторонних. Французский дипломат Мио де Мелито описал поездку в карете вокруг озера Магиоре. По его словам, они с генералом Бертье сгорали от стыда, пока на противоположном сиденье Наполеон «позволял себе супружеские вольности» с Жозефиной. Приезд благоверной сделал его самым счастливым человеком на свете. «Несколько дней назад мне казалось, что я Вас люблю, — писал Наполеон позже, — но с тех пор, как я снова встретил Вас, я полюбил в тысячу крат сильнее. И с каждым днем я люблю Вас все больше и больше. Шлю тысячи поцелуев, и даже один — Фортуну, хоть он и подлая бестия». Но едва ли Жозефине это могло послужить утешением. «Муж меня не просто любит, — писала она. — Он меня боготворит. Кажется, он сходит с ума».

Выступая во главе своей армии, он отправил Жозефине письмо с мольбой приехать в Брешиа, где «Вас дожидается нежнейший из любящих». Она приехала безотлагательно, но лишь потому, что ее любовник Шарль был переведен под командование Наполеона.

Когда дела у французов в Италии стали складываться неважно, возвратившаяся в Милан Жозефина боялась за жизнь и мужа, и любовника. Французы еще дешево отделались, ведь Наполеон, вместо того, чтобы целиком отдавать себя битвам, тратил время на длинные страстные письма, — иногда он их сочинял по два в день. В ту пору он не в силах был

думать ни о чем, кроме любви. «Целую Ваше сердечко, второй поцелуй — чуть ниже, третий — еще ниже, четвертый — намного ниже!» В другом письме он выразился так: «Целую ваши груди, и ниже, гораздо ниже».

Трудно громить врагов Французской республики, когда в мыслях один оральный секс.

Да, письма Наполеона к Жозефине были полны страсти, но она отвечала редко. И при этом обращалась к нему чаще на «vous», нежели на фамильярное «tu». Зато в переписке с лейтенантом Шарлем она демонстрировала пыл, вполне сравнимый с пылом Наполеона.

Жозефина охотно предавала огласке сокровенные мысли своего мужа. Одна из ее подруг, увидевших его эпистолы, поведала: «Это были необыкновенные письма. Почерк почти неразборчив, орфография нетверда, стиль причудлив и сумбурен, однако они были выдержаны в таком страстном тоне, в них так бурлили чувства, вибрировала экспрессия и сквозила поэтичность, и веяло от них такой уникальной любовью, что ни одна женщина в мире не устояла бы перед соблазном быть источником их вдохновения. Кроме того, какая женщина отказалась бы стать движущей силой триумфального марша целой армии?»

В конце концов под Риволи Наполеон остановил продвижение врага, и горячая любовь к Жозефине, похоже, его прищипорила. «Каждый мой шаг ведет к единственной цели: воссоединению с Вами, — писал Наполеон. — Я иду навстречу смерти, лишь бы снова увидеть Вас». Спустя двое суток после битвы он с облегчением написал ей:

«Я ложусь в постель, а сердце мое заполнено Вашим обожаемым образом. Сгорая от нетерпения, жду возможности доказать Вам свою горячую любовь. О, с каким счастьем я бы помог Вам раздеться, и увидел бы маленькие крепкие белые груди, и обожаемый лик, и кудри, стянутые а la steol⁸ шарфом!

Никогда не забуду короткие визиты в тот черный лесок. Вы ведь понимаете, что я имею в виду? Целую его тысячи раз и жду, не дождусь мгновения, когда я снова там побываю. Жить с Жозефиной — это жить на Елисейских полях.

Целую Ваш рот, глаза, грудь, и все, все, все!» Через шесть дней он возвратился в Милан. Вбежал по лестнице палатцо Сербеллони. Влетел в спальню — никого. Жозефина уехала в Геную с лейтенантом Шарлем. Наполеон прождал ее десять дней, строча полные муки, страсти, унижения письма: «Я все бросил, лишь бы Вас увидеть, лишь бы заключить Вас в объятия. Мою боль ничем не измерить, не выразить никакими словами. Я не хочу, чтобы вы меняли свои планы, отказывались от приглашений или заботились о счастье человека, живущего только ради Вас. Я этого не стою. И напрасно я молил Вас о любви, сравнимой с моей. О судьба, обрушь на мою голову все беды и печали, но оставь на долю Жозефины одни лишь счастливые дни. И когда я буду уверен, что она больше не в силах любить меня, я промолчу и довольствуюсь смиренным служением ей». Он запечатал конверт, затем вскрыл его, достал лист и в отчаянии дописал: «О Жозефина, Жозефина!»

Наполеон все еще не представлял себе, сколь глубокие чувства испытывает его жена к лейтенанту Шарлю. И хотя ему говорили, что они проводят вместе много времени, он считал Шарля жалким фатом и не видел в нем своего соперника. Возвратясь в Париж, он услышал от брата и сестры, что Жозефина, пользуясь своим влиянием, всячески способствовала служебному росту любовника. Когда наконец Наполеон встретился с Жозефиной, она обливалась слезами и все отрицала. Если Наполеон хочет развода, говорила она, пускай так и скажет. Наполеону и самому хотелось верить, что его жена ни в чем не повинна. Он даже поверил ее обещанию навсегда порвать с Шарлем. Но тотчас после этой стычки она написала любовнику: «Каким бы пыткам ни подвергали они бедную Жозефину, им не разлучить ее с милым Ипполитом. Мой последний вздох будет отдан ему. Прощай, мой Ипполит, тысячи поцелуев, горячих, как мое сердце, и таких же нежных».

А через несколько дней у них было тайное свидание, потому что, как писала Жозефина Шарлю, «...только ты способен вернуть мне счастье. Скажи, что ты меня любишь, что

⁸ По-крсольски (фр.).

любишь меня одну. И это сделает меня счастливейшей из женщин. Я твоя, я вся твоя».

Но влюбленных ждала разлука. Наполеон отвез Жозефину в Тулон, где готовил армию к египетской кампании. Перед отплытием Наполеон вызвал генерала Дюма к себе в спальню. Войдя, генерал обнаружил Наполеона и Жозефину на кровати; оба были обнажены и прикрыты лишь простыней. «Как только покорим Египет, мы пошлем корабли за нашими женами и постараемся, чтобы они зачали сыновей», — сказал Наполеон. И обещал, что Дюма будет крестным отцом маленькому Бонапарту.

В 1798 году во время египетской кампании Наполеону снова донесли о неверности Жозефины, а вдобавок о том, что над ним смеется весь Париж. Чтобы отомстить жене, он приказал секретарю собрать всех женщин, каких только удастся найти, но они ему не понравились — оказались слишком толсты и уродливы. И тут ему на глаза попала девятнадцатилетняя Полин Форе. Она сопровождала в Египте мужа и носила мундир. Ножки, обтянутые офицерскими панталонами, пришлись Наполеону по вкусу. Если верить современнику, Полин обладала «телосложением розового лепестка, прекрасными зубами и отменной геометрией фигуры».

Наполеон отправил ее мужа в верховья Нила, а сам, ни от кого не таясь, занялся обольщением красавицы. На званом обеде он нарочно пролил вино на ее мундир, затем вызвался счистить пятна и с этой целью увел Полин наверх. Когда в Каир возвратился лейтенант Форе, Наполеон отослал его с донесениями в Париж, а Полин поселил рядом со своей штаб-квартирой.

У Наполеона, как и у многих военных, было особое пристрастие к мундирам. Чтобы разжигать в нем страсть, Полин приходилось носить кивер с пером и мундирный сюртук с золотым галуном. Скоро ее прозвали «Madame la Generale»⁹ и «нашей восточной дамой». Бедному лейтенанту Форе в конце концов пришлось развестись, а Полин принялась афишировать свою связь с Наполеоном.

Слухи об этом дошли до ушей Жозефины, что вполне устраивало Наполеона. Чтобы ужалить ее побольнее, он назначил сына Жозефины Евгения в конный эскорт мадам Форе, когда та отправлялась путешествовать в карете вокруг Каира. Наполеон даже обещал жениться на ней, если она родит ему ребенка. Ей так и не удалось забеременеть, и она пожаловалась, что «маленький идиот» не умеет делать детей. Ее вины в этом нет — утверждала она и в доказательство своей правоты напоминала о Жозефине, которая за два года жизни с Наполеоном тоже не забеременела, хотя родила двоих детей от прежнего мужа.

В августе 1799 года, после битвы на Ниле, Наполеон оставил мадам Форе в Каире, а сам проскочил через блокировавший Египет английский флот. С тех пор он ни разу не встречал Полин Форе, хотя, став императором, купил ей дом и выделил щедрое содержание. Она умерла девяностолетней в 1869 году — в период правления Наполеона III.

Об измене мужа Жозефина узнала самым что ни на есть анекдотичным образом. Британцы перехватили и опубликовали в Лондоне письма с интимными подробностями адюльтера, а оттуда новость доставили в Париж корреспонденты французских газет.

Между тем разразившийся скандал с протезированием лейтенанта Шарля положил конец связи этого кавалериста с Жозефиной. Поэтому ей ничего не оставалось, кроме попытки примирения с мужем. Узнав, что Наполеон сбежал из Египта, она помчалась к побережью и даже обскакала его братьев. Только в Лионе она узнала, что разминулась с мужем, и повернула на Париж. Наполеон вошел в свой дом на улице Победы и не обнаружил там супруги. Через несколько часов приехали его братья. Они обо всем рассказали и настоятельно советовали развестись. Но Наполеон по-прежнему так обожал Жозефину, что правда не укладывалась в его голове. Через три дня супруга наконец объявилась, но Наполеон заперся в кабинете. Никакой стук, никакие мольбы не заставили его отпереть дверь. Всю ночь Жозефина прорыдала у порога. Утром горничная посоветовала привести

⁹ Мадам генерал (фр.).

Гортензию и Евгения. Наполеон, любивший приемных детей, в конце концов сменил гнев на милость и отворил дверь.

Глаза его были красны от слез. Он обнял Евгения, а Жозефина с Гортензией опустились на колени и припали к его ногам. Вскоре он утратил волю к сопротивлению. Позже к нему заехал брат Люсьен и обнаружил Наполеона с Жозефиной в спальне — они мирно лежали в постели.

И все же их отношения перевернулись с ног на голову. Теперь Жозефина отчаянно пыталась удержать мужнину любовь, а Наполеон искал развлечений «на стороне» и не позволял, чтобы в его присутствии упоминали имя Ипполита Шарля.

После государственного переворота 1800 года, сделавшего Наполеона военным диктатором, его главный порученец Дюрок приводил в спальню, расположенную рядом с кабинетом Наполеона, молодых женщин. Они получали приказ раздеться и лечь в постель, чтобы удовлетворить нужды «ля петит женераля», как только он управится с делами. Он даже влюблялся раза два или три. Адюльтер, говорил он, это «шутка за маской... и, безусловно, вовсе не редкое явление, а совершенно ординарное происшествие на диване».

Жозефина, стремясь во что бы то ни стало укрепить свои позиции, решила выдать свою дочь Гортензию замуж за Луи — брата Наполеона. Рассуждала она так: если даже не смогу родить Наполеону наследника, по крайней мере стану бабушкой Бонапарта. Она завоевывала Наполеона, по словам одного из его помощников, «прилагая усилия в будуаре, постоянно увещевая его и проявляя нежность». Но все пошло прахом, когда до Луи дошел слухок об интрижке восемнадцатилетней Гортензии со своим отчимом — самим Наполеоном.

В течение второй итальянской кампании Наполеон регулярно, ближе к вечеру, посылал за местной девушкой для «приятного времяпрепровождения». Кроме того, он соблазнил Ла Грассини — примадонну «Ла Скала» — и поселил ее в парижском доме. Но триумфальная интрижка с героем-завоевателем в Милане — это одно, а статус официальной любовницы главы государства — совсем другое, поэтому Наполеона вскоре заменил скрипач по имени Роде.

А ее саму сменила Луиза Роланде из «Опера-Комик». Пока Жозефина находилась на курорте Пломбьер, чьи воды, по слухам, благотворно сказывались на плодovitости женщин, Наполеон пригласил Луизу встречать гостей в Мальмезоне — его загородной вилле. Жозефина написала письмо Гортензии, являвшейся официальной хозяйкой этого дома, с требованием положить визитам конец. «Как будто от меня тут что-нибудь зависит», — ответила Гортензия. Жозефина пыталась взять ситуацию под контроль, но дела ее шли все хуже и хуже, и в конце концов она заподозрила мужа в любовной связи с ее горничной и конфиденткой Клер де Ремюса. Жозефина сетовала на сексуальную распущенность мужа и предупреждала Клер, что он «самый безнравственный» из мужчин.

«Послушать ее, так у него вообще нет моральных устоев, — писала мадам де Ремюса. — И свои порочные наклонности он скрывает только из опасения за репутацию. И если бы ничто не сдерживало эти наклонности, он бы погряз в самых постыдных грехах. Разве он не соблазнил одну за другой всех своих сестер? Разве он не верит, что у него особая привилегия удовлетворять свои плотские надобности?»

Наполеон откликнулся на это, невинно спросив у Клер, почему Жозефина так расстраивается из-за «этих безобидных развлечений, которые никак не влияют на мою привязанность». «Я не такой, как другие мужчины, — гремел он в ответ на безумные обвинения жены. — Ко мне неприменимы законы нравственности и общества. У меня есть право отвечать на все твои протесты одним словом «я»!»

И все же в 1803 году, когда Наполеон увенчал свою голову императорской короной, Жозефина еще была рядом. Из коронации она постаралась извлечь для себя выгоду. Еще до этой церемонии, когда Папа Пий VIII отправился во Францию, чтобы совершить миропомазание Наполеона, она добилась приватной встречи с ним и сказала, что озабочена вопросом о законности своего брака. Действительно, они с Бонапартом обошлись без венчания, а одной лишь гражданской регистрацией. Потрясенный Папа отказался

участвовать в коронации, если ситуация не будет незамедлительно исправлена.

Вечером 1 декабря 1804 года в обстановке величайшей секретности в кабинете Наполеона был установлен алтарь. Кардинал Феш — дядя Наполеона — совершил брачный обряд в присутствии двух свидетелей. Позже Жозефина попросила кардинала письменно подтвердить, что брак заключен по закону.

Родственники Наполеона ненавидели Жозефину и готовы были на все, чтобы от нее избавиться. Они часто знакомили его с потенциальными любовницами. Сестра Каролина представила Наполеону амбициозную и привлекательную Марию-Антуанетту Дюшатель. Вскоре Жозефина заподозрила, что та стала любовницей Наполеона. Однажды Жозефина заметила, что ее муж и мадам Дюшатель покинули салон. Она нашла их в уединенной комнате и принялась яростно барабанить в запертую дверь. Когда Наполеон отворил, Жозефина увидела парочку нагими. Мадам Дюшатель убежала, Жозефина залилась слезами, Наполеон бушевал, пинал мебель и угрожал развестись, если Жозефина не прекратит шпионить за ним.

Жозефина жила в вечном страхе — вдруг какая-нибудь из любовниц Наполеона забеременеет? Тогда закон позволит ему развестись с бесплодной женщиной и взять в супруги другую, способную родить. Затем сестра Каролина привела к нему привлекательную восемнадцатилетнюю Элеонору Демюэль, чей муж только что был взят под арест по обвинению в подлоге. Каролина все время опекала Элеонору и регулярно приводила ее в Тюильри на свидания с Наполеоном. Таким образом, если бы Элеонора зачала, Наполеон был бы уверен, что ребенок — от него. В сентябре 1806 года она забеременела. Жозефина ничего не сказала, узнав об этом, лишь доверилась судьбе. Когда Элеонора Демюэль родила сына, Наполеон гордо сообщил, что он — отец. Но и тогда еще он не бросил Жозефину. Позже он узнал, что попытки его сестры не подпускать к Элеоноре Демюэль других мужчин, возможно, оказались не столь успешны, как ему мнилось. Похоже, муж самой Каролины — Иоахим Мюрат — имел немало шансов быть отцом ребенка Элеоноры.

Многие романы Наполеона прошли незамеченными, но его связь с Маргаритой Веймер (позже прозванной «китихой» за свою невероятную полноту) привела к настоящему скандалу. Когда Наполеон познакомился с ней, она была пышнотелой шестнадцатилетней актрисой из «Комеди Франсез». Вечерами Маргарита тайком пробиралась в комнату, примыкавшую к его кабинету, и он, закончив трудовой день, отдыхал с ней, а затем шел к себе в спальню.

А для Жозефины ожидание мужа иногда превращалось в невыносимую пытку. Как-то ночью она попыталась застать его с Маргаритой, но путь ей решительно преградил Рустам — свирепый мамлюк из гвардии Наполеона.

Известен и другой случай. Однажды, как только Наполеон с Маргаритой занялись любовью, у него начался эпилептический приступ, и он потерял сознание. С перепугу Маргарита завопила так, что разбудила весь дом. Придя в себя, Наполеон обнаружил, что вокруг его постели столпились Жозефина, Клер де Ремюза и десятки слуг. В постели рядом с ним лежала голая Маргарита.

Хуже того, парижское общество узнало Маргариту Веймер еще и под псевдонимом мадмуазель Жорж. Наполеон бросил ее, когда вышла в свет книжка эротического содержания о ее гомосексуальной связи с лесбиянкой Ракор.

Наполеон никогда не пытался скрывать от Жозефины своих любовниц. Он имел привычку рассказывать придворным о навыках, физических недостатках и анатомических особенностях своей последней подруги «с самой непристойной откровенностью». Вскоре эти подробности через дипломатических курьеров доходили до европейских правительств. Но Жозефина так дорожила своим положением супруги императора, что терпела позор. Она даже помогала мужу избавляться от надоевших ему пассий.

Хотя циркулировавшие по стране памфлеты славил Наполеона, как Геракла среди любовников, правда была куда приземленнее. Мадемуазель Жорж в своих мемуарах утверждает, что они с Наполеоном легли в постель только во время третьего свидания.

Физически он был не слишком силен и в ее обществе никогда себя не мучил, хотя порой демонстрировал пылкую ревность к ее бывшим кавалерам. Однажды, вспоминала она, он скакал по спальне нагишом с венком из белых роз на голове.

Хорошо знавший Наполеона писатель Стендаль поведал, что однажды, когда император сидел вечером за столом и подписывал декреты, ему доложили о визите дамы. Он, даже не отрываясь от работы, попросил ее войти и подождать его в постели. Позднее со свечой в руке он вывел ее из спальни и возвратился за стол — к своим бесконечным декретам. Самая важная часть свидания не продлилась и трех минут.

Одну нервную актрису он поприветствовал лаконично: «Входите. Раздевайтесь. Ложитесь».

Порой он не удостаивал женщину даже словами. Как-то раз он отправил слугу встречать другую актрису из «Комеди Фразез» — мадемуазель Дюшесно. Когда она появилась в его тюильрийских апартаментах, ее попросили подождать. Через два часа слуга вошел к Наполеону и напомнил, что мадемуазель Дюшесно все еще ожидает. В ответ он услышал: «Пойди скажи, чтобы разделась». Она разоблачилась. Еще час просидела нагишом. Снова к Наполеону отправился слуга с напоминанием. На этот раз император сказал: «Ступай отправь ее домой». Она оделась и ушла.

Жозефина действительно во многом упрощала для него жизнь. Она любила окружать себя хорошенькими юными фрейлинами. Когда у Наполеона наступал, по его выражению, «брачный сезон», он мог выбирать лучших из подруг жены. «Любовь — единственная страсть, которая превращает мужчину в зверя, — говорил он. — В брачном сезоне я настоящий пес».

По мере того, как Наполеон прибирал к рукам все больше власти, он все небрежнее занимался любовью; но ему было важно сохранять имидж. На склоне лет он признал свою «слабость в любовной игре; она не так уж много значила».

Однозначно высказался об этом близкий друг Наполеона — генерал Луи де Коленкур: «Он редко испытывал потребность в любви или получал от нее истинное удовольствие. Императору так хотелось рассказывать о своих амурных успехах, что подчас казалось, будто он затевает интрижки только ради того, чтобы потом о них поговорить».

На самом деле Наполеон не очень любил прекрасный пол. В своих письмах он был искренен: «Мы слишком хорошо относимся к женщинам и тем самым все портим. Мы совершили огромную ошибку, подняв их до своего уровня. На Востоке люди гораздо умнее и здравомысленнее, у них женщины — рабыни».

Он считал, что мужчине вполне позволительно иметь несколько жен.

«На что могут жаловаться большинство дам? Разве мы не признали, что они обладают душами?.. Они требуют равенства! Чистой воды безумие! Женщина — наше имущество... В точности как плодородное дерево принадлежит садовнику», — писал он.

Кроме того, Наполеон был убежден в «слабости женского интеллекта». Он жаловался, что его брат Жозеф «спрятался навсегда с какой-то женщиной, читающей Торквато Тассо и Аретино». Несомненно, что разочарованию Наполеона в любовной романтике способствовала связь Жозефины с Ипполитом Шарлем.

Мало того, что Жозефине досаждали измены мужа на дому, он часто уезжал за пределы досягаемости. В 1806 году, после успешного завершения прусской кампании, он отправился в Польшу, и Жозефина изводилась мыслями о «польских красавицах». «Здесь, среди польских пустошей, редко приходят мысли о красавицах, — писал он ей. — Потому для меня на свете существует только одна женщина. Вы ее знаете? Я могу ее описать, но не хочу будить в Вас тщеславие; и все же, положив руку на сердце, я не могу сказать о ней ничего, кроме хорошего. Ночи здесь длинные, и я один-одинешенек».

Но недолго страдал он от одиночества. После незначительной победы над русскими при Пултуске Наполеона чествовали как освободителя Польши. В Варшаве, во «Дворце Королей», его ждал пышный прием, и там Наполеону приглянулась двадцатилетняя графиня Мария Валевская. Она смотрела на него, как на героя. Он же ясно дал понять, что она — из

тех женщин, с кем ему бы хотелось увидеться попозже и наедине.

Валевская была замужем за семидесятилетним графом и имела репутацию целомудренной, скромной и глубоко религиозной пани. Она ответила Наполеону отказом на рьяное приглашение разделить с ним постель. Не помогли и его щедрые дары: присланная Наполеоном шкатулка с драгоценными камнями полетела на пол. «Похоже, он принял меня за проститутку», — сказала она.

Не возымели действие и его страстные письма, и завуалированные угрозы. «Подумайте о том, сколь дороже будет мне Ваша страна, если Вы сжалитесь над моим бедным сердцем», — писал он.

К графу Валевскому явилась делегация с мольбой заставить Марию «сдаться» ради блага Польши. Граф согласился, и Марии пришлось отправиться в варшавские апартаменты Наполеона. Там он швырнул на пол карманные часы и припечатал их каблуком, а польский народ пообещал стереть в пыль, если Мария не уступит. Затем «кинулся» на нее, как «орел на горлицу». Она потеряла сознание. А он изнасиловал лишенную чувств женщину, впоследствии заметив лишь, что она «не слишком сопротивлялась».

Несмотря на такое неудачное начало, связь продлилась более трех лет, и, по уверениям современников, очаровательная и преданная Мария была единственной женщиной, которую по-настоящему любил Наполеон.

Пока он находился в Польше, они с Марией жили в «Шлосс Финкенштейн», и император называл ее своей «польской женой». Лишь одно омрачало их счастливые дни: несмотря на то, что у Марии был ребенок от семидесятилетнего мужа, ей никак не удавалось зачать от Наполеона. Но впоследствии, когда он уже вернулся во Францию, она послала весточку о рождении сына.

И хотя Наполеон всегда сомневался, что ребенок Элеоноры Демюэль — от него, Марии же он поверил сразу. Муж Марии дал младенцу свое имя, и граф Александр Валевский приобрел известность в годы правления Наполеона III.

И все-таки «жертвоприношение» графини Валевской оказалось напрасным. Наполеон сговорился с русским царем, согласившись, что слова «Польша» и «польский» необходимо вычеркнуть не только из всех договоров, но и из самой истории.

Лишний раз убедившись, что он не стерилен, Наполеон решил попроситься с Жозефиной и обзавестись супругой, способной родить ему законного наследника. Он устал от войн и решил, что гораздо выгодней заключить династические союзы. Он помышлял о женитьбе на русской, великой княжне. Против этого возражала вдовствующая русская императрица: Наполеон-де «не такой, как все мужчины», и если великая княжна выйдет за него замуж, ей, чтобы обзавестись ребенком, надо будет пригласить в будуар постороннего.

На разведку в Париж отправили из Петербурга принца Фредерика Луиса Мекленбург-Шверинского. Жозефина, жившая в вечном страхе перед разводом, лишила Наполеона шанса взять в жены девицу из дома Романовых — принц узнал от нее, что Наполеон импотент. «Bonaparte est bon a faire rien» — сказала она.

Уже после ее развода с Наполеоном 29-летний принц Фредерик предложил 47-летней Жозефине руку и сердце. Она отказала. Жозефина и на людях заявила, что от Наполеонова семени «никакого прока — самая обычная водица». На вид он ничем не отличается от других мужчин, говорила она, но разве нельзя сказать того же о пресловутых певцах-кастратах?

В семье Наполеона открыто обсуждались его приступы импотенции, и слухи о ней разошлись по всей Европе. Жозефине так и не удалось родить сына и наследника, и в 1809 году Наполеон расторг этот брак.

Государственные интересы побудили его взять в жены австриячку Марию-Луизу — племянницу Марии-Антуанетты. Впрочем, он нашел, что восемнадцатилетняя девственница — «из тех особ, на которых я непрочь жениться». Своему брату Люсьену он сказал: «Естественно, мне бы хотелось короновать мою любовницу (подразумевалась Валевская), но я должен заключать союзы с суверенами». Заключение союза с Австрией оказалось политической ошибкой, которая вскоре привела к войне с Россией.

Для Жозефины развод стал тяжелым ударом, но она все еще не считала борьбу проигранной. Она способствовала женитьбе мужа на Марии-Луизе, надеясь, что юная принцесса придет к ней за советом, и они создадут *menage a trois*¹⁰, где она как старшая из двух императриц, естественно, будет играть главенствующую роль.

Однако Наполеон, в марте 1810 года вступивший в брак по доверенности, через две недели выгнал Жозефину из Парижа. Впоследствии обе дамы время от времени встречались в Мальмезоне и проливали горькие слезы.

Мария-Луиза была младше Наполеона на двадцать лет. При первой же встрече она согласилась лечь с ним в постель. В ту пору Наполеон, по описаниям современников, «вел себя скорее как насильник, нежели как ухажер», но Марию-Луизу, похоже, это не смущало. Потом, как говорит в своей знаменитой цитате Наполеон, она даже «попросила меня сделать это еще раз».

Наполеон был в нее страстно влюблен, и в 1811 году она родила ему наследника. Ходили, правда, слухи об искусственном осеменении. Что бы ни говорили, Наполеон был в восторге. Радовалась даже Жозефина. Несмотря на недвусмысленные протесты Марии-Луизы, экс-императрице удалось тайком повидать ребенка. Кроме того, она приняла у себя герцогиню Валевскую, когда та со своим сыном Александром посетила Францию.

Когда Наполеон лишился власти, Жозефина пожелала отправиться вместе с ним на Эльбу, но помешала «его жена». Правда, Мария-Луиза тоже не отправилась в изгнание с Наполеоном. Она стала великой герцогиней Пармской. Ее отец послал к ней на помощь графа фон Нейперга. Граф ее соблазнил, и она сожительствовала с ним до самой своей кончины. Ко дню возвращения Наполеона с Эльбы Жозефина умерла. После Ватерлоо Наполеона выслали на остров Святой Елены, и там с ним оставались четверо друзей, все — мужчины.

Существовало немало домыслов о сексуальной ориентации Наполеона. Он терпимо относился к гомосексуализму в армии и не пожелал отодвинуть его за черту закона своим знаменитым «Кодексом». Многие мужчины писали о его «соблазнительном очаровании». Хлестче всех выразился генерал де Сегюр: «Достигнув вершины власти, он больше не командует, как мужчина, а соблазняет, как женщина».

Сам Наполеон признался, что его дружба с мужчинами обычно начиналась с физического притяжения. Вот что пишет генерал Коленкур: «Он мне сказал, что для него сердце — вовсе не орган чувств, что его чувства живут лишь там, где мужчины испытывают ощущения иного рода. В сердце — ничего, все только в чреслах и другом месте, кое я оставляю безымянным».

Исключительную приязнь Наполеон питал к молодому златовласому русскому царю Александру I. Эта граничащая с одержимостью симпатия привела в конце концов к катастрофе в войне с русскими и падению Наполеона.

Когда они впервые повстречались с русским царем на плоту посреди реки Тильзит, Наполеон воскликнул: «Это Аполлон!» Впоследствии он написал Жозефине:

«Будь он женщиной, я бы его сделал своей любовницей». О его «пристрастии к красивым мужчинам» упоминала и горничная Жозефины.

Среди приближенных Наполеона хватало женоподобных молодых людей, и он относился к ним с нежностью. По словам Меневаля — секретаря Наполеона, — император «приходил и садился на угол моего стола или подлокотник кресла, а иногда и мне на колени. Он обнимал меня рукой за шею и посмеивался, ласково теребя мое ухо».

Помощник Наполеона — Луи Маршан — получил кличку «мадмуазель Маршан», а шевалье де Сен-Кру — «стройного, франтоватого малого с гладким миловидным личиком, более подходящим девице, нежели bravому солдату», — прозвали «мадмуазель Сен-Кру». А

¹⁰ Семейно втроем (фр.).

Наполеона барон Гаспар Гургар, шесть лет прослуживший при нем ординарцем, титуловал «ее величество».

После катастрофического завершения русской военной кампании Наполеон в сорокадвухлетнем возрасте стал импотентом, причиной тому был, вероятно, отказ эндокринных желез. Вдобавок ему досаждала «жгучая моча» из-за кальциевых отложений в уретре.

Возможно, Наполеон и испытывал некоторые сомнения в своей сексапильности, но его сестра Полин никакими комплексами не страдала. Она была одной из очаровательнейших женщин того времени и, по некоторым сведениям, обладала непомерным сексуальным аппетитом. «В ней дивным образом объединялись совершенная красота и необыкновенная моральная распушенность, — сказал современник. — Я в жизни не встречал более очаровательного существа, но и по части фривольности с ней некому было тягаться».

С этим соглашалась графиня Анна Потоцкая: «Она сочетала лучшие и самые правильные черты лица, какие только можно вообразить, с великолепнейшей фигурой, которой, увы, слишком часто восхищались».

Достигнув возраста, в котором большинство людей моется редко, Полин сделала свое времяпровождение в ванной поистине публичным действием. Ежеутренне ванну заполняли двадцатью литрами свежего молока. Полин раздевалась донага, а затем чернокожий невольник Поль нес ее в ванну.

Шокированным зрителям красotka дерзко говорила: «А что в этом такого? Вас возмущает, что он не женат?» И тогда Полин женила Поля на одной из своих горничных, но он все же не перестал носить ее, голую, в ванну.

В пятнадцать лет Полин полюбила сорокалетнего Луи Ферона, считавшегося королем щеголей. Но клан Бонапартов счел партию неподходящей, и Наполеон убрал Ферона с глаз долой. Тогда Полин в отместку принялась флиртовать с адъютантами императора.

Чтобы обуздать сумасбродку, Наполеон подыскал для нее мужа — Виктора Леклерка — привлекательного блондина, сына мельника. В качестве свадебного подарка Виктор получил производство в бригадные генералы. И хотя это был брак не по великой любви, Полин осталась вполне довольной и родила ему в 1798 году сына Дремида.

В 1800 году во французской колонии Санто-Доминго — ныне Республика Гаити — вспыхнуло восстание невольников под предводительством Тоссе Л'Овертюра. Леклерка отправили усмирять мятежников. Но Полин не желала расставаться с Парижем и несколькими любовниками. (Один из них позднее напишет: «Прежде чем она отправилась на Санто-Доминго, нас, пользующихся милостями Полин, не бывало меньше пяти в одном доме. Она была величайшей среди шлюх и самой желанной женщиной на свете».) Она три дня просидела взаперти у себя в спальне и согласилась плыть на Санто-Доминго, лишь когда Наполеон обещал регулярно слать ей корабли с парижскими нарядами.

В 1802 году Леклерк успешно подавил восстание, но вскоре заболел желтой лихорадкой и умер. Полин вернулась во Францию, где век ее траура оказался весьма недолог.

Наполеон быстро подыскал ей второго мужа — графа Камилло Боргезе. Этот итальянец был сказочно богат, он собрал одну из величайших в мире коллекций бриллиантов. Его деньги и титул пришлись Полин по вкусу, но все испортил один великий изъян: в сексуальном отношении Камилло был ей совершенно не ровня. Из Рима, с Вилла-Боргезе, Полин отправила дяде письмо: «Лучше я буду вдовой Леклерка за паршивые двадцать тысяч франков в год, чем замужем за евнухом».

Полин ухитрялась бросаться из одной крайности в другую. По возвращении в Париж она влюбилась в модного художника Луи Филипа Огюста де Форби. Он считался чрезвычайно одаренным, и Полин не могла на него нарадоваться, но размеры его пениса

вызвали у нее сильное раздражение вагины. Пригласили доктора, и он обнаружил бедняжку на грани нервного истощения. От постоянного возбуждения у нее распухла матка, а вагина хранила многочисленные следы травм. Ради здоровья Полин художника убедили пойти в армию, а затем убрали подальше от греха.

Вскоре Полин утешилась. В Ницце она наняла молодого музыканта по имени Феликс Бланжини «дирижировать ее оркестром». Кроме того, она уложила в постель Франсуа Тальма — знаменитейшего актера того времени — и 25-летнего полковника Армана Жюля де Кановиля — адъютанта начальника наполеоновского штаба.

Снова вмешался Наполеон — злосчастный офицер был переведен в Данциг и в 1812 году, при отступлении из Москвы, он умер. С его шеи сняли фермуар с портретом Полин. Она тяжело переживала утрату.

Вместе с братом она отправилась в изгнание на Эльбу, а когда «сто дней» остались позади, выразила готовность плыть вместе с ним на остров Святой Елены. Этого не допустили англичане, и Полин вернулась к мужу и умерла от рака в Вилла-Боргезе в возрасте сорока четырех лет. Отходя в мир иной, она сжимала в руке зеркальце.

Она ушла, но остался памятник ее красоте. В пору ее расцвета Антонио Канова создал свою знаменитую скульптуру — Венеру, полулежащую на кушетке. На вопрос «как вы могли позировать обнаженной?», Полин отвечала: «Я не мерзла, в студии горел огонь». Последней ее волей было похоронить ее в закрытом гробу. Зато обнаженную Венеру Кановы вынесли из хранилища и поставили в церкви на всеобщее обозрение.

Луи Наполеон, который был сыном Луи Бонапарта — брата Наполеона, возведенного на голландский престол, и дочери Жозефины — Гортензии, в 1852 году стал диктатором Наполеоном III.

После падения Наполеона I семью Бонапартов изгнали из Франции, и Луи Наполеон вырос в Швейцарии. С ранних лет его сопровождала вереница любовниц и внебрачных детей.

Когда умер герцог Рейхштадский (единственный законный сын Наполеона, считавшийся впоследствии Наполеоном II), Луи возглавил семейную борьбу за французский трон. Дабы укрепить свои позиции, он выразил готовность жениться на своей кузине принцессе Матильде Бонапарт. Однако его надежды на брак рухнули при неудачной попытке свергнуть в 1836 году французское правительство, и он был изгнан в Англию.

В 1840 году он предпринял новую попытку — высадился в Булони с маленьким отрядом и тотчас угодил в плен. Томясь в крепости Хэм, он умолял допустить к нему женщин. Правительство Франции разрешило сладострастной двадцатилетней красотке Александрине Верже посещать злополучного претендента на престол. Официально ее нанимали гладить мундиры охранников, но известность она приобрела за «обслуживание многих важных государственных узников». Луи Наполеон провел в тюрьме Хэм шесть лет, и за этот срок Александрина родила ему двоих сыновей.

В 1846 году Луи Наполеону удалось бежать и вернуться в Англию. В Лондоне он прожил два года на содержании у красивой англичанки Элизабет Говард. Она же финансировала в 1848 году его возвращение во Францию, в результате чего он захватил власть. В награду Элизабет Говард получила титул графини де Берегар и пять миллионов франков.

В 1853 году Луи женился на испанской аристократке Евгении де Монтихо, женщине, самой, неподходящей, пожалуй, на роль его супруги. Эта благочестивая католичка считала секс явлением богомерзким, прощательным лишь для деторождения. По мнению принцессы Матильды, ей бы пойти в монахини. Евгения познакомилась с Луи Наполеоном, вышла замуж 27-летней девственницей и через два года, родив ему единственного сына, совершенно прекратила сексуальные отношения с мужем. При этом она ревновала его к

любовницам, обвиняла в том, что он спит «со всяким отребьем», лишь бы ей досадить.

Наполеон III действительно питал пристрастие к куртизанкам и проституткам. Однажды он заплатил десять тысяч франков за ночь с английской путаной Корой Перл. Правда, это была не простая шлюха, а знаменитость в своем роде. Когда Берти — принц Уэльский — пожелал на нее взглянуть, ее принесли на обеденный стол в огромном серебряном блюде. С блюда сняли крышку, и Берти увидел Кору Перл, совершенно голую, если не считать нитки жемчуга и веточки петрушки.

Другую куртизанку, чьими услугами наравне с принцем Уэльским пользовался Наполеон III, звали Джулия Бенини; эта красивая итальянка прославилась прозвищем Ла Баруччи. У себя в салоне она хранила серебряный кубок с выгравированными буквой «N» и императорским крестом. Еще у Наполеона III была долгая связь с известной французской актрисой Рашель.

Наполеон III спал не только с девушками из низшего общества, попадались среди его любовниц и аристократки. По свидетельству маркизы Тайси-Шатено, как-то раз среди ночи Наполеон III наведлся к ней в спальню в одной розовато-лиловой шелковой пижаме. Не тратя времени на лишние разговоры и любовную прелюдию, они занялись сексом. Попотев и покряхтев, он сделал дело и удалился. Кроме того, соблазнил мадам Велевскую, жену своего министра иностранных дел.

Последней его любовницей стала дородная пейзажанка Маргарита Беланже. В ту пору Наполеон III уже серьезно болел, и Евгения была убеждена, что новая любовная интрижка сведет его в могилу, поэтому она уговорила Маргариту оставить его в покое.

Когда Наполеона III спрашивали, зачем ему столько любовниц, он отвечал: «Должен же я иногда развлекаться». Однако его «развлечения» представляли собой угрозу государственной безопасности. Министры умоляли его быть осторожнее, предупреждали, что он может угодить в силки какой-нибудь авантюристки. Так и вышло. Премьер-министр Сардинии подослал к нему красивую 19-летнюю графиню де Кастильоне, чтобы она заручилась его помощью в борьбе за объединение Италии. С этой задачей она легко справилась в постели.

Наполеон III не страдал от избытка политического благоразумия. Он вовлек Францию в несколько изнурительных войн, и поражение во франко-прусской кампании 1870–1871 годов стоило ему трона. Он снова отправился в изгнание и умер в Англии в 1873 году.

Глава 2

Десять дней, которые потрясли кровать

Владимир Ильич Ульянов, более известный под псевдонимом Ленин, тоже принадлежал к числу дамских угодников, но его влекло только к женщинам, которые были неравнодушны к революционной борьбе.

Его первую возлюбленную звали Надежда Константиновна Крупская. Она была на год старше и к моменту их знакомства успела свято уверовать в идеалы марксизма. Молоденькой девушкой она прочла первый том «Капитала» К. Маркса и сообщила, что слышит «похоронный звон по капиталу — экспроприаторы будут экспропрированы» и что ее «сердце бьется так, что его слышно». Наверное, она была из породы романтиков.

Надю считали привлекательной брюнеткой, и революционный апломб молодого Ильича произвел на нее хорошее впечатление. Они прогуливались по берегам Невы и беседовали о грядущем свержении капитализма, о будущем возмездии за казнь брата Александра, покушавшегося на жизнь царя.

Между тем Ленин положил глаз и на одну из подруг Нади — находчивую и предприимчивую Аполлиналию Якубову. Вскоре его арестовали за подрывную деятельность, но перед тем он успел сделать Аполлиналии предложение.

Из тюремной камеры он слал Аполлиналии и Наде письма с просьбами приходить на Шпалерную улицу, к тюрьме, чтобы он мог поглядеть на них из зарешеченного окна.

Аполлинария ни разу не явилась, и топтаться под стенами тюрьмы приходилось одной Наде, из чего Ленин сделал неутешительный вывод, что ему дали отказ.

Аполлинарию и Надю вскоре тоже арестовали. Они отправились в сибирскую ссылку, но Якубову через несколько месяцев после оглашения приговора спас молодой профессор-юрист по фамилии Тахтерев. Они сбежали в Лондон, и там их встретил Ленин уже в 1902 году. Аполлинария тогда помогла Ленину с Надей снять номера в «Грейс-Иин-Роуд», на Холфорд-сквер, 30.

После недолгой отсидки в тюрьме Ленина отправили в Сибирь. Но он к тому времени уже обручился с Надей, что позволило ему просить у властей разрешения пригласить ее к себе в ссылку. Власти не возражали, но выдвинули условие, чтобы Ленин и Надя поженились. Это очень обеспокоило Анну — сестру Ленина. «Надя похожа на селедку», — написала она.

В юности Надя была хорошенькой, но с годами стала обыкновенной простушкой и выглядела даже старше своих лет. О ней иронически отозвался писатель Илья Эренбург: «Достаточно разок взглянуть на Крупскую, и понять, что Ленина женщины не интересовали». Она страдала болезнью Грейвса — не могла иметь детей.

Впрочем, Ленин тоже был далеко не красавец. Когда Надя наконец добралась до сибирской деревни, где «тянул» срок ее жених, он первым делом услышал от нее: «Господи, как ужасно ты растолстел!» В ту ночь они пьянствовали с местными жителями, а спать легли почти на рассвете. Если молодые и питали надежды на семейное счастье, то этому не суждено было сбыться, так как к ним нагрянула Надина мать. Эта женщина была очень религиозна и вдобавок остра на язык, Ленин с ней постоянно ссорился.

Ленину нравились женщины из богатых слоев общества. В 1905 году, проживая в Санкт-Петербурге под вымышленным именем и опасаясь ареста, он встретил разведенную даму с замысловатым псевдонимом Элизабет де К. Эта аристократка ни от кого не зависела в финансовом отношении и обладала изысканным вкусом, интересовалась миром искусства, литературы и вела красивую жизнь. Они встретились в ресторане «Тартар», где Ленин ужинал со своим другом Михаилом Румянцевым. Элизабет де К. сидела за столиком в одиночестве, и Ленин не мог оторвать от нее глаз. Мало-мальски знавший ее Румянцев подошел к ней и попросил составить им компанию.

«Вы познакомьтесь с очень интересным человеком, — посулил Румянцев. — Он весьма знаменит, но вам не следует чересчур интересоваться подробностями его биографии». Даму это позабавило и заинтриговало, она подошла к соседнему столику, и Михаил представил ей «Уильяма Фрея». «Вы англичанин?» — спросила она Ленина. «Нет, я не совсем англичанин», — был ответ. Приятная беседа длилась около часа, от загадочного незнакомца так и веяло агрессивностью, но дама не догадалась, что перед ней — тот самый Н. Ленин, автор зажигательных статей в «Новой жизни», о которых столько говорилось в те дни.

Через неделю она посетила редакцию «Новой жизни» и снова столкнулась с таинственным «не совсем англичанином».

«Рад вас видеть, — сказал он. — Я из-за вас беспокоился. Вы перестали бывать в ресторане «Тартар».

Это было деликатное предложение поужинать вместе, но она не отважилась дать согласие, так как совсем не знала этого человека. Она решила кое-что выяснить об «Уильяме Фрее» и обратилась к Румянцеву.

«Ты не понимаешь, — ответил Румянцев. — Разумеется, моего друга Фрея интересуют женщины, но, в основном, с коллективистской, социальной и политической точек зрения. Я очень сомневаюсь в том, что женщины как индивидуумы хоть сколько-нибудь ему интересны. Позволь добавить, что на другой вечер после того ужина он спросил, возьмусь ли я за тебя поручиться. К новым знакомым он относится очень подозрительно. Остерегайтесь

провокаторов. Пришлось сказать, кто ты».

Элизабет поняла, что таинственный мистер Фрей — опасный революционер. Но ей снова довелось с ним увидеться. Румянцев организовал скромную вечеринку. За разговорами встал вопрос, нельзя ли использовать квартиру Элизабет де К. для проведения тайных митингов. Квартира находилась в богатом квартале, и посетители могли проникать туда и выбираться незамеченными. Полиция вряд ли заподозрила бы, что там собираются революционеры. Элизабет согласилась предоставлять им свою квартиру дважды в неделю. Она отсылала горничную и ставила самовар. Первым приходил Ленин и называл ей разовый пароль. По этому паролю она впускала остальных гостей. Когда завязывалась беседа, Элизабет удалялась в свою спальню. По прошествии нескольких таких собраний как-то само собой получилось, что приходить к ней стал один Ленин.

Это был страстный роман, но с самого начала возникли трения: Элизабет обладала обширным культурным кругозором, Ленина же ничего, кроме политики, не интересовало. И все же она искала пути к сближению. В июне 1906 года она посетила большевистский митинг в поле под Санкт-Петербургом. Когда появился Ленин, толпа пришла в неистовство. Она бурно откликнулась на призыв к восстанию и сразу двинулась в город с Владимиром Ильичом во главе. На Полюстровском проспекте толпу рассеяли казаки с плетками. Ленин залег в канаве. Судя по всему, такой исход его обрадовал, но Элизабет поняла, что за подстрекательство к восстанию его ждет неминуемый арест. Она спросила, готов ли он целиком довериться ей и подчиняться беспрекословно. Он ответил утвердительно. Она провела его пустырями и заросшими тропками в пригородную деревню, а затем они на трамвае вернулись в центр Санкт-Петербурга.

Ленин тоже готов был ее защищать. Как-то раз они сидели вдвоем в ее квартире, вдруг из самовара ей на платье упал раскаленный уголек, и оно вспыхнуло. Ленин подскочил к ней и погасил огонь. Когда он встал, Элизабет заметила, что он дрожит и холоден, как лед. Он повернулся и кинулся вон из дома. Тогда-то она и поняла, что он ее любит.

Она отправилась вслед за ним в Стокгольм. Даже в Швеции он боялся тайной полиции и вел жизнь заговорщика с секретными знаками, паролями, встречами в безлюдных местах.

Однажды он ей позвонил и назначил встречу в какой-то галерее, но поставил условие: если там окажутся другие русские, она притворится, что не узнала его. Придя туда, она увидела чуть поодаль двух грузин — они атаковали торговый автомат. Когда появился Ленин, грузины закричали: «Товарищ Ильич, помоги сладить с проклятуей буржуйской машиной. Мы хотим сэндвичи с ветчиной, а она подсовывает пирожные». «Знаешь, кто эти грузины? — спросил он позже. — Наши делегаты с Кавказа. Отличные ребята, но сущие дикари».

Жена и партийные съезды оставляла Ленину мало времени для Элизабет. Лишь иногда по понедельникам он нанимал в парке лодку и катал ее по озеру.

Но пламя их любви не угасало. Возвратясь в Петербург, она получила от него сумбурное и требовательное послание: «Немедленно напиши и назначь точное место встречи, иначе могут быть отсрочки и недоразумения».

Тон письма не понравился Элизабет, и она решила порвать с Лениным. Через два года в Женеве она узнала из газеты о его намерении выступить в Париже с речью. Повинуясь порыву, она села в поезд и приехала в столицу Франции. В перерыве пошла к Ленину за кулисы. Но приблизиться не удалось — его окружали восхищенные приверженцы. В конце концов он ее заметил. Сначала не узнал, затем удивился, «Какого черта! Что ты здесь делаешь?» — спросил он. «Пришла тебя послушать. И один человек попросил передать тебе вот это», — она вручила ему конверт, где лежал листок с адресом и телефонным номером ее гостиницы.

Следующее утро она прождала у телефона. Ленин так и не позвонил, зато прибыл сам, и они бросились друг другу в объятья. Отношения возобновились, хотя уже без прежней страсти. Нерегулярные встречи и переписка продолжались девять лет. Некоторые из первых писем Ленина дышат любовным пылом, поздние напоминают лекции по марксистской

диалектике. В конце концов Элизабет де К. и Ленин поняли, что живут в разных мирах. Ленин, хоть и ратовал за эмансипацию, говорил, что ни разу не встречал женщину, которая прочла бы «Капитал» от корки до корки, которая способна вникнуть в железнодорожное расписание или может играть в шахматы. Он вручил Элизабет шахматы и попросил доказать, что он не прав.

В отместку она послала ему открытку с Моной Лизой и просьбой взглянуть и передать свои впечатления. И получила такой ответ: «Ничего не удалось извлечь из твоей Моны Лизы. И лицо, и платье мне ровным счетом ни о чем не говорят. Кажется, есть одноименная опера и книга Д'Аннунцио. Не возьму в толк, зачем ты мне ее прислала».

Причиной последней размолвки стал вопрос об отношении к свободе. Элизабет решила испытать веру Ленина в гранитную марксистскую диалектику. «Несомненно, в ней должно быть место свободе личности», — сказала она. «Люди не испытывают потребности в свободе, — отвечал Ленин. — Свобода — одна из форм буржуазной диктатуры. В стране, достойной называться государством, свободе места нет. Людям угодно пользоваться властью, но, Боже мой, что произойдет, если они ее получат?!»

Этот разговор происходил в 1914 году. Уже тогда у Ленина были диктаторские замашки.

Не успев расстаться с Элизабет де К., Ленин повстречал величайшую в своей жизни любовь — еще одну состоятельную разведенную даму. Звали ее Элизабет Д'Эрбенвиль Арманд.

Француженка по происхождению, дочь комедианта из мюзик-холла, после смерти отца она перебралась в Москву, где учительствовали ее бабушка и тетя. Восемнадцатилетняя Элизабет вскоре привлекла к себе внимание двадцатилетнего Александра Арманд — второго сына богатого текстильного мануфактурщика. Они сыграли свадьбу, поселились в пригородной усадьбе, и Элизабет родила пятерых детей. Она была счастлива и получала от жизни все, что хотела, кроме опасных и волнующих приключений.

Внезапно Элизабет бросила мужа и сбежала с его младшим братом Владимиром. Их бурный роман осеяло знамя свободной любви, но и это не могло удовлетворить ее в полной мере, и она сошлась в Стокгольме с феминисткой Элен Кей. Вскоре феминизм ей наскучил, но у Элен Кей она прочла статьи Ленина, сулившие опасные и волнующие приключения, и записалась в большевики.

Она вернулась в Россию, чтобы участвовать в революции 1905 года, и взяла *nom de revolution*¹¹ Инесса, а дня через два ее арестовали. Спустя девять месяцев она вышла на свободу, но большевистских рядов не покинула. Она стала партийным курьером, затем снова угодила за решетку — на сей раз по серьезному обвинению в подрывной деятельности среди вооруженных сил.

Муж внес за нее залог, но она не оставила революционной борьбы и села в тюрьму в третий раз. Ее сослали в Архангельск, где лишь очень сильным политическим заключенным удавалось пережить свирепую северную зиму.

Ее деверь — Владимир Арманд — все еще был от нее без ума. Он отправился к ней в Архангельск, заболел туберкулезом и умер. Инесса бежала из ссылки и тайно перебралась с двумя детьми во Францию, где о ней уже ходили легенды.

Ленин встретил ее в Париже с распростертыми объятьями. Она стала героиней революции. Вождь мирового пролетариата восславил ее за подвиги и позаботился, чтобы она жила в той же гостинице, где поселился он с Надей, в номере напротив. К тому времени Инессе стукнуло тридцать лет. У нее были огромные глаза, широкий чувственный рот, изящное телосложение и непокорные каштановые кудри. Она была подвижна и умна. Одно ее присутствие вдохновляло экспатриантов, ее часто видели с Лениным в кафе на авеню д'Орлеан.

¹¹ Революционное имя (фр.).

Она была популярна, хотя Ангелика Балабанова — большевистская агитаторша, ставшая впоследствии любовницей Муссолини, — смотрела на нее косо. Может быть, ревновала.

«Я не питала к ней симпатий, — сказала Балабанова. — Она была педантична, одевалась, как стопроцентная большевичка — всегда в одном и том же суровом стиле, и как стопроцентная большевичка думала и говорила. Она свободно владела многими языками и на всех дословно цитировала Ленина».

До этого времени Ленин считался пуританином. Никто из товарищей-революционеров не слышал, чтобы он обращался к симпатичной молодой женщине фамильярно на «ты». Обычно Ленин употреблял слово «ты» только в обращении к матери.

Ленин и Арманд одинаково любили Бетховена и схожим образом толковали учение Маркса, и обоим примерами для подражания служили главные герои повести Чернышевского «Что делать?». Они очень хорошо вжились в роли, будто для них написанные Чернышевским.

Надя не противилась развитию отношений Ленина и Инессы. Напротив, она даже смягчала возможные конфликты. В то лето Надя вместе с матерью отправилась на отдых в Порник — деревню близ Сен-Назера, а влюбленная парочка осталась в Париже.

Есть свидетельства, что у Ленина перед бегством Инессы в Париж была связь с другой француженкой. Он отправил одной сочинительнице письма совершенно интимного свойства, и после его смерти они «всплыли». Француженка обещала не публиковать их, пока жива Надя, и за это советское правительство платило ей изрядную пенсию.

Возможно, на связь мужа с Инессой Надя смотрела сквозь пальцы потому, что Арманд по крайней мере знала русский язык и была предана делу освобождения пролетариата. Надя была искренне привязана к Инессе. Ей нравились и дети, приехавшие в Париж вместе с пламенной революционеркой. Надя чистосердечно писала, что «в доме светлее, когда входит Инесса». А уж Ленин и вовсе не скрывал, к чему ведет этот роман. Однако в его планы вмешалась революция.

В 1914 году влюбленные расстались. Ленин по большевистским делам отправился с Надей в Краков. Инесса ужасно по нему скучала.

«О, мой дорогой, мы с тобой разлучены! — писала она из Парижа. — Какая это пытка! Глядя на знакомые места, я слишком ясно, как никогда прежде, понимаю, сколь огромное место ты занимал в моей жизни. Здесь, в Париже, вся наша деятельность тысячью нитей связана с мыслями о тебе. Даже сейчас я смогла бы обойтись без поцелуев, лишь бы только увидеть тебя. Изредка беседовать с тобой — какое счастье, и кому от этого было бы хуже? Почему я должна от этого отказываться?»

Ее послания к тому же содержали красноречивые описания трений и напряженности, возникших в любовном треугольнике. «Ты спрашиваешь, не сержусь ли я на то, что ты «довел до конца» разрыв. Нет, не думаю, что ты это сделал по собственной воле. В Париже в наших отношениях с Н. К. [Надей] было много хорошего. В одной из последних досужных бесед она сказала, что я ей стала дорога и близка лишь совсем недавно... Лишь в Лонжюмо [летней школе революционеров], а еще — прошлой осенью, когда мы корпели над переводами... Я к тебе очень привыкла. Мне так нравится даже не слушать тебя, а просто смотреть, как ты говоришь. Во-первых, у тебя так оживляется лицо, а, во-вторых, мне проще в такие минуты смотреть на тебя, потому что ты этого не замечаешь».

Разлука продлилась всего лишь восемь месяцев, а затем они все втроем обосновались в Галисии. Сначала дело не шло на лад, и Надя решила уехать, позволив Ленину жениться на Инессе. Но Ленин на это не пошел. Слишком уж много в его революционной борьбе зависело от Нади. С другой стороны, он нуждался и в Инессе, но по другим причинам. Поэтому *triangle étrois* сохранилась и подчас знавала светлые времена.

«Часами мы ходили по усыпанным листьями лесным дорожкам, — вспоминала Надя. — Обычно втроем: Владимир Ильич, Инесса и я... Иногда сидели на солнечном склоне меж кустов. Ильич набрасывал тезисы своих речей, я учила итальянский, Инесса

шила юбку и наслаждалась солнечным теплом».

Годами они путешествовали, плели заговоры и вершили политику втроем. В марте семнадцатого года вернулись в Россию в знаменитом plombированном вагоне. С ними вместе была Ангелика Балабанова.

Октябрьскую революцию задумали Ленин, Надя и Инесса. Они образовали ядро партии, которая захватила власть, создала Советский Союз, управляла первым в мире коммунистическим государством. Все трое жили в Кремле до гибели Инессы от тифа в октябре 1920 года.

За две недели до смерти Инесса записала в дневнике: «В жизни романтиков на первом месте любовь, она идет прежде всего остального». Даже в когтях смертельного недуга она оставалась верна Ленину. В последней записке, нацарапанной коснеющей рукой, сказано: «Теперь я равнодушна ко всем. Главным образом потому, что мне почти все наскучили. Теплые чувства остались только к детям и В. И. Во всех же прочих отношениях — как будто умерло сердце. Как будто исчерпаны все силы, вся страсть к В. И. и работе, все ключи моей любви».

Гроб с телом Инессы был выставлен в Доме Советов, ее захоронили в кремлевской стене. На одном из венков была простая надпись: «Товарищу Инессе от В. И. Ленина».

Ее смерть была для Ленина тяжелым ударом. Ангелика Балабанова, занявшая после революции ключевой пост в Коминтерне, писала: «Не только его лицо, но и вся фигура выражала такую огромную печаль, что я не осмелилась с ним поздороваться, даже малейшим жестом привлечь его внимание. Было ясно, что он хочет остаться со своим горем наедине. Он как будто съежился даже, кепка почти закрывала лицо; глаза, казалось, тонули в слезах, которые он сдерживал с трудом. Наш круг двигался, и он двигался вслед за людьми, не противясь, словно был благодарен людскому потоку, влекшему его все ближе к мертвому товарищу».

После смерти Инессы Ленин и Надя взяли на себя заботу о ее пятерых детях.

Но Ленин так и не избыл своей печали. Стоило утратить великую любовь, как его здоровье и политическое везенье резко пошли на убыль. В январе 1924 года он скончался от удара. Надя прожила еще пятнадцать лет в кремлевских апартаментах и умерла в 1939 году в возрасте семидесяти лет.

Глава 3

«Мы наш, мы новый мир построим»

Нет, все-таки не должен коммунистический диктатор ходить сексуально озабоченным. Ему положено думать только о благе народа.

Удовлетворение личных желаний путем занятий сексом является недостойным для революционера буржуазным пережитком. Возьмем, к примеру, портрет товарища Сталина, величайшего из диктаторов, оставленный членом секретариата ЦК партии Борисом Базановым: «У этого пламенного политика не было других пороков. Деньги, развлечения, спорт и женщины его не прельщали. Женщин, кроме собственной жены, для него попросту не существовало». Увы, это, мягко говоря, не соответствует действительности.

Первую жену Сталина, грузинку, звали Екатериной Сванидзе. Ее брат Александр учился в той же семинарии, где и Иосифа Сталина готовили к сану священника, пока он не избрал тернистую стезю революционера. В 1903 году Иосиф и Екатерина сыграли свадьбу. К тому времени Сталин уже сделался атеистом, но, чтобы угодить Екатериной матери, молодые венчались в православном храме. Екатерина была очень набожна, и, пока ее благоверный пропадал на революционных митингах, она на коленях молилась, чтобы он отказался от богопротивных идей и зажил в покое и довольстве. У них родился сын. Ему дали имя Яков.

Сталин редко виделся с женой, но, наверное, любил ее. В 1910 году, когда ее не стало, он сильно горевал и даже изрек у врат погоста: «Это нежное создание смягчило мое

каменное сердце. Она умерла, и вместе с нею умерли последние мои теплые чувства к человеческим существам». Затем он прижал правую руку к левой стороне груди и добавил: «Как теперь пусто здесь, как невыразимо пусто!»

Из-за этой пустоты умереть пришлось миллионам.

И хотя утрата первой жены ожесточила его, с ее уходом не исчезла его сексуальность. В 1919 году, во время гражданской войны, он познакомился с Надей Аллилуевой — дочерью железнодорожника. Она казалась очень красивой, с явно восточными чертами лица. Сталин был в бегах, прятался у ее родителей, с которыми познакомился двадцать лет назад. Когда он лишил Надю девственности, ей было всего шестнадцать лет. А ему — тридцать девять. И хотя он был в два с лишним раза старше, его дикие революционные идеи показались ей невероятно романтичными. Надя тоже примкнула к революционерам и вопреки материнской воле вышла за Сталина замуж.

Сталин отвез ее на бронепоезде в Москву, где и сбылись девичьи фантазии. Их медовый месяц прошел в Царицыне — там Сталин организовывал оборону против белой гвардии. Он реорганизовал полицию, раскрыл контрреволюционные заговоры и покарал злоумышленников. Город переименовали в Сталинград. И там Надя лишилась политической девственности. Она впервые увидела свирепый оскал власти — Сталин безжалостно расправлялся со всеми, кто вставал у него на пути.

Надя стала работать секретарем у Ленина и жила со Сталиным в ненавистных ей кремлевских апартаментах. В 1920 году родился их первый ребенок — Василий, а затем, в 1926 году — Светлана.

После смерти Ленина Сталин захватил бразды правления, и Надю испугали власть и привилегии, доставшиеся ее мужу вместе с постом генерального секретаря. Это шло вразрез с ее коммунистическим идеалом. Она решила поступить в высшее учебное заведение. Там она узнала от студентов правду о том, что творилось на Украине, где проводимая ее мужем политика насильственной коллективизации вызвала голод, унесший пять миллионов жизней.

Но она не понимала, что затрагивать дома подобную тему — не лучший рецепт достижения семейной идиллии. Сталин отвечал в ответ площадной бранью. Он хамил и вдове Ленина, оскорбляя ее до глубины души. Даже своей матери он бросал в лицо слова «старая шлюха».

На людях Сталин жаловался, что Надя всегда не очень-то нравилась ему, что она «женщина с идеями... селедка с идеями — кожа да кости». Его вкусу куда более соответствовала бывшая официантка — «юная особа с носом картошкой и веселым звонким смехом», которую он взял экономкой к себе на дачу. Все достоинства, за которые ее ценил Сталин, перечислила его дочь Светлана: «пухляя, чистоплотная, тихо прислуживала за столом и никогда не встречала в разговор». Со временем официантка стала чуть ли не членом семьи, и тогда, по мнению Светланы, наступил конец сексуальным отношениям ее родителей. У Нади была собственная спальня, а Сталин ночевал в Кремле или в снабженной телефоном комнатке рядом со столовой. Ходили слухи, что он путается с балериной.

Если верить другому слуху, то шестнадцатилетняя дочь члена Политбюро Лазаря Кагановича забеременела от Сталина. Троцкий не сомневался в том, что у Сталина есть вторая дочь, не от Нади.

«Нарыв» лопнул 8 ноября 1932 года, когда Кремль праздновал пятнадцатилетнюю годовщину революции. Сталин знал о нелюбви своей жены к алкоголю, однако настаивал, чтобы она пила. Завязалась перебранка, и Сталин бросил ей в лицо зажженную сигарету. Надя в слезах выбежала из комнаты. Она долго ходила по территории Кремля, пыталась успокоиться. А когда вернулась в апартаменты, обнаружила Сталина в постели с женой одного партийного чиновника. Надя прошла к себе в комнату и застрелилась.

Ее смерть не огорчила Сталина. У ее открытого гроба он процедил: «Она меня предала».

Он не был на похоронах и панихиде, а свой гнев выместил на Надиной родне. Анну, сестру Нади, приговорили к десяти годам одиночного заключения. Ее брат Павел скончался

от сердечного приступа в 1938 году во время чисток. Евгения, жена Павла, получила срок — она якобы отравила мужа. Станислава Реденса, мужа Анны, в том же году арестовали и расстреляли. Многие утверждали, что Надя еще дешево отделалась, покончив с собой, иначе и ей не пережить бы чисток.

Только дочери Светлане досталась отцовская любовь, зато она была узницей Кремля. Сталин называл ее своей «хозяйкой», и за обедом ей всегда приходилось сидеть по правую руку от отца. Он придумывал ей ласковые прозвища, такие как «воробышек», «мушка», а его послания к ней всегда заканчивались словом «целую». Он любил ее целовать. Но когда Светлана прочитала в «Иллюстрейтед Ландон ньюз», что ее мать скончалась вовсе не от аппендицита, то между нею и отцом образовалась широчайшая и глубочайшая пропасть.

Сталин терпеть не мог, когда у Светланы появлялся друг, прекращал ее целовать, потому что больше не считал своей «чистой девочкой». Если Светлана проявляла характер, Сталин грубо высказывался при ней и при своих партийных товарищах о ее сексуальных похождениях. Он заставлял НКВД (предшественника КГБ) заводить дела на ее возлюбленных. Светлана еще училась в школе, когда Сталин прознал о ее увлечении кинорежиссером Алексеем Каплером. Мало того, что Каплер был намного старше Светланы, он вдобавок был евреем. Сталин вызвал дочь к себе.

«Я все знаю, — заявил он, размахивая энкаведистским досье. — Здесь у меня все ваши телефонные разговоры».

«Но ведь я его люблю», — запротестовала Светлана.

«Любишь! — Он влепил ей пощечину. — Твой Каплер — английский шпион. Он арестован».

И Каплер пять лет рубил уголь в Воркуте, за Полярным кругом.

Сталин был в восторге, когда распался первый Светланин брак, но вскоре она снова вышла замуж и переселилась к супругу. После смерти Сталина она сбежала на Запад. Светлана жила в Англии, Америке и Швейцарии, еще четырежды побывала в замужестве и семидесятилетней пошла в монахини, чтобы, как она выразилась, «замолить отцовские грехи».

Если дочери Сталина первое время доставались отцовские поцелуи, то с сыновьями он обращался жестоко от начала и до конца.

Якова, своего сына от первого брака, Сталин презирал, возможно, оттого, что он служил «отцу народов» напоминанием о собственном грузинском происхождении. Лишь по настоянию Нади Яков поселился в Кремле с отцом. Наверное, он потом жалел об этом. «Отец часто подвергал маленького Якова суровым наказаниям», — утверждал Троцкий.

В 1928 или 1929 году, когда Яков безуспешно попытался свести счеты с жизнью, бессердечный Сталин изрек: «Ха, даже застрелиться толком не сумел».

Во время второй мировой войны Яков попал в плен, и Сталин объявил его предателем, поскольку «настоящие русские не сдаются никогда». Немцам, предложившим обменять Якова, он отказал, а затем посадил в лагерь его жену, Василий — младший сын — тоже сносил побои. «Бывало, дома он [Сталин] сбивал мальчика с ног и топтал сапогами», — вспоминает Светлана. Головокружительная карьера Василия Сталина в Военно-воздушных силах Советского Союза рухнула — он спился и умер в возрасте сорока одного года. Один из его сыновей скончался от передозировки героина. Одна дочь тоже стала алкоголичкой, а другая угодила в психиатрическую лечебницу.

Сталин любил фотографироваться с детьми, и партийная агитационная машина трубила на весь свет о его любви к своим чадам.

В то время часто повторялась байка о трехлетнем мальчике, который в свой первый школьный день вернулся домой и сказал отцу: «Ты мне больше не папа». — «Что значит — я тебе не папа?» — воскликнул потрясенный родитель. — «Ты мне не папа, — повторил ребенок. — Мой папа — Сталин. Это он дал все, что у меня есть».

По сути, жестокое отношение Сталина к сыновьям нашло отражение и в политике. В 1935 году Сталин «перелицевал» уголовный кодекс, и органам правосудия было разрешено

вешать детей. Малышей, достигших десяти лет, арестовывали и пытали, добиваясь признаний в том, что их родители — «контрреволюционеры, фашистские террористы». Сына или дочь арестованного тоже могли арестовать в любую минуту. На вопрос «за что?», Сталин отвечал: «За то, что вольнодумцы, вот за что».

В неурожайный 1932 год Сталин лично приказал расстреливать детей, которые воровали еду из железнодорожных вагонов и которых Сталин почему-то считал разносчиками венерических заболеваний. Достоверно известно, что Дядя Джо [так называли Сталина за рубежом] лично виновен в гибели сотен тысяч детей, к ним надо добавить еще два или три миллиона не перенесших голода в начале тридцатых годов.

В Советском Союзе даже ходил такой анекдот.

«В классе учитель спрашивает ученика: «Кто твой отец?» — «Товарищ Сталин». — «А кто твоя мать?» — «Советская родина». — «А ты кем хочешь стать?» — «Сиротой».

Сталин питал необычайное пристрастие к сапогам. И не только потому, что в них было удобнее топтать сына, — дело в том, что родной отец Иосифа Джугашвили был сапожником. Напившись в стельку, он бил маленького сына ногами. Доставалось и матери Иосифа, видимо, здесь и кроются причины острого сталинского женоненавистничества.

Советские люди так шутили и по поводу его сапог.

«Почему Ленин носит ботинки, а Сталин — сапоги?

Потому что при Ленине в России дерьма было только по щиколотку».

На официальных фотографиях Сталин непременно в сапогах, брюки на крестьянский манер заправлены в высокие голенища. Он редко снимал обувь, даже спал всегда в носках, — наверное, чтобы не показывать деформированную левую стопу. Если верить архивам царской полиции, у него на левой ноге срослись второй и третий пальцы.

Один из телохранителей Сталина даже был отправлен в ГУЛАГ из-за того, что снял сапоги и надел мягкие тапки, чтобы не разбудить Сталина. Вождь обвинил беднягу в попытке подкрасться и убить его.

Сапоги Сталин носил даже в самых неподобающих случаях. В конце двадцатых годов на празднике в Грузии он гулял с гостями по саду, показывал свои любимые розы. На нем были легкий чесучовый костюм и совершенно не подходящие к нему тяжелые черные сапоги для верховой езды.

«Иосиф Виссарионович, — обратился гость. — Экая жарница, а вы в сапогах. Зачем такая попытка?» — «Ну, что сказать? — задумался Сталин. — Сапоги ведь очень удобная штука. И полезная. Сапогом можно так дать по морде, что зубов не соберешь», — и... расхохотался.

Это одна из типичных садистских фантазий Сталина. Его имя всегда отождествлялось с агрессией, даже у его собственного отца. Дорвавшись до власти, Сталин взял за образец деяния таких русских царей, как Иван Грозный и Александр I, победитель Наполеона. Сталин сравнивал себя даже с Николаем II, при котором побывал в тюрьмах и ссылках.

Но самым любимым агрессором Сталина всегда был Гитлер. Фашистская «ночь длинных ножей», устроенная в Германии, послужила репетицией для проведения сталинских чисток. И даже в июне 1941 года нападение Гитлера на Россию Сталин счел поначалу недоразумением и приказал пограничным войскам не вступать в бой. Он попросту не мог поверить в предательство Гитлера, хотя все кругом давно видели, к чему идет дело.

Многие политические комментаторы отмечали в фашистско-советском пакте присутствие гомосексуального мотива, однако Сталин «голубизны» не терпел. В 1933 году он без всяких вразумительных мотивов объявил вне закона любые проявления однополый любви. В пропагандистских целях был выдуман «заговор гомосексуалистов». Дескать, секс-меньшинства объединились в шайку, чтобы свергнуть государственный строй.

Массовые аресты геев начались в январе 1934 года, и тогда же в газете «Правда» вышла статья Максима Горького с призывом: «Уничтожим гомосексуалистов, и тогда исчезнет фашизм!»

Своих врагов Сталин часто называл «проститутками». Ходили слухи, что в середине

тридцатых годов у Сталина была гомосексуальная связь с начальником его личной охраны — венгерским евреем К. В. Паукером, причем Паукер играл пассивную роль. Несомненно, он умел угождать Сталину. Однажды он устроил представление, подражая Григорию Зиновьеву, который перед расстрелом упал на колени и обнял сапоги палача.

«Сталин следил за каждым движением «Зиновьева» и покатывался со смеху, — рассказал очевидец. — А гости, видя, сколько удовольствия Сталин получает от этой сцены, потребовали затем, чтобы Паукер ее повторил. В этот раз Сталин так хохотал, что аж пополам сложился и схватился за живот. А Паукер пустился в новую импровизацию — вместо того, чтобы упасть на колени, он простер руки к небу и возопил: «Внемли, Израиль: наш Бог — единственный Бог!» Терпеть эту пытку смехом Сталин уже не мог и замахал на Паукера руками, чтобы тот унялся».

Некоторые гомосексуальные обертоны звучали и на всех Сталинских послевоенных хмельных «мальчишниках». На одной из этих гулянок присутствовал Якуб Берман из правительства социалистической Польши. Позднее он вспоминал, как танцевал с Молотовым.

«Вы, наверное, имеете в виду госпожу Молотову?» — спросили его. — «Нет, ее там не было. Ее посадили в трудовой лагерь. Я танцевал с Молотовым, кажется, это был вальс, во всяком случае что-то простенькое, я ведь ни бельмеса не смыслю в танцах и лишь переставлял ноги под музыку». — «Как женщина?» — «Да, вел Молотов, — ответил Берман. — Я ведь не умел. А он, между прочим, был неплохой танцор».

Сталин заводил граммофон и смотрел. По словам Бермана, Сталин искренне потешался.

Этот случай вовсе не уникален. На своих приемах Сталин часто заставлял мужчин танцевать друг с другом. Между прочим, с каждым годом в Кремле оставалось все меньше женщин. Сталин арестовывал почти всех, как госпожу Молотову.

Лишь однажды Сталин сам пустился в пляс. Выпив на брудершафт с югославским диктатором Тито, он схватил его в охапку и закружил под народную русскую мелодию. При этом вошел в такой раж, что несколько раз поднимал ошеломленного югослава на руках.

Уильям Буллит, в тридцатые годы бывший послом Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе, описал куда более красноречивое происшествие: «Сталин мне очень симпатизировал. Как-то раз он слегка перебрал и смачно поцеловал меня прямо в губы. О, какое это было ужасное испытание!»

Очевидно, своим наследником Сталин видел Лаврентия Берия. Этот субъект, возглавлявший тайную полицию Сталина, знаменит своими сексуальными нападками на молодых женщин и девушек. Когда скончался «отец народов», Берия ждал за кулисами своего выхода на сцену.

Его половая жизнь, как и у большинства несостоявшихся диктаторов, на первый взгляд выглядит вполне нормальной. Со своей будущей женой он познакомился в Грузии в 1920 году. В то время родная Сталину Грузия еще не была коммунистической, и Берия сидел в тюрьме. Его пришла навестить супруга одного из товарищей по большевистской партии и привела с собой племянницу — пятнадцатилетнюю Нино Гигичкори. Ее красота тотчас покорила Берия.

На другой год к власти в Грузии пришли коммунисты, Берия получил свободу. И повстречался с юной Нино на улице города Тбилиси. Она шла в школу, и он спросил, нельзя ли с ней как-нибудь встретиться и побеседовать. Она согласилась.

«Мы сели на скамейку, — рассказывала Нино. — Лаврентий был в черном пальто и студенческой фуражке. Он признался, что уже давно очарован мною. Пуще того, он признался в любви и сказал, что хочет на мне жениться. А мне тогда было шестнадцать лет». Берия объяснил своей избраннице, что Советское правительство намерено отправить его в

Бельгию учиться на нефтяника, но с непременным условием, чтобы он женился. Девушка обдумала предложение и ответила согласием. Боясь возражений родственников невесты, они быстренько зарегистрировали брак. Но поездка в Бельгию не состоялась. Надежного коммуниста Берия поставили во главе ЧК, предшественницы КГБ. У него родился сын Серго.

Таков официальный вариант этой истории, однако в своей книге «Комиссар» Тадеуш Витлин — бывший узник воркутинского концлагеря — представляет иную, менее лицеприятную версию. Если верить Витлину, Берия уже занимал пост шефа тайной полиции Грузии, когда познакомился с Нино. В его распоряжении был роскошный поезд, служивший передвижным штабом. Однажды на станции к нему приблизилась юная девушка и попросила заступиться за арестованного брата. Девушку звали Нино. Она была исключительно красива, среднего роста, с черными глазами и молочно-белой кожей. Очарованный Берия попросил ее зайти в вагон, чтобы подробнее изложить обстоятельства дела. Он завел девушку в спальное купе и велел раздеться. Когда она попыталась уйти, он запер дверь и ударил Нино в лицо. Потом заломил ей руки за спину, повалил на кровать и изнасиловал. Когда все было кончено, он хотел приказать охране, чтобы Нино отправили в тюрьму. Но, посмотрев на залитое слезами лицо девушки, решил, что она и впрямь очень привлекательна и что через полчаса, наверное, он снова ее захочет. Поэтому запер ее в купе и отправился в вагон-ресторан пообедать и выпить водки.

Всю ночь он продержал девушку взаперти, то и дело ее насиловал. Утром заказал завтрак на двоих. Прежде чем уйти из вагона по служебной надобности, снова запер ее. При всей своей жестокости Берия был совершенно очарован этой девушкой. Нино принадлежала к тем женщинам, которые его особенно возбуждали — с маленькой грудью, большими глазами и широким полногубым ртом. И хотя сама она была юна и невинна, тело ее вполне созрело для любви.

Несколько дней она путешествовала в поезде вместе с Берией, под надзором которого Сухумский район Абхазии претворял в жизнь пятилетний план. А между тем Берия подумывал, что глупо отказываться от такого подарка судьбы. Все его товарищи и начальники женаты. И вообще, сколько можно тратить время, соблазняя юных девиц? Он знал, что партии нужна пуританская жилка, хотя коммунисты и декларируют в пропагандистских целях свободную любовь. Для хорошей карьеры женитьба совсем не помеха. Так он и сделал. Разумеется, согласия Нино, своей узницы, он не спрашивал.

Версия Витлина больше соответствует характеру Берии. В детстве он был уродлив, и девчонки в школе дразнили его. Подростком он натерпелся от них оскорблений и стал женоненавистником. Ему всегда не хватало денег на смазливых проституток и приходилось пользоваться услугами старых и страшных жриц любви.

Но все изменилось с приходом революции. Берия возглавил ЧК, которая должна была выявлять и вылавливать антибольшевистские элементы. Что Лаврентий Берия и делал, но почему-то преимущественно в школах, лично допрашивая учеников. Он отвешивал им оплеухи или колотил по рукам указкой, требуя назвать имена несогласных с режимом, — и добивался своего. Особенно он любил мучить хорошеньких девочек, вроде тех, кто дразнил и отвергал его в юности. Чем беспомощней и наивней была девушка, тем лучше было для Берии. Чтобы лишить ее невинности, он был готов даже на убийство.

В 1935 году Аркадий Розенгольц — народный комиссар внешней торговли Советского Союза — опрометчиво привез свою дочь, юную красавицу Елену, в город Сухуми. Там их принял в своем доме Нестор Лакоба — секретарь исполнительного комитета Абхазии. Лакоба велел своим племянникам Василию и Михаилу показать Елене местные достопримечательности. И тут на беду Елену увидел Берия. Он был сражен наповал. Через несколько дней Лакоба пригласил Берия к себе на дачу — якобы на мужскую пирушку. Когда тот приехал, то не увидел в доме Лакобу, зато там находились Василий, Михаил и Елена. Играл патефон, мужчины по очереди танцевали с Еленой. На столе — рахат-лукум, чай и вино.

А когда Елена попросила извинения и ушла в туалет, один из юношей подлил ей в вино чистого спирта. Вскоре она вернулась, и Берия, провозгласив тост за «королеву красоты», заставил ее выпить бокал залпом. Головокружение и жар побудили ее выйти на свежий воздух. Трое мужчин двинулись следом. На газоне Елена упала. Когда пришла в себя, обнаружила, что они возятся с ее одеждой. Сначала она подумала, будто молодые люди хотят помочь, расстегивают пуговицы, чтобы ей легче дышалось. Но «друзья» поочередно ее изнасиловали.

А затем поднялась паника. Что если она расскажет обо всем отцу? Он ведь не кто-нибудь, а высокопоставленный большевик, у него в Москве могущественные покровители. И тогда один из насильников схватил девушку за горло и задушил. Берия позвонил в уголовный розыск. Прибывшим чекистам объяснил, что он — начальник тайной полиции Грузии, а эта девушка выпила несколько бокалов вина, опьянела, пришла в истерическое состояние и выбежала в сад, где и совершила самоубийство.

Во вскрытии нет необходимости, сказал он, достаточно будет заявления, подписанного первым секретарем Закавказского комитета коммунистической партии Лаврентием Павловичем Берией и заверенного секретарем исполнительного комитета Абхазии Нестором Лакобой.

Городским властям ничего другого не оставалось, как сообщить отцу убитой девушки о несчастном случае. На другой день Берия вернулся в Тбилиси.

Мало кто пользовался доверием Сталина, и среди этих избранников был Лаврентий Берия — благодаря своему грузинскому происхождению. А потому карьеру в рядах коммунистической партии он сделал легко. В 1938 году Берия переехал в Москву и занял пост начальника Народного комиссариата внутренних дел — НКВД. Под его властью оказалась раскинутая по всему Советскому Союзу паутина трудовых лагерей. По сути, он возглавлял два министерства — государственной безопасности и военной промышленности. Как он умудрился при этом находить время для сексуальных приключений — остается загадкой. Однако Москва полнилась слухами о том, как Берия соблазнял или насиловал молоденьких девушек. Но вся неприглядная картина открылась лишь в 1953 году, после смерти Сталина, когда Берия потерпел поражение в борьбе за власть с Никитой Хрущевым.

В конце концов он очутился за решеткой. На допросах одного из его телохранителей выяснилось, что список женщин, с которыми Берия состоял в интимных отношениях, состоит из тридцати двух фамилий. Этот же телохранитель заявил, что в 1943 году Берия болел сифилисом. Другой телохранитель признался, что ему было поручено искать на улице красивых женщин и доставлять в дом Берии, где их насиловал всемогущий шеф НКВД. Это подтвердил и персонал американского посольства. Здание посольства располагалось на той же улице, что и дом Берии, и американцы видели, как девушек привозили в лимузине под покровом ночи.

Впрочем, Берия и не делал из своих походов секрет для подчиненных. Он часто возил по ночам девушек к себе на дачу, и его не смущало даже присутствие жены. Чтобы жертвы не кричали, их поили вином до отключки. А затем Берия их насиловал.

За пределами Москвы он вел себя не лучше. Министр культуры Грузии рассказал о том, как они катались на любимом быстроходном катере Берии. На озере им встретила молодая пловчиха из местного спортивного клуба. Берия заглушил мотор и настоял, чтобы та поднялась на борт. Затем посыпались непристойные замечания, Берия всячески демонстрировал свое желание соблазнить девушку, хотя на ее лице было выражение неподдельного ужаса. Берия велел министру прыгать за борт и добираться до берега вплавь. Когда бедняга заявил, что не умеет держаться на воде, Берия его толкнул. Наверное, министр культуры утонул бы, если бы с берега его не заметил телохранитель Берии и не послал на выручку лодку.

К спортсменкам Берия питал особую страсть. Он даже добился, чтобы ему поручили отбирать грузинских атлетов для участия в ежегодном советском празднике — дне физкультуры.

НКВД бдительно следил за интеллигенцией, а Берия пристально наблюдал за молодыми артистками. У него была связь с Ниной Алексеенко из ансамбля песни и пляски, который в 1940 году был отправлен в Финляндию развлекать войска.

После ареста Берии в его кабинете провели обыск. Обнаружились любовные письма и предметы женской одежды. Серго, сын Берии, грудью встал на защиту отца, но даже он был вынужден признать, что Берия обзавелся внебрачным ребенком.

Разумеется, Сталин знал обо всех приключениях своего фаворита. Дмитрий Волкогонов, советский историк, сказал о Сталине: «Он заявлял, что превыше всего ценит аскетизм и пуританство, но разве Генеральный секретарь мог не знать о пресловутом бериевском распутстве?»

Говорят, Сталин смеялся, когда ему рассказывали о некоторых проделках любимца. Берия пытался ухлестывать даже за Евгенией Александровной — близкой подругой Сталина — на глазах у самого Дяди Джо. Однажды вечером за ужином он положил ей руку на колено.

«Иосиф, он жмет мне коленку!» — громко сказала она. Все сидевшие за столом усталились на Берию. Но из этого не следует, что попытка оказалась первой и последней.

Надя, жена Сталина, ненавидела Берию и убеждала мужа не верить ему, но он пропускал ее советы мимо ушей. Существует фотография, на которой Светлана сидит на коленях у Берии. Он обнимает ее, и видно, что ей очень неудобно.

На суде Берию обвинили в том, что он «империалистический агент» и занимался «антипартийной и антигосударственной деятельностью». Всплыли и четыре эпизода изнасилований. В обвинительном акте говорится об оргиях с несовершеннолетними узницами бериевской дачи в Грузии, а также о похищении и изнасиловании им девушек в Москве. Он был признан виновным во всех этих преступлениях и казнен в декабре 1953 года сразу после оглашения приговора.

Глава 4

На виселице рядом с Муссолини

В истории половой жизни итальянского диктатора Бенито Муссолини нет белых пятен. С таким же успехом он мог бы прожить свой век демократом. Напором и ветреностью в амурных делах он не уступал Джеймсу Фицджеральду Кеннеди или Линдону Джонсону.

Он признался, что в отрочестве раздевал глазами каждую встречную девочку. Школьником, еще не достигнув восемнадцатилетия, в родном городе Форлиμποполи он посетил местный бордель. В раннем фрагменте автобиографии, написанном в тюрьме (где он был частым гостем), Бенито поведал о своей встрече с проституткой, чье «дряблое тело исторгало пот из каждой поры».

Там же повествуется о том, как он соблазнил свою кузину и многих ее подруг, но, как правило, эти связи были мимолетны и неприятны. Он описывает свой первый грубый сексуальный контакт с юной селянкой по имени Виржиния. Она была «бедна... но отменно сложена», и «вполне миловидна». «Однажды я завел ее наверх, повалил на пол за дверью и сделал своей. Когда она встала, я услышал рыдания и упреки. Она заявила, что я лишил ее чести. Наверное, она была права. Но о какой чести шла речь?»

Разумеется, все эти пассажи изъятые из официальной автобиографии Муссолини, увидевшей свет в 1939 году. Первой его постоянной сексуальной партнершей стала русская социалистка и агитаторша Ангелика Балабанова. Она была на четырнадцать лет его старше и вскоре устала от неистового и эгоцентричного юнца.

В девятнадцатилетнем возрасте Муссолини проработал четыре месяца школьным учителем в Гвалтьери. Там он познакомился с Луиджей. С этой двадцатилетней красавицей,

вдовой солдата, он обращался очень жестоко. «Я ее приучил к своей уникальной и деспотичной любви, — рассказывал он. — Она мне слепо повиновалась, и я делал с ней все, что хотел». Он ее запугивал и оскорблял, а однажды даже пырнул ножом в бедро. Любовью он занимался свирепо и эгоистично, как, впрочем, и всем остальным.

В ту пору Муссолини считал себя человеком действия. Не его удел — прозябать в итальянском городишке и тянуть на себе класс в сорок оболтусов. Он должен выбиться в люди и оставить в истории свой след. И вот в июне 1902 года без гроша в кармане он отправляется в Швейцарию. Муссолини спал под мостами и в общественных уборных, он вступил в связь со студенткой-медичкой, польской беженкой, чья любовь была, как он выразился, «незабываема». Примерно тогда же он подцепил венерическую болезнь от замужней женщины, которая была «к счастью, старше и слабее» его, и которая, разумеется, «без памяти влюбилась» в него.

Возвратясь в Италию, он избрал поприще журналиста и партийного агитатора и регулярно подвергался аресту. В 1909 году, в коротком промежутке между тюремными сроками, живя в отцовском доме, он полюбил Августу Гвиди — старшую из двух дочерей угрюмой любовницы его отца Анны. Он решил на ней жениться, но она сочла его положение слишком неустойчивым и вышла замуж за человека, имевшего постоянную работу, — за могильщика. Тогда Муссолини переключился на юную сестру Августы — Рахель, которая, по слухам, была его единоутробной сестрой.

Как раз к тому времени Муссолини дописал «Любовницу кардинала» — свой единственный беллетристический опус, увидевший свет. Книга издавалась с продолжениями в «Иль пополо д'Италия». Читатели встретили ее не слишком тепло, но Рахели она понравилась. Дело в том, что одного из самых трогательных персонажей — горничную, ценой собственной жизни спасающую хозяйку, звали Рахель.

Как-то раз они провели вечер в театре и вернулись в дом отца Муссолини. И будущий диктатор потребовал, чтобы Рахели позволили жить с ним. Анна — мать Рахели — этого не одобрила, тогда Муссолини достал пистолет и сказал: «Синьора Гвиди, видите этот револьвер? В нем шесть пуль. Если Рахель мне откажет, одна пуля достанется ей, а пять — мне. Выбор за вами».

И тогда Анна дала парочке благословение. Через несколько дней Муссолини снял две сырые тесные комнатенки в Форли.

«Однажды вечером мы туда переехали, — вспоминала Рахель. — Помню, каким он был усталым и счастливым, а еще, наверное, плохо представлял себе мою реакцию и боялся, ведь свидетельство о браке еще не было подписано. Но я понимала, что вижу перед собой мужчину моего сердца, который в нетерпении ждет от судьбы только одного подарка — моей любви. На его молодом лице уже пролегли морщины от каждодневной борьбы. Промедления не было. Я пошла с ним».

Но совместная жизнь оказалась тяжела. Муссолини предложили должность редактора в бразильской газете, и он, наверное, согласился бы, если бы не беременность жены — Рахель вынашивала первого из пяти его сыновей.

Три года Муссолини прожил в тех двух комнатных вместе с Рахель и подрастающими детьми. Он стал секретарем социалистической федерации города Форли и тратил зарплату на субсидирование своего еженедельника «La Lotta di Classe» — «Классовая борьба». Его собственные материалы заполняли все четыре газетные полосы. Он пил с друзьями вино и не упускал случая ущипнуть за зад хорошенькую девицу. Но в то время он еще хранил жене верность.

Он написал второй роман — на этот раз об эрцгерцоге Фердинанде и его семнадцатилетней любовнице и о том, как они покончили с собой в Майерлинге. Роман так и остался неопубликованным. По сути, это было мягкое порно, как, впрочем, и «Любовница кардинала». Всю жизнь Муссолини хранил пристрастие к дешевым эротическим книжкам.

Мало-помалу «Классовая борьба» приобрела влияние на умы. По мере того, как распространялись идеи Муссолини, он все больше времени проводил вне дома. Такая жизнь

была сопряжена с соблазном, оказавшимся сильнее его.

Годы перед своим приходом к власти Муссолини был ненасытен в утолении страсти. Одержимый сексом, он домогался любой женщины, приходившей в его гостиничный номер или квартиру в палаццо на виа Разелла. Никаких «если» и «но», никакой щепетильности не допускалось. Он просто брал женщин, как дикий зверь берет самку. Он редко доводил их до кровати, предпочитая пол или край письменного стола. Сам половой акт всегда бывал небрежен. Муссолини не удосуживался снять брюки или хотя бы туфли. На все про все уходила минута, максимум две.

В молодости он предпочитал интеллектуалок, особенно школьных учительниц, но, когда повзрослел, ему подходила любая не слишком костлявая женщина. Еще ему нравилось, чтобы от любовницы остро пахло. Особенно он любил запах пота, хотя годились и крепкие духи. Сам он мыться не любил, часто предпочитая воде и мылу одеколон. И брился нерегулярно, как-то раз даже явился со щетиной на официальный прием к королю и королеве Испании.

В сексе он всегда заботился только о себе. Муссолини никогда не стремился доставить женщине удовольствие (или хотя бы не причинить неудобств). Но его партнерш, по-видимому, это вполне устраивало. Без малейшей прелюдии он овладевал журналистками, женами партийцев, артистками, служанками, графинями и иностранными туристками. А те потом с гордостью рассказывали о своем сексуальном контакте с ним. Многим, по их словам, импонировала его прямолинейность и нравилась его жестокая похоть. Достигая оргазма, он разражался яростной площадной бранью, затем на минуту-другую становился нежен. Иногда, оторвавшись от женского тела, он брал в руки скрипку и играл что-нибудь изящное.

Занимаясь любовью, он превращался в животное и переставал себя контролировать, хотя, когда Муссолини получал свое, женщинам казалось, будто они видят в его глазах великую нежность. По словам одной из его случайных знакомых, ее поначалу возмутила неуклюжая попытка прелюдии, которая свелась к тому, что он, прежде чем грубо овладеть ею, энергично мямл ее груди. Но потом она вернулась к нему, так как не могла противиться «такому важному мужчине».

Рахель не связывала Муссолини руки — она не пожелала переселиться в Рим, так как отдавала себе отчет в том, что выглядит и говорит, как крестьянка. Знала она и о многочисленных любовницах мужа. Часто он лгал, что уезжает навестить родителей, а сам оставался с одной из них, например, с Маргаритой Сарфатти. Но все это не печалило Рахель. Муссолини любил свою семью, его брак был счастливым. А многострадальная и трудолюбивая Рахель была идеальной женой фашиста.

Вскоре его любовь к сексу и детям стала достоянием гласности и политики. Он убеждал итальянцев удвоить рождаемость. Дескать, Италии нужны большие семьи, и тогда будет больше солдат. Он ввел налог на «неоправданное безбрачие», а при найме работников предпочтение теперь отдавалось семейным.

Стараниями этого лицемера уголовный кодекс стал предусматривать несколько разновидностей наказания за адюльтер, причем женщин карали строже, чем мужчин. Он настоял, чтобы заражение сифилисом считалось преступлением — наверное, это было ему близко. Не нравились Муссолини и современные танцы, он жаловался, что они «безнравственны и нелепы». Пытался он регулировать и ночную жизнь декадентствующего Рима. Папа римский аплодировал, но при этом мягко пенял — мол, по-прежнему голые артистки варьете дерзко бросают закону вызов.

Своих пятерых детей дуче обожал, и итальянская пресса рисовала его «uomo casalingo» — идеальным семьянином. Однако трудно было замять кое-какие факты его походов «на сторону», и в иностранную прессу просачивались связанные с ним его скандальные истории.

Одной из его первых любовниц стала невротичка по имени Ида Дальсер. Они прожили вместе до 1915 года, потом он ее бросил. У нее родился умственно отсталый сын Бенито Альбино, и Муссолини признал свое отцовство, хоть и испытывал ужас перед любимыми

болезнями и уродством.

Когда Муссолини порвал с Идой Дальсер, она угодила в психиатрическую клинику. С 1913 года она заявляла, что Муссолини обещал на ней жениться. Иногда она утверждала, что он и в самом деле сочетался с нею браком и теперь не откупится денежными подачками. В Милане, еще в бытность его журналистом, она приходила к зданию редакции «Иль пополо д'Италия» вместе с сыном и кричала, чтобы Муссолини спускался, если он не трус. Его ответ всегда был прост и прямолинеен — он подходил к окну с револьвером. Позже она устроила пожар в Тренто, в гостинице «Бристоль», и при этом истерически вопила, что она — жена дуче. В 1935 году она умерла в психиатрической лечебнице Венеции. Ее сына Бенито поместили в миланский приют для душевнобольных, где он и скончался в 1942 году.

В 1913 году Муссолини соблазнил интеллектуалку, анархистку Леду Рафанелли. С большим опозданием она выяснила, что он женат. Муссолини объяснил, что Рахель прощает ему неверность, и попросил не порывать с ним, приведя следующий довод: каждому издателю приличной газеты нужна официальная любовница, и чем одареннее эта женщина, тем лучше.

Среди тех, кто, по словам Муссолини, «любил его без памяти», Маргарита Сарфатти — критик-искусствовед из «Аванти!». Она редактировала фашистский журнал «Герархия», сочиняла за Муссолини статьи для американских изданий и подготовила официальную биографию дуче, которая заканчивалась описанием «его глаз, сияющих внутренним огнем».

Их роман растянулся до тридцатых годов. Она-то и стала его официальной любовницей, единственной серьезной соперницей Клары Петаччи, но в итоге поссорилась с Муссолини из-за принятия его антисемитских законов.

В 1937 году французская актриса Фонтанж (она же журналистка, писавшая под своим настоящим именем Магда Корабоеф) приехала в Рим, чтобы взять у Муссолини интервью для «Ла либерте». Получив интервью, она заявила, что «не вернется в Париж, пока он не позанимается с ней любовью». Дуче со всем присущим ему пылом исполнил желание дамы. При первой встрече он едва не задушил ее шарфом.

«Я провела в Риме два месяца, и дуче отодрал меня двадцать раз», — гордо доложила она прессе.

Муссолини, будучи не в силах замять скандал, довел до сведения и полиции, и французского посольства, что мадемуазель Карабоеф превысила положенный срок пребывания в Италии. Магда бурно отреагировала на это. Она попыталась отравиться — не вышло. Тогда она схватила пистолет и ранила французского посла, по вине которого «лишилась любви самого замечательного мужчины в мире». За предумышленное нанесение телесных повреждений ее арестовали и на год упрятали в тюрьму. В ее квартире полиция нашла свыше трехсот фотоснимков с Муссолини.

После войны ее снова посадили — за шпионаж. В конце концов ей удалось отравиться. Это случилось в Женеве в 1960 году.

На долгую любовь Муссолини оказался неспособен. В 1932 году он ехал в Остию на служебном «альфа-ромео» и вдруг увидел на обочине хорошенькую юную девушку. Она махала рукой и кричала «Дуче! Дуче!». Муссолини вышел из машины и приблизился к ней. Когда он обратился к девушке, та задрожала от волнения. Звали ее Клара Петаччи. Она была замужем за офицером итальянских военно-воздушных сил. Позднее они развелись, и Муссолини отправил авиатора в Японию, чтобы тот не мозолил глаза.

Кларе было двадцать четыре года, а Муссолини — пятьдесят три. У нее были зеленые глаза, длинные стройные ноги и тяжелые груди — Муссолини такие просто обожал. Говорила она с хрипотцой, а зубы были мелковаты, зато эта особа научилась улыбаться, чуть-чуть приоткрывая рот. В числе прочих ее качеств можно упомянуть ипохондрию, сентиментальность, глупость и фанатичную преданность дуче. Он отвечал взаимностью и

даже отвлекся от борьбы за движение поездов строго по расписанию, чтобы посидеть у ее больничной койки: ей удалили аппендикс, и она еще дешево отделалась, так как случившийся перитонит едва не свел ее в могилу.

Но когда дело доходило до секса, его нежность моментально испарялась, и он заботился о ней не больше, чем о любой другой из своих подружек. Муссолини предоставил ей квартиру в палаццо Венеция и навещался туда между митингами.

Эта странная связь оказалась крепкой. Клара была его любовницей тринадцать лет и в 1945 году предпочла умереть вместе с Муссолини, хотя могла бы спастись.

Она знала, что ради нее он не бросит семью и что он вовсе не хранит ей верность. И все же терпеливо дожидалась его у себя в квартире, читая любовные романы, рисуя эскизы новых платьев, крася ногти или просто глядя в окно или зеркало. А он часто приходил не раньше десяти вечера. Иногда вообще не появлялся, и она проклинала старую графиню, с которой он занимался сексом внизу на черном бархатном диване.

Она терпела все его мелкие грешки и жила в вечном страхе, что вдруг Муссолини к ней остынет. Вдруг он захочет вернуться к старой любовнице или найдет новую? У нее на слуху постоянно было два имени: Анжела Курти и Маргарита Сарфатти, а еще доходили слухи о некой Ирме, которая пыталась его увести.

Иногда она бранила Муссолини за шашни с другими женщинами. А он злился и оскорблял ее. Она плакала, и это еще больше его гневало. Она спросила Зиту Ритоссу — подругу его брата — как добиться, чтобы Муссолини ее не разлюбил. Рита подсказала: не надо быть всегда такой доступной. Клара вспомнила, что уже пыталась строить из себя недотрогу, но это, кажется, не произвело на него впечатления.

А в 1939 году Муссолини попытался от нее избавиться. Сицилийской принцессе ди Ганжи он сказал, что Клара «бунтует». Весной 1943 года полицейским, охранявшим вход в палаццо Венеция, был дан приказ не пускать ее в особняк. Она прорвалась — и встретила холодный прием Муссолини. «Я считаю, наш роман окончен», — процедил он. В такой манере он уже сотни раз расставался с другими любовницами. Но Клара расплакалась, и он смягчился. Потом было еще несколько попыток расстаться, и все — с одинаковым исходом. «Войну мы проигрываем, — говорил он. — И связь с этой женщиной подрывает мой авторитет». Неважно, что у него сотни любовниц, но лишь его преданность одной-единственной женщине порождает вредные слухи. По словам одного из его офицеров, Клара «причинила дуче больше ущерба, чем пятнадцать проигранных сражений». И хотя она практически ничего не получала от Муссолини (лишь изредка он дарил какой-нибудь пустячок, а иногда перепало пятьсот лир на покупку нового платья), задавленный налогами итальянский обыватель верил, что на его деньги любовница Муссолини купается в роскоши. И вообще, за какие такие грехи народ должен терпеть военные лишения? А на самом деле дорогие наряды и духи ей поставляли итальянские коммерсанты и промышленники — так они пытались угодить дуче.

«Я больше не буду приходить днем, — умоляла Клара. — Только после наступления темноты. И лишь на несколько минут, чтобы увидеть тебя и поцеловать. Я не желаю быть причиной скандалов».

Настоящей причиной скандалов были ее родственники. Перед войной они построили роскошную виллу в модном районе Камилучча. Ванные комнаты там были облицованы черным мрамором. Родня прекрасно понимала, откуда на нее сыплется манна небесная, и уделила особое внимание Клариной спальне.

Стены завесили зеркалами, а посреди комнаты водрузили на помост огромную, устланную шелком кровать. Однако Муссолини, посетив виллу, на вопрос, понравилось ли, ответил, что не очень. Кларина мать хотела, чтобы за виллу расплатился Муссолини, но дочь отказалась заводить с ним об этом разговор. Однако в народе решили, что счета оплачивал он.

Семье Петаччи, хотя и не добившейся прямого покровительства дуче, хватило ума извлечь выгоду из своего положения. Например, военно-морской врач Марчелло — брат

Клары — сколотил состояние, контрабандой перевоза золото в дипломатическом багаже.

В июле 1943 года союзники высадились в Сицилии, и фашистский кабинет министров проголосовал за смещение Муссолини с поста. На следующий день по приказу короля Виктора-Эммануила III его арестовали. Клару тоже арестовали и заключили в новарский замок Висконти. Там она коротала время, сочиня любовные письма обожаемому Бенито, которого звала кратко Бен, и заполняя дневниковые тетради воспоминаниями о проведенных вместе с ним чудесных временах.

«Не знаю, получишь ли ты это письмо, — писала она, — или его прочтут они. Не знаю, да если и прочтут, что с того? Я всегда была слишком застенчива и не решалась сказать, что люблю тебя, и поэтому сейчас говорю об этом на весь мир, кричу во все горло. Я люблю тебя сильнее, чем прежде». Письма эти до него так и не дошли. Их перехватили цензоры.

Немцы вызволили Муссолини и поставили во главе марионеточного государства в Северной Италии. Клара, решившая с ним воссоединиться, убедила опекавших ее монахинь тайком доставить письмо в Новару — в немецкий штаб. Немцы прислали за ней штабную машину. Они не доверяли Кларе, но решили, что она им пригодится. Ей подыскали виллу на озере Гарда, и там Муссолини посещал ее каждый день. Клару охранял на вилле молодой и симпатичный майор Франц Скоблер и обо всем увиденном докладывал непосредственно в венскую штаб-квартиру гестапо.

Однако Рахель, узнав, что Клара все еще путается с ее мужем, несколько смешала гестаповцам карты. Сцены ревности означали, что Муссолини будет реже видаться со своей любовницей. Иногда он, чтобы усыпить подозрения благоверной, покидал дворец на служебном «альфа-romeo», а затем пересаживался на маленький «фиат» и ехал к Кларе.

Встречи их были холодны и печальны. Дважды он говорил, что не желает больше ее видеть. Оба раза она заливалась слезами, и он уступал. Наконец, у Рахели лопнуло терпение, и она сама отправилась к Кларе. Та сидела и молча слушала упреки и брань. Когда же Рахель выговорилась, Клара тихо молвила: «Синьора, дуче Вас любит. Он ни разу не позволил сказать о вас дурного слова».

Это на миг разжалобило Рахель. Затем Клара предложила ей отпечатанные на машинке копии любовных писем Муссолини.

«Мне не нужны машинописные копии! Я не за ними приехала!» — выкрикнула Рахель и снова пришла в ярость. На Клару посыпались упреки и оскорбления. Багровея от стыда и злости, Клара позвонила Муссолини: «Бен, здесь твоя жена. Что делать?»

Рахель вырвала телефонную трубку и вынудила Муссолини солгать Кларе, что о визите своей жены он знал заранее. А затем Рахель заявила, что фашисты ненавидят Клару почти так же сильно, как партизаны.

Кончилось тем, что обе женщины разрыдались. Уходя, Рахель зловеще бросила: «Тебя ждет Пьяццале Лоретто». Подразумевался миланский приют для больных и деградировавших проституток.

Это пророчество сбылось в точности.

Пока союзники продолжали свой путь по Пиренейскому полуострову, Муссолини перебрался в Валтеллино.

Расставаясь с Рахель в саду у виллы, он сказал, что готов «вступить в великое безмолвие смерти».

Ему советовали улететь в Швейцарию или Испанию. Франческа Лавагини, бывшая любовница, предлагала перебраться к ней в Аргентину, Клара же предлагала имитировать автомобильную катастрофу и распустить слух о его гибели. Все эти идеи Муссолини отверг. Убедившись, что Рахели и ее родственникам опасность не грозит, он приказал Кларе бежать в Испанию.

Семья Петаччи так и сделала, но сама Клара отказалась. «Я полагаюсь на судьбу, — писала она подруге. — Не знаю, что со мной будет, но не могу сомневаться в своем предназначении». Муссолини и Клара вместе удрали на север, в Комо. И там к ним присоединилась Елена Курти Куччiate — красивая пышноволосая дочь Анжелы Курти,

бывшей любовницы дуче. Муссолини отправился с ней на прогулку, чем вызвал у Клары приступ ревности.

«Что здесь делает эта женщина? — кричала она в истерике. — Ты должен от нее сейчас же избавиться. Сейчас же! Сейчас же!»

Он этого не сделал. Напротив, Елена и Муссолини поехали дальше в сопровождении немцев, и Клара догнала их уже по пути в Швейцарию, когда партизаны отрезали им путь. Партизаны заявили, что не хотят лишнего кровопролития и готовы пропустить немцев, но итальянские фашисты должны остаться. Клара со слезами уговорила Муссолини выдать себя за немца и бежать. Он, облачившись в немецкие шинель и каску, укрылся в кузове немецкого грузовика. Машина тронулась, Клара побежала вслед и попыталась залезть в кузов, но ее схватил в охапку муссолиниевский министр. Удержать ее удалось с огромным трудом — так она рвалась вдогонку за любимым. Однако кто-то из партизан заметил Муссолини. В следующем городе колонну обыскали и обманщика разоблачили. И снова его догнала верная Клара, но проку от этого было немного — ее саму посадили под замок.

Поначалу она выдавала себя за испанку и даже спрашивала партизан, как они обойдутся с Кларой Петаччи, если поймают. Но вскоре во всем созналась.

«Вы все меня ненавидите, — сказала она на допросе. — Думаете, я с ним пошла из-за денег и власти? Это неправда. Моя любовь вовсе не эгоистична. Я принесла себя ему в жертву». И взмолилась, чтобы ее заперли в одной камере с дуче: «Если вы убьете его, убейте и меня».

Партизанам приказали доставить Муссолини и Клару в Милан. Случайно машины, на которых их перевозили, встретились, и пленникам разрешили немного поговорить друг с другом. Клара взяла до абсурдного официальный тон: «Добрый вечер, Ваше превосходительство». Увидев ее, Муссолини пришел в бешенство: «Синьора, почему Вы здесь?» «Потому что хочу быть с вами», — был ответ.

Под утро, в три часа пятнадцать минут, пленников под конвоем доставили в Аццано и поместили в доме родственников партизана Де Мариаса. Примерно в четыре часа пришел мужчина в коричневом плаще. Ночной гость носил фамилию Аудисио. Он заявил, что хочет их спасти. Арестантов перевезли во двор ближайшей виллы и приказали выйти из машины.

«Спасители» оказались партизанами из коммунистического отряда — им приказали казнить Муссолини и еще пятнадцать главных фашистов. Клара заключила Муссолини в объятия и закричала: «Нет! Нет! Вы не посмеете! Вы не посмеете!» «Отойдите от него, — приказал Аудисио, — иначе мы и вас расстреляем». Но угроза Клару несколько не устранила: если Муссолини обречен на смерть, то и она умрет вместе с ним. Аудисио поднял пистолет и нажал на спусковой крючок, но промахнулся. Клара бросилась к нему и обеими руками вцепилась в ствол. Завязалась борьба, и Аудисио снова нажал на спуск.

«Вы не посмеете нас убивать вот так!» — выкрикнула Клара. Аудисио в третий раз нажал на спуск, но боек напрочь заклинило. Тогда он позаимствовал у товарища автомат и опорожнил магазин. Первая же очередь уложила Клару, вторая свалила с ног Муссолини. Третья его добила. Трупы бросили в кузов грузовика на груду расстрелянных раньше фашистов, отвезли в Милан и там в Пьяццале Лоретто подвесили за ноги к фонарному столбу. Кларины юбка соскользнула на лицо, обнажилась нижняя половина тела. Какой-то партизан встал на ящик, оторвал от юбки длинный лоскут и прикрыл Кларе срам.

Вся страна, ненавидела любовницу Муссолини, но вот что было любопытно: многие очевидцы событий того дня запомнили лицо Клары. По их словам, даже грязь и потеки крови не лишили его поразительной красоты.

Глава 5

У Гитлера было одно яичко

Адольф Гитлер, наверное, является самым зловещим персонажем истории XX века. Однако, несмотря на то, что он мертв вот уже пятьдесят с лишним лет, осталась все

увеличивающаяся шайка его приверженцев в Европе, Америке, России, Индии, Африке, Азии, Латинской Америке и на Востоке. Его демагогия, тоталитаристская философия, примитивные и кровавые способы решения любой политической проблемы гипнотизируют расистов, антисемитов, религиозных фундаменталистов, авторитаристов и самых обыкновенных психов. Но если бы эпигоны знали о его жалкой, убогой, извращенной сексуальной жизни, они гораздо меньше благоговели бы перед ним.

Трудно сохранить уважение к человеку, который любил голым распластаться на полу и получать пинки от женщины, который корчился в оргазме, когда на него мочились или испражнялись. Несколько его любовниц покончили с собой — до такой степени омерзительна была им его извращенность.

В том, что он был очень странным мужчиной, нет никаких сомнений. Об этом знали задолго до того, как он пришел к власти. Своими напыщенными гипнотизирующими речами он доводил зачастую женщин до оргазма. Бывший уборщик из Мюнхена поведал, что иногда во время сборищ женщины даже переставали следить за своими мочевыми пузырями, и этому уборщику приходилось вытирать весь передний ряд сидений. Наверное, Гитлеру это очень импонировало.

Гомосексуалисты убеждены, что Гитлер предпочитал однополую любовь. Почти все его телохранители были геями, впрочем, как и все ядро нацистской партии. Рейхсмаршал Герман Геринг был трансвеститом. Советника фюрера Рудольфа Гесса прозвали «фройляйн Анна», а Эрнст Рем, закадычный друг Гитлера и гомосексуалист, возглавлявший нацистских штурмовиков, говорил: «Он из наших».

Вскоре после «ночи длинных ножей», стоившей жизни Рему и его прихвостням, в Германии начались массовые аресты гомосексуалистов. В следующем году закон запретил мужчине даже «прикасаться к другому мужчине в двусмысленной манере». Геев заставляли нашивать на одежду розовые звезды, их сажали в концлагеря. Установлено, что в годы нацистского рейха погибло свыше полумиллиона гомосексуалистов. Интересно, что Гитлер пытался этим доказать?

Судя по кадрам кинохроник, у него были очень женственные походка и жестикуляция. Это продолжалось, пока Лени Рифеншталь, великая актриса, кинорежиссер и, по слухам, любовница Гитлера, не приспособилась снимать его снизу, в ракурсах, подчеркивающих его мужественность и помогающих создавать ореол мифического героя. Американские генералы шутили, что с такой жеманной походочкой ему бы ни за что не поступить в Уэст-Пойнт.

Была у него характерная привычка — ни с того, ни с сего он вдруг хватался за низ живота, словно хотел его защитить. Это породило шутку — Гитлер прячет последнего нетрудоустроенного члена третьего рейха.

Грянула война, и союзников заинтересовал психологический портрет нацистского диктатора, ведь если понять, что творится у него в голове, глядишь, и удастся предсказать его следующий шаг. Генерал Уильям Донован по прозвищу Дикий Билл — глава американского ОСС¹², предшественника ЦРУ — поручил решить эту задачу бостонскому психологу доктору Уолтеру Ц. Лангеру. Ученому помогали доктор Гертруда Курт, бежавшая от гитлеровских репрессий, и профессор Генри А. Меррей из Гарвардской психологической клиники. Они собрали все, что было опубликовано о Гитлере в прессе, и опросили множество людей, знавших фюрера лично. В частности, Лангера и его группу очень интересовала сексуальная жизнь Гитлера. Модные в то время психоаналитические теории ключевую роль отводили сексу.

Доклад Лангера отправился в департамент пропаганды, но агитационным орудием не стал. Лангер пытался как можно объективнее описать характер Гитлера и его сексуальные предпочтения. Ознакомившись с докладом, генерал Донован выразил свое удовлетворение. Документ читали многие. Английский министр иностранных дел лорд Галифакс лично

¹² Отдел стратегических служб.

поздравил Лангера; довольны остались и Черчилль с Рузвельтом.

Естественно, Лангер — психоаналитик до мозга костей — не мог не искать корни поведения Гитлера в его детстве.

Отец диктатора, Алоис Гитлер, служил в австрийской таможне на границе с Германией, был хорош собой и слыл ненасытным сластолюбцем. Он был внебрачным сыном Анны-Марии Шикльгрубер, служанки богатого еврея по фамилии Франкенбергер. Не исключено, что Франкенбергер — отец Алоиса. Позже Анна-Мария вышла замуж за Иоганна Георга Гейдлера. Эту фамилию можно произносить по-разному, и Алоис облюбовал вариант «Гитлер». Но Алоис Шикльгрубер лишь в возрасте сорока лет поменял фамилию на Гитлер, к тому времени его отчим уже давно лежал в могиле. По некоторым источникам, Алоис решил, что это поспособствует его карьере на таможне.

Мать Гитлера, Клара Польшль, нанялась служанкой к своему дяде Алоису Гитлеру, когда ей исполнилось шестнадцать. Все источники утверждают, что она была красавица. Она нянчила Терезу, внебрачную дочь Алоиса и его бывшей любовницы из Вены. На самом деле Клара была в кровном родстве с Иоганном Гейбдлером, а не с Алоисом.

Алоис жил в линцкой таверне, и Клару предупредили, что он пьяница и бабник. Он женился на Анне Глассль, которая была старше него на четырнадцать лет. Солидное приданое жены Алоис вскоре промотал, утоляя похоть с семнадцатилетней служанкой, Франциской Матцельбергер по прозвищу Фанни. Естественно, гибкое юное тело Клары не могло ускользнуть от масляных глаз Алоиса, и вскоре атмосфера в таверне так раскалилась, что Анна не выдержала и сбежала. Ее место не замедлила занять Фанни, молодая любовница Алоиса. Но ей хватило ума сообразить, что Клара, в свою очередь, заняла ее прежнее место — стала любовницей Алоиса. Поэтому Фанни поставила ультиматум: она не будет жить с Алоисом, пока он не выставит Клару.

Фанни и Алоис поженились. У них родились двое детей — Алоис-младший и Анжела, но вскоре после рождения Анжелы Фанни захворала, и Алоис пригласил Клару на роль сиделки. Когда Фанни ушла в мир иной, Алоис нашел утешение с Кларой. При этом он вступил в кровосмесительную связь со своей дочерью Терезой, и у той родился внебрачный ребенок. Клара тоже забеременела.

Алоис взял Клару в жены. Густав, их первый сын, родился через несколько дней после венчания, а еще через несколько дней умер. Эпидемия дифтерита отняла у Клары еще двух детей. И наконец утром 7 января 1885 года родился сын Адольф. Он выжил. Вся материнская любовь Клары, лишившейся трех сыновей, досталась Адольфу. Он уже не был грудным младенцем, а она все кормила его своим молоком. Нездоровая привязанность матери и сына лишь окрепла после смерти в шестилетнем возрасте еще одного ее ребенка, Эдмунда, брата Адольфа. Шестое, последнее дитя Клары, дочь Паула, выжила, но осталась слабоумной. Гитлер не умер, и рассудок его не помрачился. Клара души в нем не чаяла. Адольф всю жизнь называл себя «маменькиным сынком», даже когда вспоминал о матери в своем политическом трактате «Майн Кампф».

В сердцах матери и сына, охваченных патологической любовью друг к другу, оставалось слишком мало места для Алоиса. Продвигаясь по службе, он все меньше времени проводил дома, но когда все-таки возвращался, требовал от Клары сексуальных утех. Однажды Клара не пошла ему навстречу, и он отправился в Вену, к своей бывшей любовнице, матери Терезы. Но она была на позднем сроке беременности и ничем помочь ему не смогла. Изнемогая от похоти, Алоис вернулся в Линц и жаркой августовской ночью свирепо изнасиловал Клару на глазах у сына, слишком маленького, чтобы за нее заступиться.

Первые семнадцать лет своей жизни юный Гитлер был свидетелем полного сексуального подчинения своей любимой матери жестокому пьянице отцу. Но наконец в январе 1903 года Алоис умер, чем принес облегчение всем, кто был с ним так или иначе связан. Эпитафия на его памятнике гласила: «Острое слово, срывавшееся подчас с его губ, было не в силах затмить огонь сердца, бившегося под грубой оболочкой». Но эта эпитафия несомненно затмевает чувства, которые испытывал к своему отцу Адольф Гитлер. После

аншлюса — объединения Австрии с Германией — кладбище, давшее Алоису последний приют, очутилось на территории артиллерийского полигона, и могила исчезла без следа.

После кончины Алоиса мать и сын остались наедине друг с другом, но идиллия продолжалась недолго. Спустя четыре года Клара Гитлер заболела раком груди. Ее лечил еврей Эдуард Блох. Гитлер, подцепив сифилис в Вене, тоже стал его пациентом. Несмотря на то, что матери Гитлера уже удалили молочную железу и она явно умирала от рака, Адольф решил поступить в высшую школу живописи при Академии Изыщных Искусств в Вене.

В ту пору столица загнивающей Австро-Венгерской империи представляла собой гнездо разврата. Особенно дурной славой пользовался квартал красных фонарей Шпиттельберггассе, где у окон за кружевными занавесками сидели полуобнаженные девицы.

В те годы истерия антисемитизма вынуждала многих юных евреек добывать в этом районе средства к существованию, а уберечься от венерических заболеваний было почти невозможно. Заболевшей сифилисом проститутке приходилось работать еще больше, чтобы платить наглеющим день ото дня вымогателям за медицинские свидетельства, а молодых мужчин, жаждущих удовольствия, риск почти не смущал.

В результате многократных посещений Шпиттельберггассе, Гитлер заразился сифилисом, неизлечимой в ту пору болезнью. А затем его позвали в Линц, где в муках отходила в мир иной его мать. По настоянию Гитлера доктор Блох прописал ей йодоформ, который очень редко и по причинам, в ту пору не известным медицине, прекращал рост опухоли. «Вы должны лечить мою мать всеми доступными средствами, — требовал Гитлер. — Пускай это будет яд, лишь бы он убивал более опасную отраву». Йодоформ не помог Кларе. Он лишь вызвал галлюцинации и добавил боли, и она умерла в мучениях. Гитлер тяжело переживал утрату.

В ту пору у него были странные любовные фантазии. Как-то вечером он прогуливался со своим другом Густлем Кубичеком по главной улице Линца и вдруг указал на красивую молодую женщину по имени Стефания Йансен. Гитлер сказал, что влюблен в нее. И хотя он так ни разу и не заговорил с ней, это увлечение продлилось четыре года. Почему-то Гитлер вообразил, что должен на ней жениться и завести с ней детей. Она была для него идеалом немецкой женственности. Он посвятил ей стихи и однажды, вообразив, будто она на него рассердилась, грозил покончить с собой.

Позднее Кубичек из разговоров с Гитлером узнал, что у того припасен совершенно фантастический план самоубийства. Каждый шаг был продуман в деталях, а Кубичеку отводилась роль свидетеля. Описывая этот случай, Кубичек высказал предположение, что подобные фантазии помогали Гитлеру мастурбировать. Стефания несколько раз надолго уезжала из Линца, но «роман» не прекращался.

Гитлер, возвратясь в Вену, читал друзьям нотации о том, как опасно связываться с проститутками. Он водил Кубичека, в ту пору жившего в одной комнате с ним, в Шпиттельберггассе, чтобы тот собственными глазами посмотрел, «какими дураками становятся мужчины, попадая в капкан к низменным желаниям». Они прошли через весь квартал и обратно, и все это время Гитлер говорил о вреде проституции и глупости мужчин, которым не хватает воли удержаться от соблазна. Кубичеку показалось, что от той прогулки Гитлер получил какое-то извращенное удовольствие.

В биографии Гитлера венского периода есть год, представляющий собой сплошное «белое пятно». Предполагается, что этот год Гитлер провел в клинике — возможно, лечился от сифилиса. Если это так, то лечение оказалось безуспешным. До конца своего пребывания в Вене он, судя по всему, избегал женского общества.

«В течение двух лет, — писал он, — у меня были только две подружки — печаль и нужда, и не было спутников, кроме вечного неутолимого голода. Я никогда не знал прекрасного слова «юность».

И это не удивительно, если судить по его портрету тех лет. Он носил костюм баварского горца: кожаные шорты, выставившие напоказ короткие хилые ноги, белую сорочку и подтяжки. У него были широкие бедра, узкие плечи и такая впалая грудь, что

позднее он заставлял портных подбивать ватой его кители. Всегда не слишком чистая одежда, грязь под ногтями и полный рот коричневых зубов довершали портрет.

Ходили слухи, что в ту пору у Гитлера было несколько гомосексуальных партнеров. Возможно, эти слухи впоследствии распустили его политические противники, но один представляется особенно любопытным. В годы первой мировой войны Гитлер отличался смелостью и фанатичным патриотизмом. Он получил за отвагу два железных креста, но не поднялся выше ланц-капральского звания. Говорили, будто его карьере повредило недостойное поведение по отношению к вышестоящему офицеру, за которое Гитлер якобы даже предстал перед военно-полевым судом. Когда он пришел к власти, гестаповцы замяли эту историю; все материалы следствия были уничтожены. Товарищи по окопам отмечали, что Гитлер «был особенным парнем — никогда не просился в увольнение, никогда не проявлял обычного солдатского интереса к женщинам и никогда не брюзжал, хотя даже храбрейшие пеняли на грязь, вшей, нечистоты и вонь переднего края».

На первой мировой войны англичане отравили Гитлера газом. Отлеживаясь в переполненной госпитальной палате города Пазевальк на севере Германии, он страдал слепотой и галлюцинациями. Лечивший его врач Эдмунд Форстер считал это симптомами психопатической истерии. А она, в свою очередь, могла быть связана с сифилисом, к тому времени уже вступившем во вторичную стадию. Ту историю болезни постигла судьба материалов разбирательства в военно-полевым суде — ее обнаружили и изъяли гестаповцы. Форстеру, успевшему к этому сроку получить степень профессора, пришлось уступить. Он жил в постоянном страхе перед гестапо и в конце концов застрелился. Шеф гестапо Генрих Гиммлер видел те бумаги, он подтвердил, что у Гитлера был сифилис.

После первой мировой войны Гитлер осел в Мюнхене — общепризнанном центре венерологии. И там поначалу он давал выход своей сексуальной энергии в одиночестве. Если верить рассказам его друзей, книжные полки в комнате Гитлера были набиты порнографической литературой, в том числе замусоленными томами «Истории эротического искусства» и «Иллюстрированной историей нравов». Он по-прежнему увлекался живописью и посещал Академию Изящных Искусств, чтобы бросать похотливые взгляды на обнаженных натурщиц.

Но Гитлер не был лишен сексуальной привлекательности, и к власти пришел отчасти благодаря темпераменту немецких женщин.

Его первую покровительницу звали Хелена Бехштейн. И она, и ее муж были богаты, как Крез. Они оказали финансовую поддержку не оперившейся нацистской партии и познакомили Гитлера со своими обеспеченными друзьями, жены которых заставили своих супругов раскошелиться «на дело Великой Германии».

Но на секс-символ Гитлер никоим образом не походил. Правда, хилые ножки он прятал теперь под синим костюмом, зато сам костюм был, мягко говоря, не с иголочки. Лидеру германских фашистов досаждал лицевой тик — у него постоянно загибался кверху уголок рта. На ходу через каждые несколько шагов он подкидывал правое плечо, и при этом дергалась кверху левая нога. Люди, побывавшие с ним рядом, вспоминали ужасный запах его тела. Всю жизнь ему доставлял неприятности хронический метеоризм. Он постоянно глотал таблетки абсорбента и не ел мяса в надежде пахнуть не так сильно.

На приемах он вел себя за столом странно. Мало ел и не пил ничего алкогольного (будучи подростком, он напился однажды и потом обещал матери вести жизнь трезвенника). Но стоило беседе перейти в русло политики, он мигом возбуждался и раздумывался. Он неистово жестикулировал, не выносил, когда его перебивали; пронзительный голос поднимался все выше и выше, казалось, зажигательными речами Гитлер доводил себя до оргазма. Особенно это действовало на пожилых дам: они тотчас снимали с себя бриллианты и жертвовали их на партийные нужды. А женщины средних лет входили на митингах в такой раж, что им требовалась медицинская помощь после окончания мероприятия. Был случай, когда поклонница Гитлера зачерпнула пригоршню гравия, которого коснулась его стопа, и попыталась проглотить. Для таких, как она, Гитлер был божеством. Они давали ему деньги,

многие выражали готовность лечь с ним в постель, но маловероятно, что он рискнул «наградить» сифилисом кого-нибудь из своих сторонниц.

Ладить с ровесницами матери Гитлер умел, а вот с молодыми женщинами ему везло меньше. В Мюнхене он на пару со своим шофером Эмилем Морицем, наполовину евреем, бегал за девчонками. И хотя Морицу Гитлер по этой части был не ровня, он взял себе кличку Герр Вольф. В его фантазмагорической биографии часто повторяется сексуальный и хищный образ волка. Придя к власти, Гитлер даже убедил свою слабоумную сестру Паулу сменить фамилию на Вольф, чтобы она больше соответствовала его идеалу истинной арийки.

Хелену Бехштейн Гитлер называл великой женщиной Германии, она же видела в нем скорее сына, нежели любовника. В 1923 году, после разгрома «пивного путча», именно Хелена убедила Гитлера прекратить голодовку в тюремной камере, и хотя он твердил, что все кончено, она упростила его продолжать борьбу. Выйдя на свободу, он бросился к ее стопам. В крайнем смущении она умоляла его подняться. «Будет просто ужасно, если сюда кто-нибудь войдет, — сказала она. — Зачем подвергаться такому унижению?»

Хелена вовсе не стремилась к тому, чтобы Гитлер достался ей одной. Она готовила ему в жены свою дочь Лотту. Но Гитлер сказал, что не может жениться на Лотте. Он-де уже обручен с Германией.

Гитлер флиртовал и с Винифред Вагнер, уроженкой Англии, родственницей композитора Рихарда Вагнера. Эта вдовушка организовала в Байройте Вагнеровский фестиваль. Дух немецкого фашизма нерасторжимо связан с вагнеровской мифологией. Гитлер почти не шутя заявил, что сама судьба велит ему жениться на Винифред.

Многие из одурманенных Гитлером дам сочли, что открыто поддерживать столь опасную организацию, как национал-социалистическая партия, рискованно. Поэтому они вручали пожертвования непосредственно Гитлеру. Эти дары положили фундамент его личного богатства. Он купил в Берхтесгадене сельский дом. Там он познакомился с Элизабет Бюхнер, женой автогонщика, содержавшего местную гостиницу. Элизабет была длинна, как каланча, и Гитлер увидел в ней свою Брунгильду. Фрау Бюхнер так возбуждала его, что он маршировал перед ней вперед-назад, лупцуя себя по бедру кнутом из шкуры носорога.

Похоже, в то время он все еще остерегался женщин. Но Гитлера всегда очень привлекали девушки — юные, наивные и легковнушаемые. Однажды, выгуливая в Берхтесгадене собаку, он повстречал юную Митци Рейтер. Она была на двадцать с лишним лет моложе его. Гитлер повел Митци на концерт, а следующее свидание произошло на фашистском митинге. Поначалу все происходило вполне невинно. Гитлер прогуливался с Митци по парку и засыпал ее комплиментами. По его словам, он боготворил свою спутницу и вдруг схватил за плечи и поцеловал. «Я хочу тебя сокрушить», — заявил он.

Одно время они собирались снять квартиру в Мюнхене и жить вместе. А на следующий год Митци решила свести счеты с жизнью. Она попыталась удавиться пояском от платья, но ее вовремя обнаружил брат и не дал отправиться на тот свет. Совершенно очевидно, что Гитлер внушал ей страх: однажды он так сильно отхлестал кнутом свою собаку, что Митци была потрясена его жестокостью.

Другая любовница фюрера, Сюзи Липтауэр, повесилась, проведя с ним ночь. Затем у Гитлера завязался роман с собственной племянницей, Гели Раубаль. Его овдовевшая единоутробная сестра Анжела в 1927 году приехала в Мюнхен, чтобы вести хозяйство в доме, и привезла с собой дочь, двадцатилетнюю Гели. Девушка была недурно сложена, и мужчинам нравились ее пышные кудри.

Когда она впервые появилась в Браунхаузе, штаб-квартире Гитлера на Бриннерштрассе, ей с трудом удалось скрыть свое восхищение «большим знаменитым дядюшкой». Он поспешно объявил себя ее охранником и защитником, отвел в комнату, расположенную рядом с его кабинетом. Но возникли осложнения. Политика вызывала у Гели скуку, она мечтала ходить на танцы. Гитлер запрещал ей водить дружбу со сверстниками и однажды, повстречав на улице с приятелем-студентом, пообещал выпороть плеткой, с которой не расставался. Он постоянно читал ей длинные высокопарные нотации, в самых зловещих

красках расписывая вред сексуальных связей.

Отто Штрассер, младший брат Грегора Штрассера — одного из основных участников мюнхенского «пивного путча» 1923 года — договорился с Гели о встрече на бале-маскараде. Когда Отто одевался, в комнату вбежал брат с неприятной новостью — Гитлер запретил юноше идти с Гели. И тут позвонил сам Гитлер. «Как я понял, сегодня вечером ты собрался идти с Гели, — бушевал он. — Я ее никуда не пушу с женатым мужчиной. Здесь, в Мюнхене, я не допущу ваших грязных берлинских фокусов».

Позже Отто увиделся с Гели. По его словам, она смахивала на затравленного зверька. «Он меня запер, — плача, сообщила она. — Он запирает меня каждый раз, когда я говорю «нет»».

В другой раз приревновавший Гитлер назвал ее шлюхой и заставил свою единоутробную сестру показать дочь гинекологу. Пока Гели осматривали, он расхаживал взад-вперед у крыльца клиники. Узнав, что она все еще девственница, Гитлер купил ей дорогое кольцо, но не перестал запирает ее на ночь в спальне.

А между тем неусыпная забота Гитлера о Гели уже вызывала тревогу у ее матери. Анжела попросила его поклясться, что он не соблазнит ее дочь. Гитлер ответил, что проблема вовсе не в нем. Гели хитрая и распутная, и, несмотря на проверку у гинеколога, она не совсем девственница.

Отто Штрассер, сбежавшей в Канаду после «ночи длинных ножей» и гибели своего брата, понял всю извращенность отношений Гели и Гитлера: юная красавица сохранила девственность, но не невинность. «Гитлер раздевал ее, — сообщил он посланцу доктора Лангера, — потом ложился на пол. Заставлял ее опускаться на корточки над его лицом и рассматривал ее вблизи, и это его очень возбуждало». Гитлеру было очень важно, чтобы Гели сидела над ним на корточках и он мог видеть все. «А когда возбуждение достигало предела, он требовал, чтобы она на него мочилась, и от этого получал сексуальное удовольствие. Гели говорила, что вся эта процедура ничего, кроме омерзения, у нее не вызывала».

Штрассер и раньше об этом слышал от Генриетты Гофман, дочери официального фотографа Гитлера, но отмахнулся, как от истерического бреда. Горничные, убиравшие спальню Гели, жаловались на «очень странные и неопишуемые» находки. Гели говорила подружке: «Гитлер — чудовище... ты никогда не поверишь, что он заставляет меня делать». Но другие поверили. Доказательства они видели собственными глазами. В 1929 году в руках доктора Рандольфа, сына домовладелицы, оказался портфель с порнографическими рисунками Гитлера — на них была изображена Гели в самых непристойных позах, ее половые органы прорисованы анатомически детально.

Ярый антисемит отец Штемплфль взялся выкупить эти рисунки для Гитлера. Он действовал через Рехса, коллекционера раритетов, связанных с политикой. Однако Рехс обманул Штемплфля: когда за портфелем явился партийный казначей Франц Хавьер Шварц, Рехс вздул цену. Штемплфль тоже не пережил «ночи длинных ножей». Шварц получил приказ не уничтожать рисунки, а доставить их Гитлеру в штаб-квартиру нацистов.

Пока Гели сидела по ночам взаперти, Гитлер со спокойной совестью посещал других любовниц. Он проводил время в студии официального фотографа Генриха Гофмана, которая являлась явочной квартирой гомосексуалистов обоих полов. Гофман снимал эротические фильмы. Гитлер с удовольствием их просматривал, а заодно проявлял нездоровый интерес к Генриетте, шестнадцатилетней дочери Гофмана. Позднее с его легкой руки на ней женился Бальдур фон Ширах, знаменитый гомосексуалист и вождь гитлеровской молодежи, а также венский гауляйтер.

По-прежнему Гитлер проводил время с Вагнерами. Винифред прониклась к нему такой фанатичной привязанностью, что пригрозила собственной дочери убийством, когда та, возмущенная зверским обращением с евреями, сбежала в Швейцарию.

Отлучками Гитлера воспользовался Эмиль Мориц, он стал посещать Гели. Когда Гитлер застал их вдвоем, он тут же уволил Эмиля и обозвал «грязным евреем».

В 1931 году Гели решила уйти от Гитлера и перебраться в Вену, где она могла бы заниматься музыкой. Анжеле тоже хотелось вырвать дочь из когтей дядюшки Адольфа. Ситуацию осложняла беременность Гели.

Предполагалось, что она зачала от Эмиля Морица, хотя она спала и с молодым фашистом, своим телохранителем. Слухи о причастности к ее беременности Гитлера совершенно беспочвенны. К одному из его последних писем, адресованных ей, прилагались фотоснимки, свидетельствующие о его импотенции. Больше того, племянник Гитлера, сын его единоутробного брата Алоиса, Патрик Гитлер, высказал предположение, что Гели забеременела от молодого еврея из Линца, преподавателя живописи. В ту осень между Гитлером и Гели однажды вечером вспыхнула ужасная ссора.

Гели требовала отпустить ее в Вену. Гитлер отказывался наотрез. Ему надо было срочно ехать в Гамбург, у подъезда ждала машина. Когда он вышел на улицу, Гели окликнула его из окна, еще раз попросила дать ей свободу. Он отказал и запретил с кем-нибудь видаться до его возвращения. На следующее утро ее нашли мертвой.

Из отчета судебного следователя видно, что смерть наступила от пули, которая прошла под грудью и вертикально прошла сердце. Гели Раубаль было всего лишь двадцать три года. В то время ходило немало противоречивых версий ее гибели. По одной из них, фюрер приказал Гиммлеру ликвидировать Гели, по другой версии, он сам нажал на курок, когда они с Гели яростно дрались за пистолет. Говорилось о «крупной ссоре во время завтрака»: якобы Гели сказала Гитлеру, что решила любой ценой избавиться от его диктата и с этой целью обещала одному австрийцу выйти за него замуж.

О том, что Гитлер застрелил Гели в ссоре, утверждал Отто Штрассер. После ее смерти брат Отто — Грегор — провел с Гитлером три дня и три ночи, боялся его покушения на самоубийство. Фашистская партия, не дожидаясь расследования, выпустила коммюнике, заявив, что Гитлер глубоко скорбит по поводу «самоубийства» своей племянницы. По словам Отто Штрассера, прокурор собирался обвинить Гитлера в убийстве, но баварский министр юстиции Вильгельм Гюртнер закрыл дело, и версия самоубийства вошла в вердикт. Гюртнер стал рейхсминистром юстиции, а злосчастный прокурор бежал из Германии, когда фашисты пришли к власти.

Как бы то ни было, Гели умерла, и нацистам пришлось хорошенько потрудиться, чтобы замаять скандал. Ее тело вынесли из дома черным ходом и в запаянном свинцовом гробу тайком доставили в мюнхенский морг. Потом контрабандой его вывезли из страны. На похоронах присутствовали Гиммлер и Рем. Убитый горем Гитлер остался в Мюнхене, где опубликовал гневную отповедь газете «Мюнхенер Пост», которая осмелилась предположить, что у Гели в драке был сломан нос, да и другие следы побоев остались на теле.

Журналист Герлих, расследовавший гибель Гели, за свое любопытство поплатился жизнью. Фосс, адвокат Грегора Штрассера, хранивший его конфиденциальные документы, тоже был убит. Самого Грегора Штрассера в 1934 году ликвидировали приспешники Гитлера.

Несмотря на то, что власти приняли версию самоубийства, Гели похоронили в полном соответствии с католическим обрядом на церковном кладбище в ее родной Австрии. Австрийское правительство запретило Гитлеру въезд в страну, но в порядке исключения разрешило посетить могилу Гели, с условием, что он воздержится от какой бы то ни было политической деятельности. Гитлеровская штаб-квартира в Мюнхене дала указание австрийским фашистам не реагировать на его визит. Поздно ночью он пересек границу. Специально для него открыли кладбищенские ворота. Некоторое время он в одиночестве ходил вокруг могилы, а к рассвету вернулся в Германию.

Позже он распорядился сделать по фотографии Гели бюст в натуральную величину. Получив его, расплакался. Вокруг бюста всегда лежали цветы, и в каждую годовщину смерти Гели Гитлер на несколько часов запирался в комнате с этим бюстом.

Вскоре после того, как Гитлер возглавил государство, он пригласил к себе в рейхсканцелярию немецкую кинозвезду — девятнадцатилетнюю красавицу Ренату Мюллер. Вечер начался со злорадных и подробных рассказов о том, как гестаповцы выбивают признания. Гитлер хвастливо заявил, что его люди работают гораздо хладнокровнее и результативнее, чем самые злобные средневековые заплечных дел мастера.

От этих речей Ренату замутило, и все же она призналась себе, что хочет лечь с рейхсканцлером в постель. Они отправились в спальню и разделись. Затем Гитлер распластался на полу у ее ног и попросил дать ему пинка. «Я мерзок и нечист! — вопил он. — Бей меня! Бей!» Рената пришла в ужас — все это было в диковинку. Она умоляла Гитлера встать, но он знай себе ползал и стонал. В конце концов пришлось его попинать и отшлепать. Чем сильнее она его била, тем сильнее он возбуждался. Сцена вызвала у Ренаты крайнее омерзение, но в разговоре с продюсером Альфредом Цейслером она призналась, что это было еще не самое страшное. самого страшного она описывать не будет — это выше ее сил. В скором времени Рената Мюллер выпрыгнула из окна берлинской гостиницы и разбилась насмерть. Ходил слухок, что у нее был еврей-любовник, и гестапо получило тайный приказ казнить ее за это.

Гитлер, по-видимому, питал особую страсть к актрисам. Американка Линда Баскуит, звезда немого кино, заявила, что он слал ей восторженные письма, приглашал в Берхтесгаден и там энергично к ней «клеился». «Это было поистине омерзительно, — сказала она. — От него ужасающе пахло, и его все время пучило. Но у него был такой странный, пронизывающий взгляд».

По словам Баскуит, ей пришлось пнуть фюрера в пах, но это лишь сильнее его раззадорило. Защищаясь от его посягательств, она заявила, что в ней есть еврейская кровь.

Линда Баскуит девять раз побывала замужем, в том числе за Сэмом Уорнером из «Уорнер Бразерс». Она скончалась в 1994 году в возрасте восьмидесяти семи лет.

Ну а в тот памятный день в рейхсканцелярии был пир горой. Галлонами поглощалось шампанское, певцам и танцорам выплачивались фантастические гонорары. Любые их капризы тотчас исполнялись рейхсминистрами. Один из немногих гетеросексуалов фашистской элиты Йозеф Геббельс вел себя так легкомысленно с киноактрисами, нанятыми его подопечным министерством пропаганды, что Магда, его многострадальная супруга, сказала Гитлеру о намечающемся разводе. Гитлер заявил, что о разводе не может идти и речи, ни один немецкий адвокат не возьмется отстаивать ее интересы. Тогда Магда, похоже, решила отплатить мужу по заслугам, соблазнив Гитлера. Она была весьма хороша собой. Позднее она сказала, что фюрер — импотент.

Гитлер ненадолго увлекся Маргарет Слезак, но эта женщина обладала независимым мышлением. Фюреру не удалось ее сломить, и она была изгнана из его окружения.

Едва ли оправданы сомнения в том, что Гитлеру было из кого выбирать. Однажды вечером Луис Тренкер, австрийский кинорежиссер, привел актрису Луизу Ульрих в рейхсканцелярию, где фюрер «рассказывал разные истории». Зал, в котором они обнаружили Гитлера, был заполнен шикарными женщинами в вечерних платьях. Одного его присутствия было достаточно, чтобы у них «тряслись декольте». Одна гостья, жена директора нюрнбергской оперы, стояла на коленях у его ног в позе пленника, молящего о пощаде, а Гитлер высокопарно ораторствовал о том, что Германии нужно больше танков, пушек и бомб.

Самой странной среди тех, кто простирался ниц у ног Гитлера, была Юнити Митфорд. Она была родом из знаменитой семьи — пятая дочь лорда Редесдейла. Одна ее сестра — Джессика, коммунистка — сделала в Америке шумную журналистскую карьеру; вторая сестра — Дебора — стала герцогиней Devonshire; третья сестра — Нэнси Митфорд — прославилась как писательница, а четвертая — Диана — вышла замуж за сэра Освальда Мосли, вождя английских чернорубашечников. Юнити надеялась заткнуть их всех за пояс, женив на себе самого фюрера. С Гитлером ее познакомила Диана в 1935 году, во время ее

десятидневного визита в Германию. Юнити сразу влюбилась в него без памяти. Она охотилась за Гитлером, как за дичью, обесцвечивая и без того светлые волосы, чтобы выглядеть более нордически, и подаренный фюрером значок со свастикой не снимала с лацкана.

Ее родители ничего не имели против. Лорд и леди Редесдейл побывали в Берлине в качестве личных гостей фюрера. Это послужило причиной раскола в семье — Диана и Юнити стали фанатичными гитлеристками, а Джессика с Нэнси — их яркими идейными противницами.

Неизвестно, насколько серьезно Гитлер воспринимал Юнити, да и было ли вообще между ними что-нибудь. Как бы то ни было, у Гитлера вошло в обычай уединяться с молодыми невинными девушками вроде Юнити и добиваться исполнения своих желаний. Несомненно, в обществе Юнити ему было уютно, по-видимому, ей удавалось снимать с его психики самые застарелые зажимы. Но окружение Гитлера считало Юнити скорее комической фигурой.

Статьей «Я ненавижу евреев» и другими пропагандистскими опусами Юнити «сожгла за собой мосты». Первый день войны застал ее в Мюнхене. Она пошла в Английский сад, присела на скамейку и пальнула себе в голову, но умерла не сразу. Ее отвезли в Швейцарию, оттуда доставили в Британию. Леди Редесдейл, ее мать, ухаживала за Юнити на отдаленном шотландском острове до самой смерти дочери в 1948 году.

Лени Рифельшталь, мастерски превратившая тщедушного, женоподобного Адольфа Гитлера в персонификацию мифа о господствующей арийской расе своими фильмами «Торжество воли» и «Олимпия» (официальной ленте о Берлинской олимпиаде 1936 года), заявила после войны, что никогда не была любовницей Гитлера. Но многие из тех, кто находился рядом с ней в годы ее славы, уверены в обратном.

Гитлер познакомился с ней, когда Рифеншталль была еще не кинорежиссером, а артисткой. Их представил друг другу Геббельс, решивший, что брак между Гитлером и Лени Рифеншталль, спортсменкой и героиней киносериала об альпинистах, станет апофеозом нацистской пропаганды. Герман Геринг однажды назвал ее «расселиной Рейха», чем вызвал превеликое неудовольствие Гитлера.

Доктор Путци Ханфштенгль, присутствовавший при первой встрече фюрера и Лени, рассказал, что Гитлер выглядел стесненным и замкнутым, как будто чего-то боялся. Ханфштенгль играл на пианино, а Рифеншталль исполняла соблазнительный танец. Она решила любой ценой завоевать Гитлера; поэтому Геббельс и Ханфштенгль попросили извинения и ушли.

В постели у Рифеншталль побывало множество знаменитостей, в том числе боксер Макс Шмелинг, кинопродюсер Эрнст Любич и летчик-ас времен первой мировой войны Эрнст Удет. Ханфштенгль с уверенностью заявил: если Рифеншталль не удалось соблазнить Гитлера, то этого не сделал и никто другой.

Но Гитлер, очевидно, все же устоял под натиском ее чар, по крайней мере — в то время. Через несколько дней Ханфштенгль повстречал Лени на борту самолета и спросил, как прошла ее встреча с фюрером. Ответом было лишь слабое пожатие плечами — жест разочарования. Однако она была не из тех, кто легко сдается. Ханфштенгль рассказал Луису Тренкеру, как однажды, примерно в два часа они с Гитлером заехали к Рифеншталль на чашку кофе, и она исполнила нагишом один из своих легендарных танцев. «Она трясла пупком перед моим носом», — жаловался Ханфштенгль.

Рифеншталль, чье имущество полностью конфисковали после войны за ее связи с фашистами, назвала ту ночную встречу вымыслом чистой воды. Но Луис Тренкер полагал, что это произошло в действительности и возымело желанное действие. Когда Рифеншталль участвовала в съемках фильма «SOS, айсберг!», киностудии «Юниверсал Пикчерз» пришлось арендовать в Гамбурге судно, чтобы снять виды одного из Балеарских островов. Коллеги собрались в порту, а актрисы все не было и не было. Несколько дней никто не знал, где ее искать. Затем продюсерам позвонили и сообщили, что в Гамбурге приземлился

самолет фюрера. На нем прилетела Рифеншталь. Она гостила на вилле Гитлера под Нюрнбергом.

Рифеншталь вернулась на киностудию с огромным букетом цветов. «Казалось, ее взор устремлен вдаль, — рассказывал Луис Тренкер. — Она вся преобразилась и хотела, чтобы все знали, какие чудесные мгновения она только что пережила».

Рифеншталь очень старалась угодить Гитлеру. Она даже перестала пользоваться косметикой, так как фюрер не одобрял макияжа. Он верил, что парижская губная помада делается из свиной мочи, и твердил, что истинные арийки прекрасны и без косметики.

Но эта любовная связь была вовсе не настолько прочна, как надеялся Геббельс. Через год Лени призналась еврейской журналистке Белле Фромм: «Раза два в неделю Гитлер приглашал меня на ужин, но всегда в четверть одиннадцатого ссылаясь на усталость и отправлял домой». И все же Гитлер по-прежнему питал к ней интерес, просил, чтобы она берегла себя на съемках очередного фильма об альпинистах в Доломитовых Альпах. «Ты нужна нации, чтобы снимать пропагандистское кино», — говорил он. По части воздействия на умы она была мастером высочайшего класса. И хотя она снимала только кинохроники, ее фильм о Берлинской олимпиаде 1936 года превратил это событие в торжество гитлеровской идеи арийского супермена. Вопреки требованиям Геббельса и других фашистских бонз фюрер позволил ей оставить эпизоды, в которых великий чернокожий американский атлет Джесси Овенс побеждает лучшего из немецких спортсменов. Но кульминационным моментом фильма все-таки является сцена, где Гитлер поздравляет немецкую спортсменку Тилли Флейшер, завоевавшую две золотые медали в метании копья, и это выступалось несомненным доказательством нордического превосходства.

Гитлер искренне верил в свой идеал нордической красоты. Согласно донесениям ФБР он делил постель с датской королевой красоты Ингрид Арвад. Перед войной она сбежала из страны, затем перебралась в Америку и стала любовницей молодого офицера военно-морской разведки Джона Ф. Кеннеди — будущего президента Соединенных Штатов Америки. Эту информацию отыскал Линдон Джонсон и воспользовался ей, чтобы в 1960 году пойти на выборы кандидатом от демократического блока.

В 1938 году в Мюнхен прибыл с визитом Муссолини, и только Лени Рифеншталь удостоилась чести быть представленной Гитлером дуче. С ней был вынужден считаться даже рейхсминистр пропаганды. После личного вмешательства фюрера ей разрешили снимать польскую кампанию; случайно на пленку попало несколько кадров, свидетельствовавших о фашистских злодеяниях. На фронте она носила, как и Гитлер, серый полевой мундир.

В благодарность за пропагандистские фильмы Гитлер подарил Лени «мерседес» и специально для нее построил виллу с киностудией в саду. Во время войны он распорядился соорудить там бомбоубежище, чтобы уцелели ее «бессмертные картины». С приходом американцев она решила сжечь негативы; за этим занятием они ее и застали.

После войны Рифеншталь все отрицала, особенно пляску нагишом перед Гитлером и Ханфштенглем. Американскому репортеру Бадду Шульбергу она сказала следующее: «Я была не в его вкусе. Я слишком сильна, чересчур самоуверенна. А ему нравились бесхребетные коровы вроде Евы Браун».

Пути Гитлера и Евы Браун пересеклись в 1929 году. Она работала лаборанткой в фотостудии Гейнриха Гоффмана. Ее хорошенькие икры сразу произвели на Гитлера впечатление. Еве, выпускнице католической женской школы, было только семнадцать лет. Она была невинна, мало чем интересовалась, не строила честолюбивых планов и легко поддавалась чужому влиянию.

Гитлер был старше ее на двадцать четыре года. С самого начала он держал ее на очень коротком поводке. Как-то раз на вечеринке у Гоффмана Луис Тренкер, ничего не знавший о Еве, пригласил ее на танец. Доброжелатель предупредил Луиса, что его расстреляют за попытку увести у фюрера любовницу. Позже Ева нашла способ поговорить с Луисом наедине. Она попросила никогда не упоминать о вечеринке, на которой они танцевали. Сильно разволновавшись, с ненарочитой иронией она сказала: «Вы даже не знаете, каким

ужасным тираном он бывает».

Гитлер и Ева Браун стали любовниками весной 1932 года, вскоре после смерти Гели Раубаль. Судя по дневникам Евы, она обожала Гитлера, но при этом испытывала нравственные страдания. Она не вдавалась в подробности своих сексуальных отношений с ним, лишь туманно призналась: «Я у него для особых нужд».

Чем бы они ни занимались, счастливой ее это не делало. 1 ноября 1932 года она совершила первую из нескольких попыток самоубийства: вскоре после полуночи Ева выстрелила в себя из отцовского служебного револьвера и едва не задела сонную артерию. Ей удалось вызвать врача, и тот сообщил Гитлеру, что она стреляла в шею, но промахнулась и он едва успел ее спасти.

Гитлер тотчас накинулся на Гоффмана — дескать, это из-за любви к нему Ева пыталась покончить с собой. «Теперь я должен за нею присматривать», — заявил он. — Это не должно повториться». Это повторилось.

После той попытки суицида Ева оказалась полностью во власти Гитлера, отчего стала еще несчастней. В свой день рождения, 6 февраля 1935 года она написала: «Только что благополучно достигла двадцати трех». Далее она размышляла, «стоит ли радоваться по сему поводу. Как далека я сейчас от этого чувства». Мечтала она только о собачонке, которая бы чуть-чуть скрасила одиночество. В тот вечер она ужинала с Гертой, своей подругой, а затем огорченно поведала дневнику, что день рождения закончился «банальной попойкой».

Лишь через пять дней неожиданно прибыл Гитлер. Она написала в дневнике, что вечер был восхитительным, но он так и не привез ей щенка и не было коробок с красивыми платьями. «Он даже не спросил, что я хочу получить в день рождения», — сетовала она.

И все же Ева была тронута его вниманием: «Я бесконечно счастлива оттого, что он меня так любит, и молюсь, чтобы так было и впредь. Если он однажды разлюбит меня, то пусть это случится не по моей вине».

Однако 4 марта 1935 года, меньше месяца спустя, она написала в дневнике: «Я снова смертельно несчастлива — мне запрещено писать Ему». Заглавная буква в последнем слове не случайна — как и большинство немецких женщин того времени, Ева Браун отождествляла Гитлера с Богом, с Христом. «Но мои сетования пусть останутся в этой тетради», — смиряясь, писала она.

Ева знала, что весь тот день Гитлер провел в Мюнхене, но ее он так и не навестил. И даже не взял телефонную трубку в «баварской остерии, где обедал». Она ждала, как «кошка на раскаленных кирпичах». Каждую секунду ей казалось, что он уже входит в дом. В конце концов она решила что-нибудь предпринять, но было уже слишком поздно. Она поспешила на железнодорожную станцию и увидела, как меркнут вдали буферные фонари его поезда. В тот вечер она отказалась пойти в гости и просидела у себя в квартире одна-одинешенька, гадая, за что он на нее рассердился.

Всю следующую неделю она не получала от него вестей. Ей хотелось тяжело заболеть, чтобы любимый испытал угрызения совести. «За что мне все эти мучения? — жаловалась она. — О, зачем только судьба свела меня с ним?!» Чтобы не терзаться мыслями о своих бедах, она стала принимать снотворное. Очень скоро у нее появилась наркотическая зависимость. «Почему дьявол не утащит меня на тот свет? — с безысходностью удивлялась она. — Наверное, ад бесконечно лучше, чем это... Почему он не перестанет меня мучить?»

Дальше — хуже. От Гейнриха Гоффмана Ева узнала, что Гитлер подыскал ей замену: «У нее прозвище Валькирия, и выглядит она соответствующе, особенно ноги. — Но именно такие размеры он предпочитает». Это относится либо к Винифред Вагнер, чей знаменитый родственник создал «Полет валькирии», либо к Юнити Митфорд, носившей второе имя — Валькирия. Обе были рослые, грудастые, а Ева — субтильная, с маленьким бюстом.

«Скоро из-за него она сбросит тридцать фунтов, — пообещала Ева. — Если только она не из тех, кто от огорчений толстеет».

Ева писала, что ее беспокоит лишь одно — почему Гитлер не сообщит ей, что его сердце теперь принадлежит другой. Впрочем, вряд ли новое увлечение фюрера оказалось бы

для нее сюрпризом. Чуть ли не ежедневно он появлялся на газетных фотоснимках в окружении привлекательных женщин.

«Наверное, все, что со мною творится — из-за его безразличия, — заключила она. — Я подожду до третьего июня, иными словами, пока не истечет четверть года со дня нашей последней встречи. Пусть не говорят, что я нетерпелива. Целыми днями я сижу и жду, пока за окнами надо мною смеется солнце, а он почти не понимает меня, он позволяет, чтобы меня унижали перед чужими людьми».

Но ждать так долго Ева не могла. 28 мая 1935 года она послала ему письмо и решила покончить с собой, если не получит ответа до десяти вечера. Она знала: если даже он сейчас не у Валькирии, кругом столько других женщин... Ответ не пришел ни до десяти, ни позже. Утром она проглотила две дюжины таблеток фанадорма и через несколько минут потеряла сознание. Ее нашла сестра Эльза. Она заглянула в комнату вернуть позаимствованное платье. Увидев все, Эльза вызвала врача — Еву «откачали». Народу сообщили, что все это пустяковое недоразумение, результат нервного срыва. Но Гитлер вскоре подыскал Еве квартиру попросторней на окраине Мюнхена, а затем и виллу, о которой она так мечтала.

Примерно в то время Ева познакомила Гитлера с доктором Тео Морелем — специалистом по венерическим заболеваниям. Он стал личным врачом Гитлера и занимал этот пост до безвременной кончины пациента в 1945 году. В том, что Морель лечил Гитлера от венерической болезни, он не признавался, однако, судя по его словам, ему поручили избавить фюрера от экземы на ноге. Напрашивается предположение, что «экзема» — это типичные сифилитические язвы. Названные Морелем лекарства часто прописывались больным в последней стадии сифилиса.

Однажды Ева попросила Мореля дать Гитлеру что-нибудь для повышения потенции. Морель сделал ему инъекцию орхикрина, который представлял собой вытяжки из бычьих яичек. Толку, похоже, было мало, и Гитлер этой процедуре больше не подвергался.

В войну Ева поселилась в Бергхофе — на вилле Гитлера под Берхтесгаденом. Там она играла роль идеальной женушки любимого Адольфа, а он время от времени приезжал отдохнуть от войны. Но даже в Бергхофе она оставалась узницей. «Он необычайно, нечеловечески ревнив», — записала она в дневнике.

Он любил разглядывать ее обнаженное тело и просил, чтобы она плавала и загорала нагишом. То и дело он намекал, что слишком жарко «и надеялся, что она перед ним оголится». Когда располагал временем, сам ее раздевал. Причем его неловкие пальцы едва не доводили ее до безумия. Еще он любил фотографировать ее обнаженной. Часто делал увеличенные снимки ягодиц. Старался фотографировать снизу, в неприличных ракурсах, объясняя, что ее не должны узнать, если снимки попадут в чужие руки.

О том, как она занимается с Гитлером любовью, Ева рассказывала командиру его спецвойск Отто Скорцени. Фюрер «не затруднялся снять сапоги, и мы иногда даже не доходили до постели. Укладывались прямо на полу. И на полу он вел себя очень эротично».

Вагинальным сексом они занимались редко. Судя по медицинской карте Евы Браун, у нее была слишком узкая вагина, едва ли годившаяся для нормальных половых сношений. Но она очень хотела детей и пошла на болезненную хирургическую операцию. Для нее это закончилось благополучно, а вот гинеколог вскоре таинственно погиб в автокатастрофе.

Но и после операции ее половая жизнь не вошла в нормальное русло. «Я ему нужна только в определенных целях, — снова призналась она дневнику. — Идиотизм!»

В феврале 1945 года стало ясно, что война проиграна, и Гитлер приказал Еве оставаться в Бергхофе. Но вынести разлуку со своим Адольфом она оказалась не в состоянии. В апреле она нарушила приказ, настояв, чтобы охранники отвезли ее в берлинский бункер Гитлера на его служебном автомобиле. В пути она чуть не погибла под артобстрелом англичан. Увидев ее целой и невредимой, Гитлер так обрадовался, что даже не стал устраивать скандал.

В последнем акте трагедии Геринг ультимативно потребовал, чтобы ему передали бразды правления Рейхом. «Измена!» — возопил Гитлер и обрушился с бранью на Геринга, заявив при этом, что во второй мировой войне пулевое ранение в пах сделало того

импотентом. Вот почему он такой толстый. А у дочери Геринга заметное сходство с Муссолини. Дуче гостил у Герингов, и фрау Эмма Геринг очень к нему привязалась. Услышав, что Гиммлер переметнулся к Герингу, Гитлер разразился леденящей кровью тирадой. Он трясся всем телом, его лицевые мышцы свела судорога. Начался прогрессивный паралич, — один из симптомов третьей стадии сифилиса.

И все же кое-кто (в основном, женщины) оставался верен Гитлеру. Среди них была летчица-испытатель Ханна Райч. Благодаря ей ракета «Фау-1» вошла в серийный выпуск. Ханна управляла самодвижущейся бомбой из кабины, прикрепленной к корпусу, и доказала, что ракета превосходно держится в воздухе. Героиня отправилась в последний полет, чтобы быть рядом с Гитлером в его роковой час. Она посадила самолет под огнем русской артиллерии на улице, что вела прямо к Бранденбургским воротам. Существует версия, будто она собиралась затащить Гитлера в самолет и увезти в Аргентину, но отказалась от этой затеи, обнаружив рядом с ним в бункере Еву Браун. В полночь на 29 апреля 1945 года Гитлер и Ева Браун поженились. Они пошли в спальню Гитлера, а на следующее утро по приказу Гитлера был расстрелян зять Евы Герман Фигеляйн. Он пытался сбежать из бункера с большой суммой денег в швейцарских франках и женщиной, которая говорила по-французски. Напрасно Ева молила фюрера о пощаде.

30 апреля в кабинете Гитлера наступила развязка. Ева и Адольф раскусили ампулы с ядом и выстрелили друг другу в голову. Их тела обнаружил Геббельс. Трупы вынесли из бункера, облили бензином и подожгли. Но сгорели они не полностью, и русским врачам удалось провести аутопсию. Вскрытие показало, что у Гитлера действительно не доставало одного яичка, но нельзя было определить, родился ли он калекой или потерял орган под ножом хирурга. Для третьей, фатальной стадии сифилиса такая операция была вполне рядовой.

Зловещий диктатор ушел из жизни, но это еще не конец истории. В начале семидесятых годов XX века появились слухи, что-де у Гитлера есть дочь и что ее мать — не кто иная, как Тилли Флейшер, метательница копья, завоевавшая на Олимпийских играх 1936 года две золотые медали. После того, как Лени Рифеншталь сняла кадры, в которых восхищенный фюрер обнимал нордическую красавицу, у них вроде бы завязался роман, который продолжался восемь месяцев. Гитлер подарил Тилли белый «мерседес» и виллу на берегу озера близ Берлина, а когда она забеременела, бросил ее, даже глазом не моргнув.

Тилли Флейшер вышла замуж за доктора Фитца Хозера, гитлеровского порученца, и он воспитывал дочь фюрера Гизеллу как свою родную. Гизелла выросла и вышла замуж за еврея — сына французского раввина, погибшего в гитлеровском лагере смерти, а затем приняла иудейскую веру.

Существует еще одна забавная версия, но она выглядит совсем уж маловероятной — будто бы Магда Геббельс, рассказывая о пулевом ранении в пах на фронте во время Первой мировой войны, имела в виду не Геринга, а Гитлера.

Глава 6

Идеи председателя Мао

Хоть судьба и подарила Мао Цзэдуну титул императора, но в душе он остался простым крестьянином. Его мало заботили личная гигиена и своя внешность.

Он ел пряную пищу, отчего у него нехорошо пахло изо рта, и непрерывно курил «555 Стэйт-Экспресс», отчего его зубы потемнели. Он любил во всеуслышание поговорить о проблемах своего кишечника и в жаркий день, не смущаясь, снимал брюки на глазах у гостей. На склоне лет Мао прекратил чистить зубы, и они покрылись зеленой пленкой. Перестал он и мыться, сочтя это занятие пустой тратой времени. По вечерам слуги обтирали его мокрыми полотенцами, а он при этом разбирал государственные бумаги, читал или говорил.

В ту же пору врачи обнаружили, что у него загубела и с трудом оттягивается крайняя

плоть, левое яичко аномально мало, а правое — не опущено, с детства осталось в брюшной полости. Мао было шестьдесят лет, когда он узнал об этом, а до тех пор даже не подозревал, что у большинства мужчин по два яичка.

Он родился в 1893 году в провинции Хунань, в доме крестьянина. Радость секса Мао познал в родной деревеньке Шаошань, его партнершей была двенадцатилетняя девочка. В 1962 году Мао даже устроил встречу со своей первой любовью, к тому времени превратившейся в седую старуху. Она получила две тысячи юаней — за то, что сделала мужчиной вождя китайских коммунистов. «Как она изменилась!» — сказал Мао, когда она ушла.

А что еще можно было ожидать пятьдесят лет спустя?

Из этой истории вовсе не следует, что юный Мао был сексуальным маньяком. Всю свою молодость он посвятил учебе, всегда был погружен в серьезные размышления и подолгу воздерживался от плотских утех, отдавая силы злободневным проблемам большой политики. Отцу Мао внушали тревогу романтические грезы сына, и он решил выбить из него дурь.

В 1908 году он приказал пятнадцатилетнему Мао жениться на крестьянке, которая была на шесть лет старше. Первый и единственный раз в жизни Мао вытерпел целиком традиционный обряд бракосочетания, зато потом отказался жить с женой, хоть она и переехала в дом семьи Мао. В 1910 году она умерла. Позже Мао утверждал, что не дотрагивался до нее.

В молодые годы Мао и его друзья так много времени отдавали политике, что не думали о сексе. В их революционном кружке были женщины, например, Цзай Цян, ставшая впоследствии коммунистическим лидером, но вряд ли Мао успевал крутить с нею любовь. Он был застенчив, а народные традиции — строгие.

Всего себя Мао отдал благородной цели — стать профессиональным революционером. Он перебрался в Пекин и, вероятно, соблюдал целибат до самой встречи со студенткой-отличницей Тао Цзуюн. Любовь угасла, когда у них возникли расхождения в политических взглядах, а затем разошлись и жизненные пути.

Потом он познакомился с другим очаровательным товарищем по политической борьбе — Ян Кай-хуэй. Он писал ей любовные стихи, впрочем, как и остальным своим возлюбленным. Ян — дочь университетского профессора — была светлокожа, с глубоко посаженными глазами. Мао и Ян стали жить вместе, а узаконили свои отношения в 1921 году, когда родился их первый ребенок. Сейчас такая ситуация кажется вполне рядовой, но для Китая тех лет сожителство двух молодых людей без родительского благословения было поистине революционным поступком.

Вскоре молодых разлучила война с Чан Кайши и его гоминдановцами — заклятыми врагами коммунистов. Спасаясь от преследований, в 1927 году Мао уехал от Ян и детей в Шанхай и там стал одним из руководителей революционных сил Китая. Через три года Пекин захватили гоминдановские войска.

Ян арестовали и казнили, так как она отказалась выдать местонахождение своего мужа. Два ее мальчика бежали в Шанхай и там беспризорничали на улицах. Младший сын, Ан-кин, страдал психическим заболеванием из-за побоев, нанесенных ему, по некоторым сведениям, шанхайскими полицейскими. Старший сын, Ан-юн, погиб во время корейской войны при налете американских бомбардировщиков.

В тот день, когда казнили Ян из-за мужа, Мао уже жил с другой профессиональной революционеркой. Хэ Цзы-чжэнь была вдвое моложе него. Ей было восемнадцать лет, ему — тридцать семь. Когда Мао познакомился, по его выражению, «с революционной возлюбленной», он сказал, что она привлекательна и чиста. Речь ее была внятной и взвешенной, глаза — как «два кристалла». Обладая ею, он ощущал «сладость меда». Вскоре после гибели Ян они поженились, хотя, по некоторым документальным свидетельствам, они еще раньше благополучно отпраздновали свадьбу на надежно защищенной советской военной базе.

Когда доходило дело до браков и разводов, Мао проявлял революционное презрение к бумажной волоките.

Вскоре поползли слухи (возможно, распускаемые врагами Мао), что Хэ сексуально не удовлетворена, потому что муж гораздо старше ее и постоянно занят. Мао посвятил стихи Хэ, из которых явствует, что он понимал ее проблему:

«Мне всего лишь восемнадцать, волосы еще не седы,

Я прикована к горе, жду старости.

Приходит вестник к моей двери и говорит:

«Командир Мао занят, он на митинге».

Только подушка — утеха мне в одиночестве.

Мое травяное ложе выстывает к исходу ночи.

А ведь я могла выйти замуж за красивого мужчину.

И часами получать радость».

Хэ была спутницей Мао в «долгом походе», начавшемся в 1934 году. Этот шеститысячемильный поход продлился два года, он начался на территории китайских Советов¹³ и закончился в провинции Шэньси. По пути Мао и Хэ оставили в крестьянском доме двух своих детей, дальнейшая судьба которых неизвестна.

В «долгом походе» Хэ родила еще двоих детей и зачала третьего. Всего у нее было шестеро детей. Мальчик был только один, и, насколько известно, выжила из всех лишь девочка Лин Мин.

Тогда-то, в «долгом походе», у Мао и появилась эта манера — демонстрировать свои специфические туалетные привычки. Он отвергал стульчак, предпочитая уходить в поле с телохранителями и рыть ямку. Мао верил, что деятельность его кишечника вдохновляет солдат.

Аксессуары для дефекации и кишечные дела не утратили своего великого смысла, когда Мао пришел к власти. Многие коммунистические вожди рангом ниже обзавелись унитазами и мягкими матрасами в западном стиле, Мао же в путешествиях всегда сопровождала деревянная лежанка и китайский сортир, позволявший справлять нужду на корточках. Даже находясь в гостях в Москве, он упорно требовал подкладное судно вместо упаднической русской сидячей уборной.

По завершении «долгого похода» коммунисты оборудовали в древних катакомбах провинции Яньань базу, и у Мао начались свидания с другими женщинами. Он завязал отношения с Тин Лин, подругой детства своей второй жены Ян Кай-хуэй. Следующей его любовницей стала элегантная актриса Лили Ву (единственная на всю Яньань женщина с перманентом). Познакомился он с нею на ужине в пещере, где как раз гостила Агнесса Смэдли из «Манчестер Гардиан». Лили играла роль переводчика. То и дело она опускала ладонь на ногу Мао и говорила, что слишком пьяна. Сначала это его слегка удивило, затем он взял Лили за руку и сказал, что тоже слишком пьян. После чего устроил тайное свидание в соседнем зале пещеры. Хэ, прознав об этом, пришла в ярость. Она прилюдно обвинила Лили в попытке увести у нее мужа.

Киноактриса, с которой Мао связался в 1938 году, обладала репутацией более чем пикантной женщины. Коммунистические иерархи были шокированы. Звали эту даму Лан Пин, или Синее Яблоко. Она сменила свое имя на другое — Цзян Цин, что означает Лазурная Река. Однако, памятуя ее прежнюю распушенность, за глаза стали называть Лан Пин Гуо — Гнилое Яблоко.

Цзян Цин родилась в неблагополучной семье. Отец славился буйным нравом, а мать нанималась в служанки и подрабатывала проституцией. До свадьбы в 1930 году с неким Фэем, сыном юньаньского купца, Цзян успела обзавестись длинным хвостом коротких связей. Этот брак продлился считанные месяцы: родня Фэя сочла ее лентяйкой, и последовал

¹³ Подразумевается ряд областей вокруг города Жуйцзина.

развод.

Вскоре Цзян познакомилась с Ю Кайвэем — руководителем местного коммунистического подполья. Они полюбили друг друга и в 1931 году стали жить как муж и жена. В сентябре 1931 года в Манчжурию вторглась японская армия, и подающая надежды актриса Цзян сыграла в нескольких антиимпериалистических пьесах.

Националистическое правительство приняло крутые меры против коммунистов, и Ю Кайвэй попал за решетку, а Цзян связалась со студентом-физкультурником по имени Куай-о. Вскоре она порвала с ним и отправилась под яркие фонари Шанхая, полная решимости добиться актерской славы. Нищая, но честолюбивая, Цзян делала карьеру «на режиссерских кушетках». У нее был роман с Чаном Кени — кинорежиссером и функционером коммунистической партии. Она побывала замужем за актером и кинокритиком Таном На, затем перебралась к директору ведущего театра Цяну Мину, мужчине, кстати, женатому. Тана это до такой степени огорчило, что он пытался покончить с собой с помощью снотворного, чему случайно помешал хозяин гостиницы, где он жил. Это несколько не разжалобило Цзян — она набирала очки, перепархивая из койки в койку.

«Цзян Цин была распутницей, — так высказалась жена видного революционера из Юньани, куда перекочевала Цзян в сопровождении Давида Ю, с которым вскоре рассталась. — Кажется, она была просто не способна жить без мужчин». Из этих же высказываний следует, что в то время Цзян познакомилась с актером по имени Вон, и они устраивали свидания в кабинете ее мужа.

Тогда, в Юньани, Цзян и познакомилась с Мао.

Как только в Юньани объявилась Цзян, вдогонку за ней поползли слухи.

Ее немедленно разыскал Мао и вручил билет в институт марксизма-ленинизма послушать его лекцию. Она сидела в первом ряду и задавала вопросы, чтобы привлечь к себе внимание. Мао сделал ей комплимент и отправился в театр, чтобы увидеть ее на сцене. Он так громко аплодировал, что Хэ Цзы-чжэнь взревновала — последовала ужасная семейная ссора.

Мао видел в Цзян всего лишь очередную смазливую наложницу, она же решила его завоевать. Ради Мао она развелась с Таном На и бросила двух детей. Позже она так объясняла свой поступок: «Секс увлекателен лишь первое время. К чему же интерес никогда не остынет, так это к власти».

Цзян забеременела, и Мао объявил, что он на ней женится, для чего, естественно, придется развестись с Хэ. Однако обтять дельце по-тихому не удалось. Пришлось обращаться за благословением к коммунистической партии. Естественно, партию весьма смущало «колоритное прошлое» Цзян Цин, и Мао не получил разрешения на развод и новую женитьбу.

«Хэ Цзу-чжэнь всегда была тебе верным товарищем», — объяснил свое решение Центральный Комитет Коммунистической партии. — Это надежная и преданная спутница, она хорошо себя показала в бою и труде. Почему ты больше не хочешь жить с такой женщиной?»

«Я высоко ценю и уважаю товарища Хэ, — отвечал Мао. — Но мы должны избавиться от феодального мышления. Это предрассудок, будто из-за развода может пострадать репутация или положение женщины. Без Цзян Цин я не смогу идти дальше революционным путем».

У Хэ в многотрудном «долгом походе» пошатнулась психика, а когда Мао ее отверг, она окончательно сошла с ума. Вследствие этого Мао в конце концов получил «добро» на развод. Многие сочли, что он бессердечно бросил доблестную соратницу, и развод отвратил от него большое число последователей. Расстался Мао и с Лили Ву — ее отправили домой, в Сычуань. А Хэ отвезли в московскую психиатрическую клинику, но вылечить ее не удалось. Остаток своих дней она провела в уютном шанхайском доме на содержании у правительства. В 1961 году Мао получил от Хэ письмо и решил с ней увидеться. Ее доставили к нему на виллу в Лушань. При виде Мао седая старуха явно пришла в восторг, но речь ее была почти

бессвязна. После той встречи председатель погрузился в глубокую депрессию.

Выходя за Мао, Цзян Цин поставила условие, чтобы он устроил ее в партийную школу. Заправлял там Кан Шэн, и Дзян не смутило, что он являлся правой рукой Мао, — все четыре месяца обучения она развлекалась с ним, как могла.

Цзян и Мао поженились в 1939 году. Их не заботили такие пустяки, как свадебный обряд или официальное свидетельство о браке. Достаточно было простого оглашения.

Однако вслед за Цзян тянулись порочащие ее сплетни, и на публике ей приходилось вести себя скромно. Она стала идеальной коммунистической домохозяйкой, но источником ее власти над мужем оставался секс. Каждый встречный слышал от нее, что Мао — превосходный любовник, и его окружение всегда знало, чем он занимался с женой минувшей ночью.

Но Мао не принадлежал к числу тех, чье сердце достается только одной женщине, и они с Цзян Цин постепенно охладевали друг к другу.

В марте 1949 года он отослал Цзян в Москву, а сам отправился на Ароматные холмы с артисткой по имени Ю Шань, сестрой Давида Ю, бывшего мужа Цзян. Давид никогда не видел в Цзян Цин качеств, необходимых, по его мнению, для жены Мао, который являлся, по сути, новым императором Китая. Его сестра была гораздо культурнее, воспитаннее, короче говоря, превосходила Цзян Цин во всех отношениях. Однако Давид Ю просчитался. Мао больше нравились милашки вполне земного склада, и через шесть месяцев он порвал с Ю Шань. А в ноябре из Советского Союза вернулась Цзян Цин и снова воцарилась в доме Мао. Тогда же шестидесятилетний Мао узнал о физической ущербности своих гениталий, а также о том, что у него слишком маленькая и мягкая простата. Обследовавший председателя врач заключил, что Мао бесплоден. От трех жен у него родилось несколько детей, но самому младшему уже исполнилось пятнадцать. Следовательно, лет в сорок пять Мао стал стерилен. Услышав это, Мао осведомился: «Так что же, я теперь евнух?»

По-видимому, новость его искренне обеспокоила. Врачу пришлось объяснить, что при дворах императоров евнухам удаляли яички, а то и целиком гениталии. Должно быть, Мао весьма смутно представлял себе, как функционируют человеческие органы размножения.

К этому времени Мао успел охладеть к Цзян Цин, говорил ей, что ему уже шестьдесят, для секса он слишком стар. Но подчиненные, к примеру Кан Шэн, по-прежнему получали все более высокие партийные чины благодаря тому, что бесперебойно поставляли Мао сексапильных молодых женщин. Кстати, Кан Шэн ведал еще и порнографической библиотекой Мао Цзэдуна. Традиционное эротическое искусство Китая не знает себе равных, и коллекции Мао позавидовал бы любой император. Чтобы пополнить ее, Кан Шэн в годы «культурной революции» ограбил государственный музей.

Любимой темой в беседах Мао всегда оставался секс — будь то его похождения, или половая жизнь других. В 1954 году Мао разгромил Гао Гана, прибравшего к рукам столько власти, что Сталин прозвал его королем Маньчжурии. Обвиненный в «антипартийном заговоре», Гао Ган покончил с собой. Но Мао, похоже, не интересовали политические козни недруга, его занимали только сексуальные подвиги Гао. По слухам, маньчжурский коммунистический бонза переспал более чем с сотней женщин. «В ту ночь, когда он с собой покончил, у него дважды был секс! — восхищался Мао. — Вы можете себе представить такую похоть?»

И Мао постарался переплюнуть Гао Гана. Широко известна его любовь к плаванию. Но прежде чем он прыгал в открытый плавательный бассейн в «Запретном городе», сотни обнаженных девушек нагревали воду своими телами.

Поначалу Мао проявлял осторожность. Е Чжилон, его доверенный секретарь, вербовал женщин в «культурных рабочих труппах», «центральной гарнизонной корпусе» и Управлении государственной безопасности. Критериями отбора служили юность девушек, их необразованность и фанатичная преданность председателю Мао. Девицы ждали в доме Е, пока Цзян Цин не засыпала крепким сном. Потом их тихо вели по городку в столовую, оттуда — в спальню Мао. А утром уводили до пробуждения Цзян Цин. За услуги их щедро

вознаграждали — Мао вполне мог себе это позволить. Цитатник, или «Красная книжка», разошелся миллионными тиражами, сделав Мао Цзэдуна одним из богатейших китайцев. Только от продажи своих «Избранных статей» он получил больше трех миллионов юаней (пятьсот тысяч английских фунтов).

Во время съездов партийной верхушки в Большом Народном Дворце наготове всегда была особая комната. Присутствовавших там аппетитных девиц с безупречной пролетарской родословной отбирали политотделы армии и коммунистической партии. Девушкам говорили, что их задача — танцевать на балах с великим лидером. На самом же деле они становились его наложницами. Многие партийные чиновники почитали за великую честь предоставить ему свою дочь или сестру.

Госпожа Мао очень гордилась своей внешностью и сексуальными навыками, а потому сильно обижалась, узнавая о мужниных интрижках. Чего она только не предпринимала! Дежурила на танцах, где он выбирал себе подружек. Проверяла его медперсонал и прислугу, отбраковывая хорошеньких девиц.

На вопрос личного врача Мао, зачем она это делает, Цзян Цин ответила: «Доктор, вы не знаете председателя. В любви он совершенно безответственен. Его чувства и разум живут отдельно друг от друга, и кругом всегда хватает женщин, которым не терпится стать его добычей».

Врачу было также сказано, что не мешало бы медсестрам обзавестись некоторыми представлениями о морали: «Они должны быть вежливы с председателем, но в контактах с ним — осторожны».

Опасения госпожи Мао были далеко не беспочвенны. Как раз в те дни добычей великого кормчего стала медсестра из obsługi его спецпоезда. В поездке по стране она его обслуживала безупречно, и за это в Шанхае он выставил ее на всеобщее обозрение, взяв с собой в элитный клуб «Цинцзян» — охотничий заповедник партийной верхушки. Шанхайские власти, зная о любви председателя к обществу дам, отправили к нему лучших актрис и певиц города. Но пролетарию Мао все эти дивы показались чересчур утонченными и прагматичными. Шанхайское руководство умело учиться на собственных ошибках — вскоре оно выяснило, что Мао гораздо больше по вкусу юные танцовщицы.

Тем временем в Шанхай прибыла «культурная рабочая труппа» двенадцатой армии. Вокруг Мао роились молоденькие артистки, боролись друг с дружкой за право потанцевать с великим кормчим. Он отплясывал с ними до двух ночи, а потом вернулся вместе с медсестрой в поезд.

Цзян Цин, всегда подозревавшая медсестер, убедилась в своей правоте на банкете в честь шестидесятилетия мужа. Банкет был устроен в Гуанчжоу. В ту ночь госпоже Мао плохо спалось. Она решила проглотить таблетку снотворного и вызвала медсестру, но ответа не получила. Тогда она встала с постели и отправилась на ее поиски. Не обнаружив медсестры на посту, она ринулась в спальню Мао и увидела, что он в постели не один. Последовал скандал, Цзян Цин обвинила Мао еще и в том, что он спал с недавно уволенной служанкой. В благодарность за услуги особого свойства Мао пообещал женщине дать образование ее дочери и вручил три тысячи юаней на поступление девочки в школу. Госпожа Мао бросила ему в лицо обвинение, что он спал и с дочерью. В ответ на эти упреки Мао вернулся в Пекин без жены.

Цзян Цин быстро сообразила, что так и без мужа остаться недолго. В покаянном письме она привела цитату из знаменитой китайской сказки «Обезьяна». В этой сказке по Индии путешествует китайский монах — ищет статую Будды. Рассердившись на свою обезьяну, он оставляет ее в пещере за водопадом. «Мое тело — в пещере за водопадом, — говорит монаху обезьяна, — но мое сердце пойдет за тобой следом». Мао принял извинения, сообразив, что жена дает молчаливое согласие впредь прощать любые измены.

Однажды во время его путешествия по провинции Шэньсу директор новой больницы отправил к нему на вечеринку с танцами четырех энергичных юных медсестер. В том действе участвовал также ансамбль песни и пляски. Вскоре Мао уснул с медсестрой и одной

из танцовщиц. Тайны из этого события он не делал, но ему хватило благоразумия позвонить госпоже Мао и посоветовать, чтобы она к нему не приезжала. Они встретятся потом, когда он уладит дела.

Мао осторожничал все меньше, и жена несколько раз заставляла его *in flagranti delicto*¹⁴. Заставать-то заставляла, но поделаться ничего не могла. Как-то раз лечащий врач председателя Мао увидел ее заплаканную на скамье в парке рядом с загородной резиденцией председателя. Плача, она сказала, что никто, даже Сталин, не в силах победить его в политической борьбе, и ни одна женщина не в силах целиком завоевать его сердце.

Но в конце концов Мао и Цзян Цин пришли к взаимопониманию. Мао пообещал ее не бросать, а за это она будет играть на людях роль его жены и сносить измены. И поскольку госпожу Мао больше интересовала власть, чем секс, она согласилась.

С тех пор Мао уже ничего не пытался скрывать. Он познакомился с юной светлокожей сотрудницей госбезопасности с изящно очерченными бровями и черными глазами. Девушка поведала, что в начальной школе она заступилась за Мао, за что была поколочена. Их любовь расцветала у всех на виду, Мао проводил с нею в Шанхае дни и ночи. Они танцевали порой до двух часов утра, и стареющий председатель унимался не раньше, чем выдыхалась его молодая партнерша. Девушка так гордилась своими отношениями с Мао, что даже пыталась подружиться с Цзян Цин. К тому времени Цзян Цин полностью смирилась с судьбой. Она оказала новой пассии своего мужа теплый и душевный прием.

В шестидесятых годах общественность узнала, что госпожа Мао является тайной пружиной «культурной революции» и угрозой благополучию всеми обожаемого председателя. Они расстались, и теперь, чтобы увидеться с ним, ей приходилось обращаться с письменными просьбами. Во всем Китае прекратились танцы по вечерам, а любимая опера Мао «Император соблазняет служанку» была объявлена откровенно контрреволюционной и запрещена.

«Я становлюсь монахом!» — в отчаянии стонал Мао. Но вскоре он обнаружил, что культурная революция имеет свои плюсы. В стране царил хаос. До резиденции Мао добрались три его подружки и заявили, что их «разоблачили» как империалистов и выбросили на улицу. «Если вы им не нужны, оставайтесь у меня, — сказал на это Мао. — Стало быть, вы — империалисты? Ладно, тогда я — император».

Пока фанатичные «красные охранники» терзали Китай, председатель Мао тешился с этими тремя милашками. Вскоре одна из них забеременела. Мао отправил ее в больницу для высших партийных кадров, и она родила мальчика. Все поздравляли Мао с новым сыном. О стерильности не упоминали ни сам Мао, ни его лечащий врач. Впрочем, стерильность не беспокоила великого кормчего, чего нельзя сказать о мужской силе.

Временами он страдал от импотенции, но был полон решимости заниматься сексом до восьмидесяти лет. Подобно императорам старого Китая, он верил, что мужчина тем дольше живет, чем больше у него сексуальных партнерш. Первый император Китая, основатель династии Хань, считающийся предком всех современных китайцев, в соответствии с легендой, переспал с тысячей девственниц и благодаря этому добился бессмертия. Император Цинь Шихуанди, от которого пошла династия Цинь, отправил за море монаха-даоса и пятсот детей-девственников, им поручалось найти эликсир бессмертия. Миф утверждает, что все японцы — их потомки.

Но, по мнению Мао, из всех императоров лучшим был Сюй Яньдуй — создатель Великого Канала. Он жил в роскоши и праздности, и женщин у него было, что звезд на небе. Когда он плавал по реке, его прогулочное судно тянули на шелковой бечеве юные

¹⁴ На месте преступления (лат.).

красавицы.

Врачи делали Мао уколы вытяжкой из оленьих рогов. Это старинное китайское средство от импотенции не помогло. Три месяца его накачивали румынским снадобьем под названием «эйч-3» — не действовало и оно. Тогда терапевт решил, что проблема скорее в психологии, нежели в физиологии. Он заметил, что мужские силы Мао прибывают и убывают в зависимости от его политического влияния. В годы «большого скачка» председатель был ненасытен. «Он велик, как и все, что он делает, и это прямо-таки опьяняет», — сказала одна из наложниц Мао Цзэдуна его врачу.

Очевидно, с возрастом аппетит Мао только рос, поэтому врач решил давать ему плацебо — микстуру из женьшеня и глюкозы. Мао было сказано, что она действует общеукрепляюще и тонизирующе.

В конце шестидесятых годов, когда Мао добрался до вершины власти, у него не было проблем с молодыми женщинами, хотя ему и перевалило уже за семьдесят. Чем ты старше, тем моложе должны быть твои наложницы, таково было кредо его предшественников — императоров.

У Мао появилась привычка большую часть дня проводить на одной из любимых огромных кроватей. Он жадно читал, отдавая предпочтение эротической литературе. Особенно он любил роман «Сон в красном тереме» — это произведение из классической китайской литературы времен феодализма. В романе молодой человек по имени Чжэй Бэйю влюбляется, но родители запрещают ему жениться. Он отчуждается от общества, его мятеж принимает форму погони за удовольствиями и охоты на молодых женщин. Несомненно, Мао отождествлял себя с Чжэем Бэйю. Даже свою резиденцию в «запретном городе», прозванном «Садом изобилия», он построил по образцу дома Чжэя Бэйю.

Чтобы поддерживать физическую форму, Мао употреблял жирную пищу, полоскал рот чаем и много спал, в основном, с молоденькими селянками. По примеру древних ханьских императоров он пытался одолеть смерть с помощью даосской практики любви. Как правило, новая любовница получала от него экземпляр классического руководства по сексу «Простые девичьи секреты».

Согласно учению даосов, мужчине, чтобы долгие годы оставаться здоровым, нужно сохранять обретающийся в семени «ян». И в то же время ему надо впитывать как можно больше инь из «инь шуй», или женских секретов. Иными словами, нужно почаще заниматься сексом и менять партнерш, но при этом избегать эякуляций.

Мао обожал, чтобы постель с ним делили сразу несколько молоденьких женщин. Часто он укладывался спать с тремя, четырьмя, а то и пятью и просил, чтобы любовницы знакомили его со своими подругами.

И хотя девицы, ложившиеся с ним в постель, не рисковали забеременеть, он им кое-что оставлял на память. При такой активности было невозможно избежать венерической болезни. Одна из подружек Мао подцепила трихомоноз вагиналис. Трихомоноз — это венерическое заболевание в строгом смысле этого слова, им можно заразиться через грязное белье, а известно, что девушки из «культурных рабочих трупп» часто менялись одеждой. Но трихомоноз поражает вагину и вызывает неприятные ощущения. Мужчин этот недуг не берет, но они служат разносчиками. Поэтому, стоило одной из наложниц Мао заболеть трихомонозом, это заболевание стало распространяться, как лесной пожар.

По иронии судьбы, способствовал этому сам Мао Цзэдун. Во время претворения в жизнь теории «большого скачка» Мао решил повысить урожай риса, для чего рисовые поля стали затоплять водой по пояс взрослому человеку, и среди сельских тружениц вспыхнула эпидемия гинекологических инфекционных заболеваний. Казалось бы, чему тут радоваться? Но юные приятельницы великого кормчего Мао, бывшие его фанатичными поклонницами, увидели в этом почетную награду. Мао, хотя и знал, что является переносчиком инфекции, лечиться, естественно, отказался. Еще бы, ведь не ему приходилось терпеть!

«А вдруг заболеет Цзян Цин?» — спросил врач. «Это исключено», — ответил Мао.

Врач настаивал, чтобы Мао по крайней мере мылся. Но он, разумеется, по-прежнему

обходил ванну стороной. По вечерам его обтирали влажными полотенцами, но гениталии не трогали. Его приближенные были осведомлены о проблеме и бдительно следили за своими полотенцами и постельным бельем. В пекинской резиденции белье Мао подвергалось стерилизации, но в поездках слуги ни за что не соглашались на эти немудреные меры предосторожности. Продезинфицировать белье великого кормчего, значит, нанести ему оскорбление — считали они.

В 1967 году Мао приобрел генитальный герпес. Его предупредили, что это очень заразное заболевание и передается при сексуальных контактах, но ничто не могло устроить вожда китайского народа. Заметного снижения числа его партнерш не наблюдалось.

Культурная революция объявила балльные танцы буржуазными и упадочническими, однако в стенах «запретного города» танцы устраивались раз в неделю. Мао окружали молоденькие девушки из «культурной рабочей труппы центрального гарнизонного корпуса», каждая заигрывала и умоляла с ней потанцевать. И все красотишки по очереди кружились с ним в вальсе, фокстроте или танго.

Мао распорядился, чтобы в балльный зал перенесли одну из его кроватей. В ходе вечеринки он по несколько раз укладывался «отдохнуть» и часто брал с собою девушку.

Об одной из таких оргий поведал Пэн Дэхуай, член Политбюро Китайской компартии. Он подверг председателя Мао критике, обвинил в императорских замашках, заявил, что у него гарем в три тысячи наложниц. «Культурную рабочую труппу» распустили, но Мао находил добровольных сексуальных партнерш в других агитбригадах, военно-воздушных силах, комитете госбезопасности, особой дивизии железнодорожных войск, Пекинском военном округе, во втором артиллерийском корпусе, в провинциях Хубэй и Чжэцзян. Пэн Дэхуай был репрессирован и умер в тюрьме в 1974 году.

Балы продолжались. Мао на виду у такого количества своих юных обожательниц не хотел подкачать. Теперь все было гораздо проще, чем раньше, когда подчиненным приходилось добывать для него женщин. Дамы более зрелых лет, а также лучше образованные, часто не поддавались на его ухаживания, а некоторые медицинские работницы боялись, что от сексуальных связей с Мао пострадает профессиональная этика. Но молоденькие девушки, приходившие на балы, не разделяли подобных предрассудков. Они были из крестьянских семей. Все, что имели их родители, дала им коммунистическая партия, а председатель Мао считался спасителем нации.

В послереволюционном Китае культ личности Мао вырос до таких небес, что в великом кормчем народ видел живого Бога. Рядовой китаец был готов жизнь отдать за то, чтобы посмотреть, как Мао, возвышаясь над площадью Тяньаньмынь, обращается к огромной толпе. В годы культурной революции Мао раздавал плоды манго. Их не ели — для его приверженцев плоды становились реликвиями, святынями. Капелька чая, заваренного из крошечного кусочка такого плода, действовала, как волшебный эликсир.

Девушке, воспитанной в духе подобного обожания великого кормчего, достаточно было находиться в одной комнате с председателем Мао, чтобы чувствовать себя на седьмом небе от счастья. А уж сподобиться приглашения в его спальню и доставить ему удовольствие — считалось верхом блаженства.

Мао окружил себя хорошенькими девицами. Они ухаживали за ним, устраивали его дела, проводили ночи в его постели. Его доверенным секретарем была девушка по имени Чжан Юфэнь. Мао познакомился с ней на балу. Ей было тогда восемнадцать лет. Большие круглые глаза и светлая кожа делали ее очень милой. Вскоре у них начался шумный роман. Чтобы Чжан Юфэнь всегда была под рукой, Мао назначил ее проводницей на своем личном поезде, а потом — секретарем. Она оставалась с ним до конца, но ему всегда было мало одной женщины. Даже на смертном одре Мао опекали две молодые танцовщицы.

В 1976 году великий кормчий скончался, и госпожа Мао вышла на авансцену. Вместе с другими членами «банды четырех» она попыталась захватить власть. Но все подробности ее прошлого стали достоянием гласности, и это отвратило от нее сторонников. В 1977 году ее арестовали и исключили из коммунистической партии Китая. Цзян Цин обвинили в

разжигании антипартийных страстей в годы «культурной революции», но она отказалась признать свою вину и воспользовалась судебным процессом 1980–1981 годов для критики правительства. В 1981 году ее приговорили к смерти с отсрочкой казни на два года — на случай, если она все же раскается. В 1983 году смертную казнь заменили пожизненным заключением. В 1991 году Цзян Цин не стало.

Официальная причина смерти — самоубийство.

Глава 7

Полуостров наслаждений

Ким Ир Сен, которого народ Северной Кореи называл своим «любимым вождем» со времени прихода коммунистов к власти в 1945 году до своей смерти в 1995 году, слыл записным ловеласом и долго жил в изгнании в Маньчжурии. Его первую жену звали Ким Чжон Су. С 1935 года она жила в китайском городе Цзяньдэ, ее родители были крестьянами. В шестнадцать лет она попала в отряд красных китайских партизан, им командовал Ким Ир Сен. В бой ее не посылали, она стряпала и обшивала бойцов, а заодно исполняла обязанности телохранителя. В 1942 году она родила Ким Ир Сэну сына и наследника Ким Чен Ира. Случилось это в Сибири, в военном городке.

Пока Ким Ир Сен правил «коммунистическим раем» в Северной Корее, он наслаждался интимными отношениями с бесчисленным сонмом женщин, включая киноактрис, танцовщиц, профессиональных манекенщиц, своих личных секретарей, смазливых медсестер и кисен (корейского аналога гейши). Обладая абсолютной властью в этой замкнутой, скрытной стране, он не утруждал себя даже обольщением девиц. Достаточно было указать прихвостням на ту, которая ему приглянулась, и они ее тут же похищали. Если спросить у жителя Северной Кореи, сколько у Ким Ир Сэна было детей, он ответит: «Мы все его дети».

Ким Чжон Су безропотно мирилась с проказами мужа. Он же этого не ценил и обращался с ней дурно. Она умерла в 1949 году в возрасте тридцати двух лет — по слухам, не то застрелилась, не то отравилась. Если верить корейским властям, ее свел в могилу сердечный приступ.

Вскоре после ее кончины Ким Ир Сен женился на Ким Сон Э — красотке на двадцать лет моложе его.

Яблоко от яблони недалеко падает, и в данном случае это еще мягко сказано. Ким Чен Ира растили специально для того, чтобы он после смерти отца занял его пост — в коммунистической среде это была пока первая династия. Но еще раньше он унаследовал от отца увлечение представительницами слабого пола. Руководя Главным управлением госбезопасности, Ким Чен Ир женился на Хон Ир Чен, дочери революционера. Хон изучала литературу в университете Ким Ир Сэна, у них родилась дочь.

Но Ким Чен Ир не хранил ей верности и частенько поколачивал супругу. В 1973 году они развелись. Тогда же Ким Ир Сен объявил Ким Чен Ира своим наследником. Он ввел сына в состав Политбюро Компартии Кореи и назначил министром пропаганды и искусства. В том же году Ким Чен Ир женился на машинистке. Она подарила ему сына и двух дочерей. И до сих пор они состоят в браке, но это далеко не единственная его женщина в настоящее время.

В начале семидесятых годов Ким Чен Ир состоял в любовной связи с девятнадцатилетней актрисой по имени Сун Хай Рим. Она была замужем за Ли Пхенем — братом одного из школьных друзей Ким Чен Ира. Когда Сун Хай Рим забеременела, вмешалась партия, и Ли Пхеня заставили с ней развестись. Затем Сун Хай Рим и ее внебрачный сын Ким Юн Нам уехали в Москву, но это не значило, что Ким Чен Ир с нею порвал. У него было еще по крайней мере семь незаконнорожденных детей от семи женщин.

В конце же семидесятых годов его любовница, певица из ансамбля «Пхеньян», утопилась в реке Дэдон. Покончили с собой еще несколько брошенных им женщин. У него была также связь с Сой Нуи Рим — сестрой посла Северной Кореи в России. У них родились

две дочери, но, когда в 1991 году Сун Хай Рим сошла с ума, он с нею порвал. Она уехала в Москву, и там за ней ухаживал отец.

Героиню другого длинного романа звали Ли Сан Чжин, она училась с ним в одной группе в университете Ким Ир Сена. Согласно дипломатическим источникам, она была замужем за сотрудником министерства внешних сношений.

Помощник Ким Чен Ира, знавший вкусы шефа, представил ему известную корейскую киноактрису Хон Юн Ху. Согласившись стать его любовницей, она получила главную роль в революционной опере «Цветочница» и звание народной артистки — высшую награду в области искусства. Кроме того, на многих государственных приемах она играла роль распорядительницы и в конце концов вышла замуж за человека, выбранного для нее лично Ким Чен Иром.

В 1990 году он соблазнил девятнадцатилетнюю дочь директора севернокорейской ассоциации дзюдо. Она играла в ансамбле «Мансудэ» и родила Ким Чен Иру еще одну дочь. А в мае 1991 года очередная актриса — двадцатилетняя Чун Хай Сун — сыграла главную роль в телесериале «Жаворонок». Сериал показывало пхеньянское телевидение; всем бросилось в глаза ее несомненное сходство с матерью Ким Чен Ира — Ким Чжон Су. Ким Чен Ир поселил ее в роскошной вилле под горой Дэсун, в фешенебельном пригороде Пхеньяна, и она теперь разъезжает на дареном «мерседес-бенце».

Но Ким Чен Ир не всегда был таким добрым. Одну из его любовниц, хорошенькую юную актрису Ву Ин Ху, расстреляли на глазах у пятитысячной толпы. Ее обвинили в том, что она, вопреки запрету Ким Чен Ира, связалась с другим мужчиной.

Особое внимание Ким Чен Ир уделял внешним сношениям. В 1991 году он пригласил в Северную Корею много русских певиц и женские ансамбли. За огромные гонорары в иностранной валюте они выступали на его вилле. Есть сведения, что в групповом сексе с ним и его помощниками участвовала русская девушка и ее вокальный ансамбль, нанятые развлекать Ким Чен Ира в день восьмидесятилетия Ким Ир Сена. Большие деньги за посещение Ким Чен Ира предлагали и скандинавским красоткам.

Но главное достижение Ким Ир Сена и Ким Чен Ира в том, что они всю корейскую коммунистическую партию превратили в огромный насос. По всей стране вербовали женщин для всевозможных «ансамблей песни и пляски», для групп «радости» и «удовлетворения». Селили их на уединенных виллах, а в обязанности вменяли только исполнение пожеланий Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Каждая из этих разнообразных групп имела свое предназначение. Как следует из названия, участницы «ансамблей песни и пляски» пели, играли на музыкальных инструментах и танцевали перед Кимами. Члены групп «радости» снимали усталость разного рода массажами, а члены групп «удовлетворения» предоставляли сексуальные услуги. В этих группах спецконтингента всегда насчитывалось до двух тысяч молодых женщин, они жили на разбросанных по стране виллах и в спецгостиницах.

Отбором ведало Главное управление госбезопасности. Сформированные территориальными парторганизациями спецкомиссии вербовали миловидных молодых женщин ростом пять футов три дюйма, с «идеологически и социально чистой анкетой». Избраннице ничего не оставалось делать, как на все соглашаться, ей запрещалось жаловаться родителям, даже если те и занимали высокие посты в компартии. Кроме того, кандидаток ежегодно отбирали в студенческих городках и провинциальных гуманитарных институтах. В 1980 году так попала в группу «спецобслуживания» восемнадцатилетняя девушка, изучавшая музыку в педагогическом институте. Прежде чем зачислить в «ансамбль песни и пляски», ее отправили в Пхеньянский университет музыки и хореографии учиться игре на скрипке. Другую девушку прямо на улице, по дороге с работы домой, остановил партийный функционер и занес в список. В 1989 году Национальный спортивный комитет получил указание предоставить десять юных гимнасток для зачисления в контингент спецобслуживания.

Позже в Гонконге, на Макао и Среднем Востоке вербовали иностранок. Некоторым

платили, других попросту похищали. Их запирали на виллах, и вскоре они прощались с надеждой вернуться домой.

Территориальные парторганизации ежегодно поставляли кандидаток, а центральный штаб компартии отбирал самых многообещающих и отправлял в клинику имени Нам Сона, где те проходили тщательное физическое и психологическое обследование.

Появлению групп «радости» способствовала и такая организация, как «Красный крест», в ее пхеньянской больнице были организованы специальные годовичные курсы массажистов. Туда записались тридцать молодых женщин. Позднее члены групп «радости» учились в Советском Союзе, а потом их распределяли по резиденциям Кимов.

Члены группы «удовлетворения» и «ансамбли песни и пляски» проходили шестимесячное обучение, а затем по субботам давали представления на приемах у Ким Чен Ира. Приемы разнились по географическим признакам — «Токийская ночь», «Парижская ночь», «Персидская», «Индийская»... — и спецслужбе полагалось вести себя так, словно она была набрана в местах, соответствующих этим географическим названиям.

Женщина, проведя шесть месяцев в группе «удовлетворения», получала звание младшего лейтенанта госбезопасности и на две недели отправлялась за границу. Члены спецгрупп жили в роскошных квартирах и питались лучшими продуктами из Японии. Побывавшим в сексуальном контакте с Ким Ир Сеном или Ким Чен Иром дарили швейцарские часы с выгравированным на корпусе именем партнера. Особые фаворитки получали машины, и с этими счастливицами, по сведениям, обращались лучше, чем с министрами. Женщина служила, пока ей не исполнялось двадцать пять лет, а потом ей разрешали вступать в брак с офицером госбезопасности или человеком, имеющим государственные награды. Разумеется, ей наказывали помалкивать о своем прошлом, но все было шито белыми нитками. Давая женщинам короткие отпуска, Ким Чен Ир предупреждал о них территориальные исполкомы, и на местах его гетер ожидал царский прием.

На склоне лет Ким Ир Сен ужесточил систему отбора. Партия получила указание поставлять ему молодых девственниц. Их вынуждали сдавать кровь, и ее переливали Ким Ир Селу, надеясь продлить ему жизнь.

Глава 8 Кубинский Казанова

Куба считается злчным местом. Секс — это национальный спорт кубинцев, даже бейсбол отстывает перед ним. Занятия сексом представляют собой единственную лазейку, позволяющую сбежать от тягот социалистического быта. Повсеместно распространена беспорядочность, неразборчивость в половых связях. Люди так часто меняют партнеров, что очень немногие связывают себя браком. В 1989 году 61,9 процента детей считались внебрачными, на острове было сделано сто шестьдесят тысяч аборт, треть из них — несовершеннолетним девушкам.

В любом уголке страны можно обнаружить так называемые посадас — гостиницы для любовников. За пять песо, что соответствует пятидесяти американским центам, можно на три часа получить возможность уединения и относительного комфорта. Когда время истечет, в номере зазвонит телефон, по которому скажут: «Turno»¹⁵.

Махровым цветом цветет и ни от кого не таится проституция, в основном, непрофессиональная. Женщины готовы лечь в постель за бутылку шампанского или новые джинсы. Часто можно увидеть бизнесмена лет шестидесяти в обществе красивой темнокожей девицы, годящейся ему во внучки.

И над всем этим сексуальным Мальмстремом гордо возвышается бородач в армейском хаки — этакий последний из аскетов. И уж конечно, ни одна женщина не стоит рядом с ним

¹⁵ Исканж. «turn off» (англ.) — «заканчивайте».

под юпитерами во время кино- и телерепортажей. За все годы его правления лишь одна или две дамы претендовали на звание «первой леди Республики Куба», да и то неудачно.

Фидель Кастро — внебрачный сын Анжела Кастро, оборотистого сахарного плантатора, и пятнадцатилетней судомойки Лины Рус. На родине, в Галисии, у Анжела была супруга, поэтому он не мог жениться на матери Фиделя. Впрочем, испанские эмигранты довольно часто обзаводились на Кубе «второй семьей».

Фидель не был крещен, но его воспитали священники и внушили ему страх перед сексом, мастурбацией и гомосексуализмом. До поступления в университет, где он изучал право, у него не было подружек. Студентом он встречался с двумя сестрицами, а затем друг и однокурсник Рафаель Димас Баларт познакомил его со своей сестрой Миртой. Она изучала философию.

Встретились молодые люди в кафе. Это была любовь с первого взгляда.

Кастро по-прежнему очень стеснялся женщин и ненавидел танцы, но ради свиданий с Миртой он даже уходил с политических митингов. Куда бы они ни отправились, за ними следовала дуэль. У Мирты были зеленые глаза и русые волосы. Семья Мирты была одна из богатейших на Кубе, избранница Фиделя состояла в родстве с влиятельнейшими людьми.

Родители слегка встревожились, узнав, что в зятя к ним метит субъект, снискавший репутацию гангстера. Он возглавил студенческое движение протеста против роста цен за проезд в общественном транспорте, в результате чего сгорело несколько автобусов, а его обвинили в двойном убийстве. Но Фидель с Миртой так полюбили друг друга, что в 1948 году обвенчались.

Анжел, восхищенный удачной женитьбой своего сына, оплатил молодым долгий медовый месяц в Америке. Кастро даже подумывал, не остаться ли в Штатах, чтобы доучиться в Колумбийском университете, но политическая ситуация, сложившаяся на Кубе, потребовала его возвращения.

На родине ему жилось трудно, к тому же вскоре в семье появился новый рот — сын по имени Фиделито. Мирту огорчало упорное нежелание мужа работать.

Все свое время он отдавал политике, даже спал с женщиной, изуродованной оспой, потому что она контролировала ключевые партийные голоса. Когда же она выполнила свою роль, Кастро ее бросил. А Мирта осталась с ним даже и тогда, когда его арестовали за участие в революционном мятеже, сделала все от нее зависящее, чтобы спасти ему жизнь.

Между тем у него была в то время другая женщина — Натали Ревуэлта, или кратко Нати, яркая зеленоглазая блондинка. Она училась вместе с ним в университете и вращалась в аристократических кругах. За всю свою жизнь она не сделала, кажется, ни одной ошибки. Нати училась в Филадельфии в католической женской школе, работала в американском посольстве и нефтяной корпорации «Эссо». Она была членом гаванского яхтклуба и загородного клуба для избранных, вышла замуж за выдающегося врача, специалиста в области хирургии сердца, сеньора Орландо Фернандеса. Но ей захотелось острых ощущений. Впервые она увидела Кастро на митинге в университете и сочла его харизматическим и сексуальным.

После неудачного восстания 1953 года Кастро приговорили к пятнадцати годам заключения, но через год выпустили по амнистии. Из тюремной камеры Кастро слал Нати страстные письма. «Любовь — как алмаз, — писал он, — наитвердейший и наичистейший из всех минералов, его не поцарапать ничем. Но он несовершенен, пока его не огранят и не отшлифуют. И тогда все его стороны залучатся несравненным светом. Метафора была бы идеальной, если б ограненный и отшлифованный алмаз обладал способностью расти. Истинная любовь основана не на одном чувстве, а на многих, и они постепенно уравнивают друг друга, и каждое отражает свет остальных».

Пока Кастро изливал Нати душу, Мирта нажимала на все рычаги, чтобы облегчить его участь. А затем Кастро сделал то, чего не сделал бы ни один нормальный зэк. В один и тот же день он написал и Нати, и Мирте.

Ничего удивительного, что письма попали не в те руки.

Мирта, конечно, была огорчена, узнав о любви Кастро к другой женщине, и пришла к нему в тюрьму, чтобы склонить к возвращению в семью.

Но все закончилось разводом, и произошел он по его инициативе, — как сказал Кастро, по политическим соображениям. Родственники Мирты были слишком близки к режиму Батисты, который Кастро пытался свергнуть. Брат Мирты — Рафаэль — бывший друг и одноклассник Фиделя, занимал пост министра внутренних дел и отвечал за общественный порядок, а сама Мирта приняла «бателлу» — должность в правительстве, позволявшую, ничего не делая, получать жалованье. Мирте пришлось на это пойти, чтобы не умереть вместе с сыном от голода, пока Кастро сидел в тюрьме.

Своих отношений с Нати он ни от кого не скрывал, но, когда у них родилась дочь Алина, ей дали второе имя в честь мужа Нати Фернандеса. В пятидесятых годах Куба далеко не так снисходительно, как ныне, смотрела на внебрачные связи.

Проведя некоторое время в Соединенных Штатах Америки, Кастро перебрался в 1956 году в Мексику и там сколотил небольшой вооруженный отряд, готовящийся к свержению Батисты. Но об этом узнали мексиканские власти и арестовали неукротимого Фиделя. В тюрьме его навещала Тереза Касусо — кубинка, прожившая в Мексике больше десяти лет. Она занималась сочинительством. Ее муж погиб, сражаясь за республиканцев во время гражданской войны в Испании. Сорокалетней писательнице понравился Кастро в романтическом образе молодого мятежника. Поначалу ей казалось, что он из тех мужчин, которые нуждаются в женском присмотре.

Будучи уверенной, что он отвечал взаимностью на ее чувства, Тереза совершила ошибку, познакомив его со своей юной гостьей, шестнадцатилетней Изабель Кастудио. Родители Кастудио — известные кубинские актеры — взяли Изабель в турне по Мексике. «Она смахивала на элегантную манекенщицу и оттеняла огромные невинные зеленовато-коричневые глаза по итальянской моде, — рассказывала Тереза. — А в тот день ее волосы были натурального темно-золотого цвета».

Юная красавица вмиг покорила Кастро. Выйдя из тюрьмы, он зачастил в дом Терезы Касусо. Они вели бесконечные беседы о революции. Согласившись поддержать у себя его вещи, она с изумлением увидела, как он прячет в шкафы винтовки. Но Тереза подозревала, что настоящая причина его визитов — Изабель. «Он ее добивался с юношеской экспансивностью и порывистостью, ее это и пугало, и забавляло», — вспоминала Тереза.

Но у Изабель было мало времени для досуга — по утрам она училась в университете, днем работала, а вечерами посещала митинги. Фиделю не часто удавалось застать ее в доме Терезы, тем более, что Изабель к этому вовсе не стремилась.

Вскоре Кастро это понял и однажды появился рано утром, до ее ухода. «Я вышла из дому спозаранку и обнаружила его на крыльце, — вспоминала она. — Мы посмотрели друг на друга и расхохотались, ведь его уловка была такой же наивной, как и моя. Это был очень смешной случай, и Фидель предложил подвезти меня в университет». С тех пор они почти не расставались. Он приучился носить чистые сорочки и отутюженные костюмы и штурмовал ее твердую непреклонность с упорством настоящего герильеро.

«Он со мной обращался, как с принцессой, — рассказывала Изабель, — с чистой, деликатной любовью, как и полагается мужчине. Словно я была кукла или фарфоровая статуэтка. И его крайне занимал мой образ. Очень важно, чтобы он соответствовал его образу, говорил Фидель».

Получив от ее родителей разрешение на брак, он предложил ей руку и сердце. Она согласилась, и день свадьбы был назначен. На деньги, пожертвованные в фонд революции, он засыпал ее дорогими подарками — новыми платьями, обувью, французскими духами и т. п. В числе даров был и скромный купальный костюм — вместо чересчур узкого бикини, раздражавшего Кастро донельзя. Ко всему прочему, он собрался взять ее в безрассудное вторжение на Кубу. Его приверженцы обещали, что однажды Изабель станет «первой леди Кубы».

Но Изабель вожелела не опасностей, а романтической любви. Путешествие по

Мексиканскому заливу на лоханке, битком набитой волосатыми партизанами, плохо вязалось с ее представлениями о медовом месяце. И когда в Мехико-Сити вернулся бывший жених и снова попросил ее руки, она уступила.

На следующий день она уехала с ним, и потом Кастро несколько лет не желал слышать ее имени. Когда Изабель сбежала, он перестал мыться и заботиться о чистоте и опрятности своей одежды. Он больше не ходил в гости, целыми днями сидел во дворе и целился из любимой винтовки в телевизионную антенну.

Кастро написал Мирте, попросил разрешения увидеться с семнадцатилетним Фиделито. Пообещал через две недели вернуть сына под ее опеку, но делать этого вовсе не собирался. В письме мексиканской прессе он признался, что не вернет Фиделито в руки «моих самых заклятых врагов и клеветников», которые «надругались над моей родиной, принесли ее в жертву кровавой тирании». Когда Кастро и его товарищи на хлипкой деревянной яхте «Гранма» пустились в свое историческое плавание, Мирта прибыла в Мехико и забрала Фиделито.

В декабре 1956 года Кастро высадился на Кубе с отрядом в восемьдесят два человека. В первой же атаке они понесли огромные потери. Немногие уцелевшие рассеялись по острову, а Кастро укрылся в Сьерра-Маэстра. Оттуда он послал Нати весточку, предложил перебраться к нему в горы. У нее тоже были шансы стать «первой леди Кубы», но она отказалась под тем предлогом, что не может оставить их ребенка.

И все-таки нашлась женщина, которая не побоялась примкнуть к Фиделю, звали ее Селия Санчес. Ее отцом был врач из Мансанильо, он помогал руководить подпольным движением в восточной части острова. Селия прибыла в Сьерра-Маэстра, чтобы оборудовать базу и контролировать миллионы долларов, собранных партизанами в качестве «революционных налогов». А еще — чтобы спать с Кастро. Их письма были полны нежности, хотя не так страстны, как переписка Кастро с Нати.

Связь, возникшая в горах Сьерра-Маэстра, длилась двадцать лет. После революции Селия заняла в Гаване апартаменты этажом ниже тех, которые облюбовал себе Кастро, но Фиделя чаще, чем прежде, находили вольготно раскинувшимся на ее кровати. Уж если кто и заслуживает звания «первой леди кубинской революции», то это Селия Санчес.

Два года Кастро терпел лишения в горах и непрестанно отбивался от карателей, а затем возглавил решительную атаку на полицейское государство Батисты. Ее успешное завершение Кастро отметил любовной связью с Глорией Гайтан по прозвищу Черная Роза Боготы — дочерью погибшего лидера боливийских революционеров Хорхе Гайтана. Кастро познакомился с ней в Боготе в 1948 году. Их отношения продолжались несколько лет, чему не помешало даже вступление Глории в брак с университетским профессором.

Как-то раз Кастро спросил:

«Что ты делаешь в постели с этим греческим философом?»

«Он очень умный», — ответила она.

«Пусть так. Но, будь Карл Маркс женщиной, я бы все равно на нем не женился», — последовало в ответ.

Когда Кастро возглавил государство, муж Нати был вынужден бежать в Соединенные Штаты Америки. Кастро навещал Нати и дочь (он уже не скрывал свое отцовство) в их особняке или гостил в облюбованном ими приморском городке Варадеро. Благодаря ему Нати получила множество должностей в правительстве и ветеранскую пенсию. Когда же любовь увяла, он отправил мать и дочь в Париж сотрудниками кубинского посольства. Через два года они вернулись. Кастро продолжал видеться с дочерью Алиной, хоть они и не ладили. Она четырежды побывала замужем, и он ни разу не одобрил ее выбор. Алина хотела эмигрировать и сделать карьеру за рубежом, но кубинские чиновники не давали ей разрешения на выезд.

Придя к власти, Кастро усложнил жизнь и Мирте, вышедшей замуж за испанца Эмилио Нунеса. Однажды в Варадеро он обнаружил их в бифштексной и приказал владельцу заведения выдворить обоих. Но тому хватило смелости отказаться. Мирта с мужем

перебрались в Мадрид. Тридцать лет спустя кое-кто из родственников Кастро утверждал, что за всю жизнь Фидель по-настоящему любил только Мирту.

Вскоре после революции Кастро познакомился с немкой Маритой Лоренц, семнадцатилетней брюнеткой с зелеными глазами. Они встретились после того, как судно «Берлин», на котором ее отец был капитаном, прибыло на буксире в гаванскую бухту. Фидель увидел его с борта реставрируемой «Гранмы». Кастро, никогда не упускавший случая расположить к себе иностранца, связался с мостиком «Берлина». Отец Мариты пригласил его на обед. За столом Кастро почти не сводил глаз с красотишки Мариты. Перед обедом она ему показывала судно. Когда они спускались на лифте в машинное отделение, в борт ударила волна, и Марита упала в его объятия. Он не упустил возможности ее поцеловать. За обедом он очаровал ее рассказами о своей отчаянной храбрости в Сьерра-Маэстра. Ее мать вспоминала потом, что он даже воздел руки, как мессия, поднял очи и вскричал: «Я — Куба!»

Кастро предложил Марите остаться в Гаване и поработать у него, но отец возразил, сказав, что ее ждет школа в Нью-Йорке. Фидель взял с нее обещание вернуться. Потом он позвонил ей в Нью-Йорк. Сказал, что скучает. Ее родители ушли в плавание, и она согласилась погостить недельку на Кубе.

На другой день явились трое сотрудников кубинского посольства и доставили ее в Айдлуайлд — аэропорт, который ныне носит имя Джона Кеннеди. В Гаване ее привезли в гостиницу «Хилтон», в номер 2406-8. Через час прибыл Кастро. Он положил сигару в пепельницу, стиснул Мариту, поцеловал и дал клятву, что она с ним останется навсегда. «Насовсем, насовсем...», — юная Марита тяжело вздохнула. Остаток дня они провели вместе, занимались любовью. Потом она жаловалась, что никогда не видела его совершенно нагим, так как, даже снимая всю одежду, он оставался при бороде.

Селия Санчес и личная охрана Кастро быстро привыкли к Марите, но она вскоре почувствовала одиночество, так как не слишком хорошо говорила по-испански. Кастро, вечно занятый государственными делами, надолго оставлял ее одну. Однажды явился к ней в четыре утра с охапкой тропических орхидей. Она заплакала и пригрозила улететь.

«Не улетай, любовь моя, — сказал он. — Сейчас мы поженимся». Он опустился перед ней на колени, перекрестился и спросил:

«О моя Алеманита, Марита Лоренц, согласна ли ты выйти замуж за Фиделя Кастро?» Она ответила: «Фидель Кастро, я буду твоей женой до гробовой доски». Они рассмеялись и обнялись, и Кастро заявил, что на Кубе он — закон, и он — Господь Бог. И они только что сочетались законным браком пред очами Всевышнего. Он сказал, что понимает, как ей одиноко, и что теперь она всегда и всюду будет сопровождать его на правах жены. Через неделю он ей подарил обручальный перстень с алмазом и гравировкой «3/59, de Fidel para Marite, Siempre».

Марита исполняла обязанности его секретаря и переводчика, она сопровождала Кастро, когда он отправился с пятнадцатидневным визитом в Соединенные Штаты Америки, но почти весь этот срок просидела в гостиничном номере, так как с делами Фидель управлялся сам. Марита была уже беременна, и у нее не выдержали нервы. Она приревновала, увидев, как привлекает его харизма симпатичных журналисток, и не только журналисток. Женщины, мечтавшие о встрече с Кастро, засыпали его письмами, записками и телефонными звонками. Одной из них была Ава Гарднер.

Если верить Марите, Ава Гарднер явилась к ним в гостиницу пьяная. Протолкалась в кабину лифта, назвала Мариту «сучкой, которая прячет Фиделя», и дала ей пощечину. Один из телохранителей Кастро, капитан Пупо, вытащил пистолет. В ту ночь Кастро сказал Марите, что он предоставил Аве Гарднер своего помощника с приказом ее удовлетворить во славу кубинской революции.

По возвращении в Гавану беременная Марита занедужила. Каким-то образом к ней попадали наркотики-галлюциногены. В бреду она вообразила, что ее живот вдруг стал плоским. Ребенок исчез, и откуда-то издали донесся детский плач. Началась лихорадка.

Заражение крови причиняло Марите страшные муки, и врачи не могли прекратить маточное кровотечение. Кастро приказал отправить ее в Америку и там обеспечить лучший в мире медицинский уход, и чтобы у нее под рукой всегда был личный врач.

В Нью-Йорке Мариту взяли в оборот агенты ФБР. Сказали, что роды начались преждевременно и ребенок погиб. Ей все время внушали, что младенца убил Кастро.

За сенсацию ухватился журнал «Конфиденшл». Он вышел с кричащим заголовком на первой странице «Ужасающий рассказ американской матери: «Фидель Кастро изнасиловал мою несовершеннолетнюю дочь». Ниже следовало пояснение: «Кастро заманил на Кубу восемнадцатилетнюю Мариту Лоренц, изнасиловал и подверг жестокому аборту».

Легенда обросла мелодраматическими подробностями, вплоть до того, что Кастро, прежде чем сделать свое черное дело, сорвал распятие с шеи обнаженной девы. А тем временем мать Мариты вчинила кубинскому правительству иск на одиннадцать миллионов долларов. Марита же, подлечившись, поняла, что стала невольной соучастницей гнусного пропагандистского демарша с целью дискредитации Кастро, который, назвавшись коммунистом, примкнул к врагам Соединенных Штатов Америки.

Из больницы ее выписали, но ФБР не сняло своего надзора. Дома Марита получила от Кастро телеграмму — он просил позвонить. Она пошла к таксофону, а когда дозвонилась, Кастро сказал, что их ребенок жив. В этот момент подскочил фэбээровец, отнял и повесил трубку.

Через несколько недель пришла новая телеграмма. На этот раз Марите удалось усыпить бдительность телохранителя (слишком легко, как ей потом показалось), и снова добраться до таксофона. В нее стреляли. Журнал «Конфиденшл» утверждал, что Кастро приговорил ее к смерти.

Маритой занялось ЦРУ. Агентам удалось убедить несчастную женщину, что ее жизнь в опасности, и в конце концов ее склонили к отвратительно организованной попытке покушения на Кастро. Цэреушники хотели, чтобы она его отравила. По пути на Кубу она спрятала в баночке с кремом для кожи ядовитые капсулы, и они частично растворились. По прибытии в Гавану она отправилась в «Хилтон», прямиком в номер Кастро, и первым делом принялась искать светлые женские волосы. Но нашла только кипы писем от одиноких женщин, мечтавших с ним познакомиться.

Затем она проверила капсулы, обнаружила, что они испорчены, и попыталась утопить их в биде. Пришел Кастро, они обнялись. Марита просила рассказать о ребенке, но он отказался, сославшись на усталость. Он лег на кровать и спросил, не подослана ли она убить его. Марита ответила утвердительно, он ей дал револьвер из тех, с которыми не расставался в годы революции.

Марита направила на него револьвер и извлекла барабан с патронами сорок пятого калибра. Щелчок заставил Кастро напрячься — он решил, что Марита взвела курок и сейчас выстрелит. Но увернуться или отнять оружие не пытался. «Заржавел, — сказала Марита. — Надо смазать». «Марита, никто не сможет меня убить, — сказал он. — Никто». С этими словами он повернулся на живот и уснул.

Утром он пил кока-колу, не проверив, нет ли в ней яда. В ванной он обнаружил капсулы — они все еще плавали в биде. На сей раз Марита их раздавила и смыла без остатка, а потом на коленях умоляла рассказать о судьбе ее ребенка. «Это мальчик», — ответил Кастро. И добавил, что любит детей, но Марита увидит сына лишь при условии, что согласится жить на Кубе.

Марита знала, что это невозможно. Если она останется, убийца явится и по ее душе. Деньги, полученные от ЦРУ, она оставила в номере Кастро. Когда прилетела во Флориду, ее работодателей охватила неопишуемая ярость. И не только потому, что Марита упустила две возможности разделаться с Кастро — отравить и застрелить. Она еще заплатила ему шесть тысяч долларов из казны Соединенных Штатов Америки.

Но теперь цэреушники поняли, что он уязвим. А значит, у потенциального киллера все-таки есть шансы.

Марита не вернулась на Кубу и не узнала правды о своем ребенке. Но на этом приключения Мариты с диктаторами не закончились. По заданию ЦРУ она стала любовницей генерала Маркоса Переса Хименеса — неудавшегося диктатора Венесуэлы и заклятого врага Кастро. Коротая изгнание в Майами, он со своей уютной виллы звонил Кастро и описывал достоинства Мариты. Но вскоре после того, как Марита родила генералу дочь Монику, Венесуэла добилась выдачи Хименеса, и тот предстал перед судом.

С тех пор, как Кастро расстался с Маритой, его половая жизнь превратилась в бесконечную череду свиданий на одну ночь. Подыскивать себе подруг он поручил своей личной охране. Кастро был далеко не самым тактичным любовником на свете — танцовщица из «Тропиканы» жаловалась, что Фидель, занимаясь с нею сексом, читал одновременно. А французской артистке не понравилось, что он непрерывно курит. А еще одну женщину возмутило, что он никогда не снимает сапог. «Вы не представляете, какой это жестокий, эгоистичный монстр, — делилась впечатлениями кубинская актриса. — Он просто спускает штаны, а потом хлоп — и готово». Однако больше всего жалоб бывает на его болтливость. Он без передыху разглагольствует на романтические темы, такие, как будущее революции или сельскохозяйственная реформа.

О проделках вождя знает вся Куба. Те, с кем он переспал, на дни рождения получают цветы или ценные подарки — блюдо с паэльей¹⁶ или омара. Их распределением ведает хладнокровная Селия Санчес — эта неразлучная спутница Кастро.

Лишь одна из женщин, не упомянутых выше, могла похвастаться продолжительной любовной связью с Фиделем. Она тоже была зеленоглазой брюнеткой и аристократкой, звали ее Далия Сото Дель Валле Хорхе. Ее называли *la mujer de Trinidad* — женщиной из города Тринидад. Ее отец Энрике владел большой сигарной фабрикой и занимал должность секретаря в профсоюзе рабочих сахарной промышленности. На собрании этого профсоюза Кастро и познакомился с девушкой в 1962 или 1963 году. О том, что так случится, Далия заранее узнала от гадалки. «Тебя ждет любовь великого человека» — обещала та. Когда у них с Кастро завязались отношения, родственники сочли Далию пленницей Кастро, а отец сказал друзьям, что он «лишился дочери». Но любовь оказалась долговечной, и Далия родила Кастро пятерых сыновей. Все они получили его второе имя Алехандро и отправились учиться в Советский Союз вместе с его законным сыном Фиделито.

Глава 9

К югу от границы

Латинскую Америку судьба оделила диктаторами более чем щедро. Одним из самых неприятных типов был парагваец Франсиско Солано Лопес. Создание и упрочение либерального строя в родном государстве не привлекало его ни в малейшей степени, напротив, он едва не погубил страну, развязав войну одновременно с тремя могучими соседями: Бразилией, Аргентиной и Уругваем.

Франсиско Лопес родился в 1827 году. Он был сыном парагвайского диктатора Карлоса Антонио Лопеса. Чарльз Эймс Уошберн, советник американского посольства в Парагвае, так описал Франсиско: «Он невысок и плотен, с детства склонен к ожирению. Одевается гротескно, но все его костюмы очень дороги и прихотливо отделаны. Когда он доволен, у него мягкий взгляд, но если злится, зрачки до такой степени расширяются, что он похож уже не на человеческое существо, а на обезумевшего дикого зверя. Он вообще смахивает на крупное животное и выглядит отталкивающе, даже когда спокоен. У него маленькая голова с узким лбом и мощными челюстями. Очень сильно испорчены зубы, недостает многих резцов, отчего затруднена артикуляция и неразборчива речь. Очевидно, он не пытается содержать зубы в чистоте — уцелевшие очень плохи, темны, почти как сигара, которую он

¹⁶ Блюдо испанской кухни — рис с овощами, морепродуктами, мясом и шафраном.

не выпускает изо рта. Лицо очень плоское, а форма носа и курчавые волосы выдают преобладание негритянской крови над индейской. Жирные щеки свисают с челюстей, уподобляя физиономию бульдожьей морде».

Это омерзительное создание наводило страх на солидных граждан Асунсьона и их дочерей. Ему нравились девственницы из аристократических семей, и в случае сопротивления жертвы ее отец по приказу Карлоса Лопеса оказывался в тюрьме. Одну из этих несчастных звали Панча Гармендия — «гордость и алмаз Асунсьона». В Парагвае о ней мечтали все молодые мужчины, но Франсиско Лопес их распугал. И все же она его отвергла, пригрозив покончить с собой, если он ее хоть пальцем тронет.

Увы, Франсиско не мог бросить за решетку отца Панчи, поскольку тот давно ушел в мир иной. Его казнил как врага государства предшественник Карлоса Лопеса — Эль Супremo, первый «вечный пожизненный диктатор Парагвая». Тогда Лопес объявил врагами государства братьев Панчи, и они были казнены. Франсиско с отцовского благословения конфисковал их имущество и арестовал Панчу. Остаток жизни она провела в оковах. Даже через двадцать лет, когда армии тройственного союза вынудили Франсиско Лопеса бежать из Асунсьона, он утащил Панчу за собою в джунгли, и там она вскоре умерла.

Не найдя общего языка с Панчей, Франсиско увлекся Карменситой Кордал. Она собиралась выйти замуж за своего кузена Карлоса Декуда — выходца из очень знатной парагвайской семьи. Юноша задал Франсиско унижительную взбучку. Разумеется, это была ошибка. Карлос Лопес арестовал Декуду по сфабрикованному обвинению в подготовке государственного переворота. Ночью накануне намеченной свадьбы Декуду казнили, а его окровавленный труп бросили на улице перед домом Карменситы. А по другой версии, принесли его прямо в гостиную. Остаток своей жизни Карменсита провела в черном. Она бродила по пустыне, молилась в святилищах и собирала при луне цветы.

Все незамужние девицы из знатных семей принялись хлопотать об иностранных паспортах, а Франсиско повел себя так возмутительно, что Карлос Лопес счел за лучшее поддержать его за рубежом, пока не улягутся страсти. Франсиско отправился в Европу, где отец открыл для него неограниченный банковский счет. Ему было поручено приобрести военно-морской флот — как раз его-то в первую очередь недоставало Парагваю, не имеющему выхода к морю.

По прибытии в Париж молодой Лопес переложил все скучные государственные дела на секретарские плечи и, как выразился американский посол, «расстреножил свою порочную натуру и ринулся в кутерьму многогрешной столицы мирового распутства».

Будучи горячим поклонником Наполеона, Франсиско мечтал предстать перед двором его потомка Наполеона III. Он втиснулся в самый малоразмерный мундир из своего гардероба — решил почему-то, что в тесном наряде его тучность не будет бросаться в глаза. Его представили императору, он облобызал руку императрице. Она тотчас отвернулась и опорожнила содержимое желудка на столик из золоченой бронзы, а затем попросила извинения, сославшись на беременность.

После этого Франсиско Лопес почтил своим пребыванием Лондон, где королева Виктория вдруг обнаружила, что у нее забот полон рот и ей некогда развлекать парагвайского гостя.

Франсиско вернулся в Париж и повстречал молодую женщину, у которой его отталкивающая внешность не вызывала содроганий. По словам очевидцев, там, где другие видели только гнилые зубы, она разглядела алмазы. Звали ее Элиза Линч. Она родилась в 1835 году. Говорили, что природа наделила ее избытком воображения, ума и либидо. В пятнадцать лет она вышла замуж, в семнадцать развелась, а к восемнадцати окружила себя толпой любовников. Ее семья бежала во Францию от голода в 1845 году. Ее первого мужа звали Ксавье Куатрефаг, он служил во французской армии и годился Элизе в отцы, но этот брак спасал ее семью от неизбежной нищеты.

Мужа Элизы перевели в Алжир, и там ее изнасиловал его непосредственный начальник. Куатрефаг даже пальцем не пошевелил, чтобы вступить за честь жены, но это

сделал пылкий молодой кавалерист, выходец из России. Он убил полковника, увез Элизу в Париж и там поселил ее в доме на фешенебельном бульваре Сен-Жермен. Но вскоре русский офицер променял ее ласки на опасности Крымской войны.

Судя по портретам того времени, она была необычайно хороша собой. Элиза избрала поприще куртизанки. Вот как ее описал аргентинский журналист Хектор Варела: «Она была высока, обладала гибкой и изящной фигурой с красивыми и соблазнительными изгибами, и кожей алебастрового цвета. Глаза ее были такие синие, что казалось, будто они позаимствовали цвет у самих небес; их глубины, где царило сиянье Купидона, лучились несказанной сладостью. Ее прекрасные губы были несравненно чувственны и увлажнены эфирной росой — не иначе, сам Господь Бог создал эту росу, чтобы гасить ею внутренние огни Элизы; а рот казался чашей восторга на пиршественном столе жгучей страсти. У нее были маленькие кисти с длинными пальцами, ногти идеальной формы и изящно отшлифованы. Очевидно, она была из тех женщин, которые делают культ из своего облика».

Она быстро соображала, легко усваивала языки и вскоре ее окружили бесчисленные поклонники. Известность ее росла. В зените славы Элизы ни один состоятельный мужчина не покидал Парижа, не нанеся визит мадам Линч.

Ей было всего восемнадцать, когда у нее появился любовник из свиты Франсиско — некто Бризуэлло. Он похвастал своей победой перед юным Лопесом, и тот решил увидеть ирландский алмаз собственными глазами. Элизе тоже не терпелось посмотреть на дикаря, о котором весь Париж говорил, что он «сыплет деньгами, как дробью».

Через час по прибытии в салон мадам Линч Франсиско вошел в ее будуар. На другой день он живописал перед нею богатства своей страны. А на третий она оставила записку домовладельцу. Лопес безумно любил Элизу, в этом нет никаких сомнений. Он и до нее знал красавиц, но Элиза первая легла в его постель без сопротивления. И все же Элиза не могла не питать некоторого отвращения к этому созданию.

Но, не имея представления о том, где находится Парагвай, она все же чуяла запах власти и денег. Ей хватило ума понять, что женская красота не вечна, и очень скоро она утратит власть над мужчинами, а значит, нужен человек, под чьим крылышком можно безбедно дожить до конца своих дней. Франсиско клялся, что сделается однажды императором Южной Америки. А почему бы Элизе не стать императрицей?

Презрев скучные формальности бракосочетания, они отправились в свадебное путешествие по Европе. В дорогу Элиза прихватила кофры с нарядами и драгоценностями. Молодые обедали со знаменитой испанской королевой Изабеллой, и та предложила организовать в Парагвае референдум по вопросу, не желает ли народ вернуться под корону Испании. Франсиско обещал подумать — разумеется, это были пустые слова.

В Риме, по свидетельствам очевидцев, Элиза устроила для папы «возмутительно непристойный» званый вечер. Затем, совершив турне на крымский театр военных действий, счастливая чета взяла курс на Парагвай. Бенигно, брат Франсиско, кутивший вместе с ним в Париже, уже вернулся в родное гнездо и «настучал» Карлосу Лопесу, что Франсиско связался с una gamera irlandesa — ирландской проституткой. Прознав о том и убоявшись отцовского гнева, Франсиско с женой задержались в Буэнос-Айресе. Дона Хуана и две сестры Франсиско категорически отказались принять la irlandesa в семью. Но Карлос осознал, что стареет, и что сын и наследник ему нужен под рукой. Он послал Франсиско ласковое письмо, и тот вместе с Элизой, полной мрачных опасений, пустился в тысячемильный вояж вверх по течению реки¹⁷.

Когда они прибыли в Асунсьон, Элиза была уже на сносях. В семье Лопес женщины умели держать слово — они встретили Элизу в штаны. В отместку она дефилировала по Асунсьону в моднейших французских нарядах, выставляя напоказ сногшибательный бюст. Разумеется, по этой части сестры Лопес ничего не могли ей противопоставить.

¹⁷ Подразумевается река Парана.

Вскоре Элиза обнаружила, что она у Франсиско не единственная. Он не порывал со своей давней любовью Хуаной Песо, и двое его детей жили в его городском доме. Кроме Хуаны, у него были еще две наложницы. Элиза взяла дело в свои руки, и с тех пор любовниц для Франсиско выбирала она. Ей это стоило великих душевных мук. Сама она не решалась выйти за Франсиско замуж, догадываясь, что у жены будет гораздо меньше власти над этим субъектом, чем у любовницы, но решила позаботиться, чтобы он ни с кем не пошел под венец.

А Франсиско Лопес по-прежнему предпочитал флирту грубую силу. Когда ему приглянулась дочь Педро Борхеса, бургомистра крошечного провинциального городка, он пообещал конфисковать все имущество семьи, если она не покорится. Однако Педро Борхес имел некоторое влияние на Карлоса Лопеса. Вмешалась Элиза. Но, как только поняла, что дочь Педро вовсе не желает замуж за Франсиско, она убедила бургомистра отдать девушку в наложницы, пообещав щедрое вознаграждение, когда Франсиско придет к власти. Дочь покорила, но Франсиско заподозрил позднее Борхеса в подрывной деятельности и казнил.

Элиза, искусно манипулируя сексуальной жизнью Франсиско, добилась внушительного влияния на него. Памятуя о его обещании, она по-прежнему метила в императрицы Южной Америки. Дабы поскорее исполнилась эта мечта, она решила превратить убогий Асунсьон в столицу метрополии. Она убедила Франсиско начать строительство дорогостоящих зданий, в том числе копии склепа Наполеона — предполагалось, что когда-нибудь там найдет упокоение бранный прах самого Франсиско.

Кроме того, Элизе хотелось упрочить положение своего сына Хуана Франсиско. Отец души в нем не чаял, но Элиза понимала, что в один прекрасный день любовь может остыть. Решение проблемы она увидела в крещении мальчика. Франсиско эта идея понравилась. Он запоздало распорядился отпраздновать рождение ребенка сто одним пушечным выстрелом. От такой пальбы в Асунсьоне рухнуло одиннадцать зданий, в том числе пять только что построенных согласно плану обновления столицы. Давно не чищенная английская полевая пушка взорвалась, убив половину артиллеристов, а вторую половину отправив в госпиталь.

Весь этот тарарам перепугал синьор из семейства Лопес, и Карлос отменил запланированное крещение в асунсьонском Catedral de la Encarnation. Епископ Парагвая, брат Карлоса, пригрозил отлучить от церкви любого священника, который согласится крестить малыша Хуана. Но Элиза была не из тех, кто легко сдается. Она все-таки нашла смелого попа — некоего отца Паласиоса — и пообещала сделать его епископом Парагвая, когда Франсиско унаследует власть. Франсиско ужасно не хотелось идти вопреки отцовской воле, но Элиза его уговорила. В запасе у нее был убийственный аргумент: если Франсиско не согласится крестить сына по католическому обряду, она увезет ребенка в Европу и окрестит в англиканской церкви! Франсиско наивно возразил, что без его позволения ее не выпустят из Парагвая. Элиза же на это ответила, что, если она пойдет к Карлосу Лопесу и выскажет намерение покинуть страну, он с радостью предоставит ей вооруженный эскорт, а то и крупную сумму денег.

Она не оставила Франсиско выбора. Обряд крещения произошел в загородном доме Элизы, и на нем не было никого из асунсьонской знати и дипломатического корпуса. Эти господа по-прежнему больше боялись Карлоса, чем Франсиско. И хотя в том сражении Элиза одержала победу, война между нею и семейством Лопес продолжалась. Элиза лихо утерла недругам нос на открытии «национального театра», тоже воздвигнутого по плану реконструкции столицы. По ее подсказке Франсиско велел соорудить слева от сцены маленькую «королевскую» ложу. Там полагалось сидеть Карлосу Лопесу с женой и дочерьми, а для Франсиско и Элизы предназначалась величественная ложа в центре зрительного зала.

Чтобы асунсьонское общество почаще вспоминало об Элизе, она содержала салон. Местные дамы не переступали его порог, зато их мужья не упускали случая зайти и пофлиртовать с хозяйкой.

По-прежнему Франсиско был полон решимости добиться, чтобы фаворитку приняли не

только его мать и сестры, но и светские дамы. Построив злополучную сельскохозяйственную колонию в бассейне реки Ла-Плата, он организовал туда экскурсию для высокопоставленных парагвайцев и всего дипломатического корпуса. Мужчинам предстояло добираться верхом, а женщинам — на пароходе. Он заявил, что официальной распорядительницей на борту будет мадам Линч. Желающих пропустить столь знаменательное событие не нашлось. Даже дон Хуана с двумя дочерьми чинно поднялись по сходням. Все пассажирки решительно игнорировали официальную распорядительницу.

Пароход отдал швартовы, но вскоре закорился на стрежне, и дамам предложили угощение: молочных поросят, упитанных индеек, новорожденных ягнят, свежие фрукты и овощи, лучшие импортные вина. Дамы плотно облепили стол и не подпускали к еде Элизу. На просьбу уступить местечко, чтобы распорядительница могла исполнять свои обязанности, они лишь сгрудились теснее. Тогда Элиза собрала официантов и распорядилась: «Все выбросить за борт». Дамы умолкли. Официанты колебались, и Элизе пришлось повторить: «Все за борт!» Яства и вина полетели в реку, после чего Элиза села и молча уставилась на своих обидчиц. Они мучились голодом, жаждой и потели десять часов, пока Элиза не разрешила капитану возвращаться к пристани.

Карлос Лопес, очевидно, уже не хотел, чтобы его пост унаследовал Франсиско. Хотя он и был диктатором до мозга костей, но чаще предпочитал улаживать дела миром, и агрессивные притязания сына на земли соседей его пугали. Как только отец скончался, Франсиско созвал Национальный Конгресс, и тот утвердил его на посту президента на ближайшие десять лет. Франсиско Лопес не упустил возможности заявить, что Элиза вот-вот подарит ему сына — уже пятого. Когда отгремели оvationи, он добавил: «Мне бы хотелось довести до всеобщего сведения, что, во исполнение нашего желания и ради нашего блага, с нынешнего дня сеньора Элиза Линч может пользоваться привилегиями, которые обычно достаются жене главы государства». Дамы из семейства Лопес вместе с половиной женского населения Асунсьона упали в обморок.

Спустя месяц после воцарения Франсиско Лопеса тысяча наиболее выдающихся граждан Парагвая оказались кто в ссылке, кто в тюрьме, а кто в бегах. Они провинились лишь тем, что не понравились Франсиско. Затем он решил обуздать церковь. Как и было обещано, отец Паласиос стал епископом Парагвая. Он оказал Франсиско ценные услуги, не только крестив его сына Хуана, но и снабжая полезной информацией, почерпнутой в исповедальне.

«Ирландскую любовницу» всеми шпыняемую прежде, английский посол в Асунсьоне теперь именовал «парагвайской мадам Помпадур». Как и раньше Лопес кочевал из особняка в особняк, принимая там проституток, но он уже открыто жил с Элизой — «первой леди Парагвая».

Асунсьонским дамам пришлось смирить гордыню и приглашать ее в гости. Элиза устраивала пышные балы и подробно инструктировала женщин, что им надевать. Естественно, она их всех затмевала.

Неожиданно Лопес заявил во всеуслышание, что намерен взять в жены красивую и юную бразильскую принцессу Изабеллу — «по причинам сугубо политическим», уверял он. Элиза, конечно, останется его фавориткой.

Как всегда, Элиза сумела извлечь выгоду из тяжелейшей ситуации. Она потребовала равноправия и заставила Лопеса признать их детей законнорожденными — таким образом Хуану Франсиско доставалось неоспоримое право наследования. Когда об этом прознала принцесса Изабелла, она предпочла выйти замуж за француза из королевского семейства.

На первой годовщине вхождения Франсиско Лопеса во власть Элиза устроила огромный цирк — с боем быков, плясками и сценками; происходило все это на ипподроме у самого океана. Рекой текли вино и кана (местный ром), и, по словам очевидца, «толпа активно занималась повышением рождаемости».

К тому времени Франсиско Лопес своих имперских амбиций не растерял. Он пытался влезть в драку Бразилии и Аргентины с Уругваем, но настолько ошибочно оценил ситуацию,

что все три страны объявили Парагваю войну. Лопеса разгромили в пух и прах. Он перешел к обороне, но и тут не снискал славы. Однако это не помешало мадам Линч устроить пышный бал в честь «победы». Всем дамам Асунсьона приказали явиться при драгоценностях, которые Элиза шустро отобрала «на военные нужды». Светских львиц ждало еще одно унижение — Элиза пригласила всех городских проституток, лично отворила им двери и сказала «милости просим». «На столь славном торжестве не грех слиться всем классам», — так объяснила она свой поступок.

Лопес отбыл на фронт, чтобы самолично повести войска к победе, оставив в Асунсьоне Элизу в качестве регента. Первым же указом она потребовала, чтобы женщины Парагвая в трудный для страны час отдали последние драгоценности. Ей также исключительно везло в раскрытии «заговоров» — обвиняемым в антигосударственной деятельности, чтобы снять с себя подозрения, приходилось выгребать у себя из кубышки золото.

Вскоре положение на фронтах сложилось безнадежное, и Лопес остался почти без солдат. Тогда мобилизовали всех лиц мужского пола в возрасте от одиннадцати до шестидесяти лет, в том числе и аристократов. Женщины остались трудиться на полях, а из мужчин в Асунсьоне можно было увидеть только полицейских. В Парагвай вторглись армии тройственного союза. 24 мая 1866 года они добились парагвайскую армию в сражении при Эстеро-Белласо. Парагвайцы были так истощены, что их трупы даже не сгорали. А Лопесу как будто мало было всех напастей — он казнил каждого десятого офицера и солдата из уцелевших за «трусость под огнем».

Лопесу предложили перемирие, но с условием, что он отправится в Европу — в ссылку. Его это не устроило. Напротив, он принялся бросать в тюрьмы, пороть, пытаться и казнить своих — всех, до кого удавалось добраться. Хуже того, перед лицом трех сильных неприятельских армий, объединившихся против него, Лопес взялся третировать иностранных подданных, и Соединенные Штаты Америки, Франция и Италия отправили к ним на выручку канонерки.

Госпожа Линч надеялась удержать людоедский режим на плаву и с этой целью прибегла к своему несравненному шарму. Она уговаривала послов, а Лопеса убеждала, что в бедах, градом сыплющихся на Парагвай, виноват не он, что все это — козни недорезанных заговорщиков.

Очередное фиаско на фронте вынудило Лопеса эвакуировать Асунсьон. Он уже подверг пыткам и казнил двух своих братьев, а сестер держал под замком в крытых воловьих возках. Иногда их выпускали поползать на виду у брата, в очередной раз покаяться и подвергнуться бичеванию. Он даже собственную мать приговорил к порке, хотя ей перевалило за семьдесят.

Госпожа Линч постаралась вывезти как можно больше награбленного, но пианино пришлось бросить. Парагвайская деревушка, где остался любимый инструмент, и поныне носит имя Пьяно.

Лопес отступил в джунгли и заключил договоры с индейцами, но и там на него безжалостно наседали бразильская армия. За несколько часов до последнего боя Лопес обрек на смерть мать и сестру, однако приговор так и не был приведен в исполнение. Прикрываясь живым щитом из своих солдат, Лопес попытался удрать верхом, но конь увяз на топком берегу реки. Диктатора настигли бразильцы. У них был приказ взять его живым, но он схватился за пистолет и не оставил им выбора. «Погибаю за отечество!» — воскликнул он, отправляясь на тот свет.

Госпожа Линч бежала с детьми в карете, но их догнал отряд бразильской конницы. Хуану Франсиско вздумалось сразиться, и он напоролся на пику. Элизе отдали труп Лопеса. Вместе с оставшимися сыновьями она голыми руками вырыла для него и Хуана Франсиско могилу.

Когда до Асунсьона долетели новости о гибели Лопеса, его жителей охватила безумная радость. Они даже устроили праздничный бал, и он не уступал элизиным действиям.

Госпожу Линч вместе с матерью и сестрами Лопеса доставила в Асунсьон бразильская канонерка. По прибытии доне Хуане и двум ее дочерям разрешили уйти домой, а госпожу

Линч оставили на борту под охраной — ради ее же безопасности. Временное правительство обвинило ее в присвоении денег и драгоценностей под предлогом сборов на нужды армии, а также в соучастии в убийстве десятков тысяч парагвайцев на бессмысленной войне.

Бразильцы не приняли петицию, и синьора Линч с четырьмя уцелевшими сыновьями отправились в Буэнос-Айрес, а там их пересадили на борт идущего в Европу корабля. Пока синьора Линч дожидалась в Парагвае решения своей участи, она ухитрилась положить в английский банк четыре тысячи унций золота — их перевезли очарованные красотой Элизы итальянский консул и американский посол.

Столь же любезно обошлись с прелестницей и бразильцы, позволив ей отбыть в изгнание с кучей награбленного добра. Она отослала детей в Англию учиться и затеяла судебную тяжбу, стремясь вернуть остальные сокровища. Когда правительство Парагвая конфисковало ее имущество, она возвратилась в Асунсьон, чтобы действовать через тамошние судебные инстанции. Ее присутствие так возмутило общественность, что правительство велело ей покинуть страну. Она снова поселилась в Париже и в 1886 году умерла. Ее похоронили на кладбище Пер-Лашез, но через семьдесят лет останки эксгумировали и перевезли в Парагвай. Там и покоится ныне прах незабвенной национальной героини.

Глава 10

Не оплакивай меня, Аргентина!

Самый знаменитый аргентинский диктатор XX века — Хуан Доминго Перон. Он родился 8 октября 1895 года в городишке Лобосе, затерянном в пампасах милях в шестидесяти к востоку от Буэнос-Айреса. Его родители, креолы, не состояли в браке. В пятнадцать лет он поступил в военное училище. Юноша, всю жизнь не знавший семейного тепла, первые радости секса познал с проститутками. Позднее он вспоминал: «В ту эпоху, когда мы были мальчишками, у нас не водилось обычая ходить на светские рауты и не возникало мысли войти в дом и заняться любовью с девушкой из приличной семьи».

В 1928 году, в возрасте тридцати трех лет он женился на школьной учительнице Аурелии Тисон. Ему досталась скромница. Она перевела для него несколько английских учебников военного дела, чем и исчерпывается ее вклад в карьеру Перона. И хотя это, по всей видимости, был брак по любви, в более поздние годы Хуан Доминго вспоминал Аурелию редко. Она умерла в 1938 году, не оставив Перону детей.

В 1939 году, за считанные месяцы до начала второй мировой войны Перона назначили военным атташе в Риме, и там он из первых рук получил представление о методах, которыми действовал Муссолини. Перон путешествовал по Венгрии, Австрии, Германии, Испании, Португалии и повидал фашизм в деле. В Испании он полюбил итальянку. Уже когда они расстались, Перон узнал, что она забеременела, но так и не нашел потом ни ее, ни ребенка.

Хуан Перон учился фашизму у европейских наставников, но ему бы вовек не проверить теорию практикой у себя на родине, если б не его вторая жена — доблестная Эвита. Эта актриса средней руки придерживалась крайне правых взглядов, и ее можно смело назвать Рональдом Рейганом Южной Америки.

Эвита, урожденная Марма Эва Дуарте, появилась на свет 7 мая 1919 года в Лос-Тольдосе. Она была четвертым ребенком Хуаниты Ибарурен, любовницы местного землевладельца Хуана Дуарте. В то время любому состоятельному или знатному аргентинцу полагалось иметь содержанку. Жены с этим мирились, лишь бы муж не вводил свою пассию в «высшее общество».

Мужчины арендовали для своих любовниц *garsonnière*, то есть холостяцкие квартирки, и в каждом городишке обязательно были *amoblados* — гостиницы, где можно снять номер на час.

Такая красивая представительница крестьянского сословия, как мать Эвиты, вполне могла рассчитывать на удел содержанки богатого человека. Она прожила с Дуарте

пятнадцать лет — до скоропостижной кончины синьора Хуана. Чтобы дети, в том числе семилетняя Эвита, не умерли с голоду, матери пришлось содержать так называемый пансион; по всей видимости, это был бордель.

Лос-Тольдос — городок бедный, он лежит среди пампасов в ста пятидесяти милях от Буэнос-Айреса. Эвита не могла там иметь особых перспектив. В четырнадцать лет она согласилась спать с певцом и танцором танго Хосе Армани, с условием, что он ее отвезет в Буэнос-Айрес. Позже она заявила, что ее первым любовником был гораздо более известный певец Агустин Магальди. По некоторым источникам, в Буэнос-Айресе она поначалу зарабатывала проституцией, но вряд ли ей приходилось стоять на панели. Достоверно известно, что она была фотомodelью, позировала для порнографических снимков и выбирала богатых и влиятельных мужчин, чтобы с их помощью выбиться в люди.

В пятнадцать лет она стала любовницей Эмилио Картуловики, издателя журнала «Синтония». Так как журнал освещал жизнь и проблемы киноискусства, то связи Эмиля послужили Эвите трамплином для прыжка в высший свет. Эвита была очень высока для латиноамериканки — пять футов, пять дюймов, с карими глазами и осветленными волосами, она мечтала об актерской славе.

Очаровав Рафаэля Фертусо, владельца театра «Лицео», она добилась участия в одной из его постановок. По иронии судьбы в первые гастроли по провинции она отправилась с пьесой «Смертельный поцелуй». Постановку, бичующую сексуальную распущенность, финансировал Аргентинский профилактический союз, полагавший, будто вдохновенная мелодрама способна снизить астрономическую рождаемость внебрачных детей.

Ее первая кинороль, полученная опять же благодаря связям Картуловики, была связана с боксерской тематикой. Эвита снялась в фильме «Секунды на ринге» и ненадолго вступила в любовную связь с исполнителем главной роли Педро Квартеруччи. Потом она появлялась в эпизодах множества других низкопробных аргентинских лент; одновременно с нерегулярным позированием перед фотообъективом этого едва хватало, чтобы держаться на плаву. Она проводила ночи в клубах наподобие «Табариса», «Посольства» или «Гонга», где богатые бизнесмены в один присест тратили больше денег, чем она зарабатывала за год. Эти клубы не предназначались для уединения парочек, так что приходилось договариваться о свиданиях в ближайшем меблированном доме или гостинице для любовников. Девушка могла рассчитывать, что домой она поедет на такси с пятьюдесятью песо в ридикюле, но Эвита, вероятно, предпочитала экономить на транспорте и шла пешком. Даже без сопровождения ей нечего было бояться хулиганов на улицах Буэнос-Айреса. «У нее язык, что осиное жало», — говорили о ней.

Карьера Эвиты пошла на подъем. Вскоре она стала королевой мыльных радиоопер, выступала по «Радио Аргентина» и «Радио Эль Мундо» в постановках «Любовь родилась, когда я встретила тебя», «Любовные обещания» и т. п. Но всенародную известность ей принес сериал «Мое королевство любви», посвященный амурно-исторической тематике. Сценарии писал студент-философ. Эвита играла главных героинь — королеву Елизавету I, леди Гамильтон, императрицу Жозефину, русскую царицу Александру и госпожу Чан Кайши. Дважды ее фотографии появлялись на страницах «Антенны» — еженедельника с программами радиопередач, расхвалившегося по Аргентине рекордными тиражами.

В июне 1943 года случился военный переворот, в котором живейшее участие принял Хуан Перон. К власти пришла группа армейских генералов. Через месяц Эвита потрясла коллег в студии «Радио Бельграно», продемонстрировав свое влияние на умы радиослушателей. Она подошла к телефону и сказала подругам-актрисам: «Эй, девочки, послушайте-ка». И набрала номер: «Алло, это правительство? Дайте-ка мне президента Рамиреса. Алло, синьор президент, это Эва Дуарте... Да. Мне бы хотелось завтра с вами поужинать. Хорошо, в десять. Чао, Педро».

Как только эта новость дошла до ушей владельца «Радио Бельграно», месячный заработок Эвиты вырос со ста пятидесяти песо до пяти тысяч.

То был очень тонкий ход. Эвита крутила любовь с полковником Анибалем Имбертом,

которому в новой администрации достался пост министра связи и контроль над радиостанциями страны. Полковник Имберт переселил свою хорошенькую юную приятельницу из района Бока в комфортабельные апартаменты на калле Посадас — спокойной улице с трехполосным движением у фешенебельной авениды Атьвеар. Подруги-актрисы умирали от зависти и с нетерпением дожидались, когда Имберт по своему обыкновению охладает к очередной любовнице, и она, низвергнувшись с заоблачных высот, шмякнется о грешную землю. Но Эвита обладала железной хваткой и умела карабкаться вверх.

15 января 1944 года землетрясение разрушило испанский колониальный город Сан-Хуан. Погибли тысячи людей, и по Аргентине прокатилась волна сочувствия. Эвита убедила любовника устроить в Луна-Парке — открытом боксерском стадионе в центре Буэнос-Айреса — благотворительный концерт в пользу жертв землетрясения. Ожидалось, что там выступят самые знаменитые артисты Аргентины, и концерт будет транслироваться всеми радиостанциями страны.

Ночью на концерте Эвита заметила Либертад Ламарк — одну из красивейших аргентинских актрис — под ручку с высоким, элегантным офицером. Эвита навела справки и узнала, что это не кто иной, как полковник Хуан Доминго Перон, министр труда и «сильная личность» нового режима. Она пришла к Либертад Ламарк, с которой была шапочно знакома, и попросила, чтобы та представила ее Перону. Когда Либертад позвали к микрофону, Эвита опустилась перед полковником в опустевшее кресло.

Перон был записным донжуаном и предпочитал молоденьких девиц. Ему было сорок восемь лет, а Эвите двадцать четыре года. Соблазнить его оказалось совсем несложно. Вот собственные слова Эвиты: «Я держалась рядом. Возможно, это привлекло ко мне его внимание, и когда у него появилось время меня выслушать, я сказала как можно проникновеннее: «Если, как вы говорите, дело народа — Ваше дело, каких бы жертв это не требовало, то я буду с Вами до самой смерти». Ну какой диктатор устоит перед таким предложением! В ту же ночь они легли в постель вместе.

Вскоре Эвита узнала, что Перон участвует в заговоре, собирается при поддержке многочисленных военных свергнуть гражданское правительство. Он сказал, что намерен создать фашистский строй, не повторив ошибок Муссолини. Эвита была убеждена, что с ее помощью он получит власть.

Через несколько дней Эвита явилась в апартаменты Перона. Он тогда жил с несовершеннолетней любовницей из северной провинции. Полковник дал ей кличку Пиранья. Эвита ее вышвырнула и, зная о пристрастии Перона к малолеткам, убедила его снять апартаменты в доме, где жила она сама.

В Аргентине мужчины редко женятся на любовницах, а министры редко сидят в своих креслах подолгу — этому мешают слишком частые перевороты. Эвита сообразила: чтобы они остались вместе, Перон должен держаться за власть.

Аргентинских диктаторов традиционно приводили к власти гаучо — ковбои пампасов. Но к эпохе Перона они в основном переметнулись с пастбищ в нищие поселения вокруг главных городов. Эвита убедила Перона в том, что он должен заручиться их поддержкой. Для достижения этой цели как нельзя более подходил пост министра труда. Перон добился закона о гарантированной минимальной зарплате и обеспечил труженикам четырехнедельный ежегодный отпуск, оплату больничных листов и защиту от произвольных увольнений. Но особую популярность ему принесла *agonaldo* — премия, которую получал перед Рождеством каждый рабочий. Он создал обширную базу социальной поддержки и основал дескаминадос, полувоенную организацию наподобие чернорубашечников Муссолини.

Эвита не рассталась с профессией актрисы, и теперь она, конечно, получала лучшие роли. В фильме «Цирк «Кавалькада» ее антагонистку играла Либертад Ламарк, не простившая ей Перона. Чтобы посыпать солью раны своей противницы, Эвита убедила Перона каждый вечер увозить ее со студии. Однажды Эвита села в кресло Либертад и

получила пощечину. Этот конфликт окончательно отравил атмосферу на студии, и фильм потерпел провал. Либертад вскоре была вынуждена покинуть страну.

1945 год Перон встречал на постах военного министра и вице-президента. И тут высшие армейские чины, встревоженные пероновской мобилизацией масс, устроили очередной переворот. Когда Перона арестовали, Эвита обратилась за помощью к профсоюзам, и страну охватило мощное движение протеста. На городских площадях собрались тысячи людей, и 17 октября 1945 года Перона отпустили. Вместе с Эвитой его доставили в президентский дворец, где он выступил с балкона перед трехсоттысячной толпой.

Через несколько дней сыграли свадьбу. Антиперонисты распустили слух, будто бы Эвита была так потрясена, услышав из его уст предложение, что едва не свалилась с кровати.

Эвита всячески опровергала подобные сплетни. Она уверяла, что у нее с Пероном чистая любовь, и секс тут ни при чем. Мол, она считает себя не женой Перона, а «аргентинской женщиной и идеалисткой, которая не помнит зла перед лицом угрозы Родине». Когда Перон хочет ее наградить, писала она, он это делает, целуя ее в лоб. Перон воспользовался своим влиянием, чтобы скрыть неприглядные нюансы ее прошлого. По его распоряжению были изъяты и уничтожены порнографические фотоснимки Эвиты.

Этой парочке удалось создать впечатление, будто в их браке нет места сексу, будто всю свою энергию они отдают народу. Безусловно, Эвита была самым главным политическим козырем Перона. Под драгоценностями, мехами и царственными манерами простые люди видели свою в доску женщину. Где-то прозвучало, что ее красота олицетворяет перонистскую женственность. Плакаты перонистов отождествляли ее с девой Марией, однако политические недруги по привычке величали ее шлюшкой. Через несколько лет, путешествуя в правительственном автомобиле с итальянским адмиралом среди охваченных весельем толп, она спросила: «Вы слышите? Они меня величают шлюхой». — «Вполне могу вас понять, — ответил адмирал. — Я уже пятнадцать лет не хожу в море, а меня по-прежнему называют адмиралом».

Хорхе Луис Борхес, аргентинский поэт и главный противник режима, сказал: «Жена Перона была обыкновенной проституткой. Содержала бордель около Хунина. И это должно бы ее раздражать: я имею в виду, быть шлюхой в большом городе — совсем не то же самое, что в городишке среди пампасов, где все всё обо всех знают. Быть там шлюхой — это все равно, что быть парикмахером или хирургом. Должно быть, ее это страшно злило — неприятно, когда тебя все знают, презирают и при этом используют».

Эвита, не удовлетворяясь второй ролью первой леди, сама захотела политической власти. Она попыталась легализовать проституцию и навести порядок в буэнос-айресском квартале красных фонарей, чем подхлестнула кривотолки о своем прошлом. Она добивалась избирательных прав для женщин и женских организаций. Благотворительный фонд Эвы Перон перекачал миллионы государственных песо в социальные программы, но кое-что осело и на ее счету в швейцарском банке.

Сексуальная харизма позволяла Эвите манипулировать уймой мужчин, занимавших ключевые посты в администрации ее мужа. Она политически кастрировала множество видных государственных деятелей, а к некоторым из ее жертв слово «кастрировала» применимо буквально.

Ее оппонентов пытали электрическим током, отчего они утрачивали мужские способности. На ее совести оскотление повстанческих вождей, яички этих несчастных она держала в стеклянном кувшине у себя на столе. Вероятно, это производило неизгладимое впечатление на министров, государственных чиновников и профсоюзных делегатов, приходивших к ней с петициями.

По-видимому, в браке Эвита осталась верна мужу, но было и одно исключение. Во время второй мировой она познакомилась с Аристотелем Онассисом, поставлявшим через Аргентину продовольствие в оккупированную фашистами Грецию. В 1947 году, во время турне Эвиты по Европе, они снова встретились за официальным ланчем и договорились о

приватном свидании на ее вилле на Итальянской Ривьере. Как только Онассис приехал к ней, они занялись любовью. Потом он заявил, что проголодался, она приготовила ему омлет и получила десять тысяч долларов на свою любимую благотворительность. Позже он сказал, что это был самый дорогой омлет в его жизни.

Во время того же турне у посольства в Риме, где она гостила, собрались тысячи людей. Они кричали: «Перон! Перон!» Когда Эвита вышла на балкон и помахала рукой, они ответили фашистским приветствием, чего Италия не видала со времен падения Муссолини. Между коммунистами и фашистами тотчас завязалась потасовка. Целый час полиция очищала улицу от смутьянов, а посольские клумбы были уничтожены во время драки.

В возрасте тридцати трех лет Эвита умерла от рака матки. Ее смерть повергла Аргентину в пучину горя; в память об Эвите снимали фильмы, приобщившие ее к лику святых.

После кончины Эвиты пятидесятишестилетний Хуан Перон вдруг проявил необычный интерес к профсоюзу учащихся средних школ, особенно к его юным членам женского пола. У этого профсоюза была ячейка в каждой школе. Девочек отправляли в роскошные «рекреационные центры», и там они развлекали высоких государственных чинов. Медицинский персонал центров справлялся с нежелательными зачатиями и венерическими болезнями.

У Перона был личный рекреационный центр, где он проводил вечера с несовершеннолетними девицами. Глядел, как они играют в баскетбол или плавают. Одна из них, Нелли Ривас, дочь рабочего конфектной фабрики, стала его любовницей. Ей было всего лишь тринадцать, но Перон заявил, что у него нет предрассудков. Дома Нелли спала на диванчике в изножье родительской кровати. Как-то раз босс оливосского профсоюза учащихся средней школы сказал ей, что у нее есть шанс позавтракать с президентом. За одним завтраком последовали другие.

Потом ей поручили доставить из Оливоса в президентский дворец какие-то бумаги. Она скоротала вечер в беседе с Пероном и осталась ночевать. На другой день она побывала вместе с ним на спортивных состязаниях. Закончились они поздно, и Нелли опять спала у Перона. На третью ночь разразилась гроза, и она не смогла уехать к родителям. Короче говоря, домой она так и не вернулась.

Перон осыпал ее драгоценностями и в цокольном этаже одной из своих вилл оборудовал для нее шикарное любовное гнездышко с зеркальными стенами и белыми медвежьими шкурами на полу. Но отношения их не сводились к одному сексу. Перон преподавал ей азы культуры. Он даже предложил Нелли посетить Европу, но она отказалась — не захотела с ним расставаться. «Одна лишь мысль об отъезде из резиденции вызывала у меня приступы безумия», — написала она позже.

По стране поползли слухи о шашнях Перона с несовершеннолетней девицей, а затем и о сексуальных оргиях за высокими стенами президентского особняка, о том, как Перон, подобно римскому императору, тешит себя среди девочек-рабынь.

И хотя большей частью все это было высосано из пальца, многие приверженцы Перона решили, что он предал память Эвиты. Страну охватил тяжелый экономический кризис, и Перон, оттолкнувший от себя львиную долю сторонников, был свергнут. Ему пришлось искать спасения на парагвайской канонерке, стоявшей на ремонте в гавани Буэнос-Айреса. Прежде чем уплыть на чужбину, он написал Нелли Ривас последнюю записку: «Моя милая девочка... я каждый день ужасно скучаю по тебе и по нашим собачонкам... Тысяча поцелуев и наилучших пожеланий. До скорой встречи. Папочка».

Впоследствии любовные письма Хуана и Нелли попали в печать, отчего вконец подмоченная репутация Перона несколько не подсохла. За связь с Нелли Ривас он был заочно осужден военным трибуналом и лишился генеральского звания. В обвинительном заключении говорилось о «поведении, недостойном офицера и джентльмена».

«Невозможно выразить словами ужас, охвативший нас, когда мы получили доказательства преступления, совершенного тем, кто всегда заявлял, что «единственно

привилегированные граждане страны — это дети», — писал судья.

Нелли была вне себя от горя. «Он любил меня, — говорила она. — Он годился мне в дедушки, но он меня любил. Он всегда говорил, что я очень хорошенькая, но ведь на самом деле я дурнушка, правда?» Ее упекли на восемь месяцев в исправительное учреждение, а родителей выдворили в Монтевидео. Позднее Нелли вышла замуж за аргентинца, работавшего в американском посольстве.

Тогда же были эксгумированы и вывезены за пределы Аргентины останки Эвиты — чтобы почитатели Перона не сделали из них культа. Их спрятали в Италии.

Изгнанник Перон повстречал в Италии Исабель Мартинес, аргентинскую танцовщицу, и она променяла сцену на должность его личного секретаря. В 1961 году они поженились.

В 1971 году Аргентину потряс очередной переворот. Военные декларировали намерение восстановить демократию и сделали ставку на Перона, у которого в стране осталось огромное число приверженцев. В качестве жеста примирения они привезли к нему в Мадрид останки Эвиты.

В 1973 году Перон возвратился в Аргентину и победил на президентских выборах. Исабель Мартинес баллотировалась вместе с ним на должность вице-президента. В октябре того же года, принимая дела, он уже знал, что умирает. 1 июля 1974 года вдова унаследовала его пост. В политическом смысле она, конечно, проигрывала в сравнении с Эвитой, или, точнее будет сказать, с Эвитой из легенды. Тяжело переживая утрату, она перевезла в Аргентину прах Эвиты и захоронила его рядом с Хуаном Пероном в склепе под президентским дворцом.

Пользы ей это не принесло. В 1976 году ее свергли офицеры военно-воздушных сил и пять лет продержали под домашним арестом. В 1981 году Исабель выслали в Испанию, и там она возглавила партию перонистов. Скончалась она в 1985 году.

Глава 11

Обувной фетишизм на Филиппинах

Фердинанд Маркос, возглавлявший правительство Филиппин с 1966 по 1986 годы, был непревзойденный мастер жульнических манипуляций с избирательной системой. В 1943 году, чтобы удержаться у власти, он объявил в стране военное положение; в 1986 году это повторилось. В 1983 году, когда ему навязали президентские выборы, живший в Америке представитель оппозиции Бенигно Акино вернулся из изгнания и был застрелен, едва покинув борт самолета.

Еще три года Фердинандо успешно цеплялся за власть и наконец в 1986 году вместе с красавицей женой Имельдой бежал на Гавайи. На родине осталась любимая коллекция Имельды — три тысячи пар обуви.

В детстве Имельда ходила босой. И хотя она принадлежала к влиятельному на филиппинском острове Лейте роду Ромуальдес, ее ветвь жила в нищете. Одно время они с матерью ютились под навесом для автомобиля. Но к шестнадцати годам Имельда стала красавицей, и на нее заглядывались мужчины.

В 1951 году она полюбила Викториа Чана, наследника состоятельной китайской семьи, которой принадлежала таклобанская электростанция. Родители юноши сочли невесту неподходящей, и он был вынужден с нею порвать. Вскоре Имельда снова влюбилась, на этот раз в Хусто Зибалу, симпатичного студента-медика с острова Негрос. Но он был протестантской веры, и на этот раз вмешался Орестес, отец Имельды, фанатичный католик.

Чтобы спастись от очередного поклонника, некоего Доминадора Пачо, владельца лесопилки, привыкшего получать все, что ни захочет, Имельда с пятью песо в сумочке бежала в Манилу. Там она нашла работу в банке. В филиппинской столице сразу оценили ее красоту. Издатель воскресного приложения к «Уик» поместил ее фото на обложку в день Святого Валентина, и Имельда мгновенно прославилась.

В доме ее дяди — конгрессмена Даниэля Рамуальдеса — Имельду осаждали богатые

плейбои из манильского клуба поло. Один из них ее соблазнил и вскоре бросил. Это был Бенигно Акино — молодая восходящая звезда политического небосклона.

Имельда решила взять судьбу в собственные руки и приняла участие в конкурсе «мисс Манила», чем глубоко шокировала свою семью. Родственники полагали, что для победы участница конкурса должна переспать с членами жюри, но в отношении Имельды они заблуждались. Она была выше этого и проиграла двадцатилетней Норме Хименес из провинции Пангасинан.

Но сдаваться Имельда не собиралась. Она пошла к организатору конкурса, мэру Манилы Арсению Лаксону. Рассказы о его сексуальных наклонностях были у всех на слуху. Ежедневно в три часа он возвращался в гостиницу «Филиппинос» «на чашку китайского чая» и проводил часок с двумя китаяночками, которых ему поставили избиратели. Войдя в его офис, Имельда не совладала с собой и разрыдалась. Он ее утешил, как мог. А затем мэр Лаксон опротестовал решение жюри и объявил Имельду «мисс Манилы». Тотчас разлетелся слух, что Имельда — новая победа Лаксона. Однако судьи встали на дыбы, и мэр Лаксон вынужден был переименовать Имельду в «музу Манилы». Он сам изобрел этот титул. Имельда, «муза Манилы», стояла на подиуме рядом с официально победившей «мисс Манилы» в конкурсе «мисс Филиппины». Проиграли обе.

Эти приключения не нанесли ущерба матримониальным планам Имельды. Она познакомилась с одним из богатейших жителей Манилы — Аристоном Накпилом. Он был выходцем из старейшего столичного рода и учился архитектуре в Гарварде и французской школе изящных искусств в Фонтенбло. Имельду он покорила своим пылом и эрудицией. Они проводили уик-энды в Батангасе, на его родовой ферме, и ездили на горный курорт Багуйо. Единственная проблема заключалась в том, что он уже был женат. Приехал отец Имельды, истовый католик, и увез ее домой, на Лейте.

Но Имельда уже почувствовала вкус к хорошей жизни и не собиралась прокисать в захудалом Таклобане. Она сбежала в Манилу, надеясь, что любовь Накпила по прошествии года не угасла. Там она повстречала Фердинанда Маркоса, политика, уже совершившего невозможное. Обвиняемый в убийстве, он был избран в Конгресс. Находясь в следственном изоляторе, Маркос изучил уголовный кодекс и решил защищаться самостоятельно. В конце концов он выиграл дело в верховном суде, главный судья которого сам обвинялся в убийстве, когда был восемнадцатилетним юнцом.

Маркоса выпустили на волю. Вскоре этот перспективный деятель получил приглашение на выпускной бал в школу, где училась Имельда. Он посещал и банк, в котором она работала. Имея репутацию донжуана, не заметить ее там он не мог. Их представили друг другу на «айскрим-пати» — приеме с мороженым, и Маркос был очарован. Он домогался Имельды так настойчиво, что накануне страстной недели она сбежала на Багуйо с тремя подружками. По утрам, когда она приходила в церковь, он садился рядом с ней и в ярких красках расписывал их общее светлое будущее. Как-то раз он привел ее с подругами в банк и в бункере показал свой депозитный сейф, в котором хранился чуть ли не миллион долларов наличными. Вскоре она подписала брачный контракт. С момента знакомства до дня свадьбы прошло всего одиннадцать дней. Он купил ей обручальное кольцо белого золота с одиннадцатью алмазами — по одному на каждый день ухаживания.

На другой день их сочетал браком мировой судья. А несколько дней спустя они поехали в гости к отцу Имельды, тот неожиданно проникся симпатией к Маркосу и простил дочь, с условием, что молодые надлежащим образом обвенчаются в церкви.

Венчание состоялось в манильском «Мигуэль Про-Кафедрал», Маркос сделал из него настоящее шоу. Одним из спонсоров выступал филиппинский президент Магсайсай. Имельда щеголяла в платье из тюли и белого атласа, шитого фестонами, мелким жемчугом и искусственными бриллиантами. Собралось три тысячи гостей, в том числе множество конгрессменов и сенаторов. Торжество проходило в парке Малаканани, отделенном от президентского дворца рекой Пасиг. Свадебный торт сделали по образцу здания Конгресса. «Это было очень политическое венчание», — заключила Кончита, сестра Имельды.

Столь же зрелищен был на Багуйо медовый месяц Маркосов. А между тем у Фердинанда уже была гражданская жена Кармен Ортега. Она познакомилась с Маркосом четыре года назад, когда он предложил быть ее спонсором на конкурсе «Мисс пресс-фото». Вскоре она стала его официальной любовницей и поселилась в доме, где он жил со своей матерью доной Хосефой. В прессе появилось заявление об их предстоящей свадьбе, но они так и не вступили ни в гражданский, ни в церковный брак.

Однако Кармен Ортега называли в Маниле миссис Маркос. Имельда не могла этого не знать. Однажды Маркос привел Кармен в банк, где работала Лорета — сестра Имельды. Ему надо было снять со счета пятьдесят тысяч долларов, чтобы на славу кутнуть в Соединенных Штатах Америки, и он представил Кармен как миссис Маркос.

Дона Хосефа тоже считала Кармен женой своего сына, а Имельду — всего-навсего любовницей, способствующей его политической карьере. Маркос хотел баллотироваться в Сенат. Семейство Ромуальдес контролировало свыше миллиона голосов на центральном острове Висайан, а Эдуардо Ромуальдес председательствовал в «Реконструкционной финансовой корпорации», через которую текли миллионы долларов иностранных кредитов. Но Имельда тогда не подозревала, что Фердинанд, женившись на ней, обеспечил себе политическое и финансовое будущее. Приданое же Кармен Ортеги, напротив, не обещало в будущем ни власти, ни влияния.

Когда Фердинанд с Имельдой отправились в свадебное путешествие, Кармен с тремя детьми переселили из дома Маркоса в большую виллу в пригороде Гринхилз. Однако избавиться от воспоминаний о прежней любовнице оказалось для Фердинанда не так-то просто. Дом, в котором жили муж и свекровь Имельды, стоял на улице Ортега. Имельда потребовала, чтобы они немедленно продали его и переселились, но получила отказ на это требование. Хуже того, вскоре Имельда обнаружила, что Маркос встречается с Кармен. Тогда Имельда собрала всю свою отвагу и отправилась в Гринхилз. Кармен немедленно должна оставить ее мужа в покое, потребовала Имельда, она разрушает его брак и счастье. Кармен холодно возразила, что счастье Фердинанда разрушила Имельда, а Кармен уже носит под сердцем его четвертого ребенка, и он, между прочим, был зачат уже после свадьбы Маркоса.

Имельда оказалась в безвыходном положении. После всенародной женитьбы ей нельзя было просто взять и уйти от мужа. Филиппины — страна католическая, там редки случаи расторжения брачных контрактов и не бывает церковных разводов. Не могла она и запретить мужу встреч с любовницей. У Имельды помрачился рассудок. Маркос отправил ее лечиться в Нью-Йорк. Три месяца она провела в Манхэттенской пресвитерианской больнице, но по-прежнему перед ней стояла жестокая дилемма: либо сбежать от мужа и терпеть позор, либо смириться и довольствоваться тем, что есть.

Имельда решила вышибать клин клином. Она улетела в Португалию и в Фатимской часовне помолилась, чтобы Богородица послала ей детей. Год спустя мечта сбылась — в разгаре избирательной кампании Маркоса Имельда родила Ими, первого из троих детей. Второй ее ребенок — Бонг-Бонг — появился на свет два года спустя, а третий — дочь Ирен — в 1959 году, когда Фердинанд избирался в Сенат.

Все это время Имельда жестоко страдала от мигрени и по крайней мере один раз травилась лекарствами. Ей снова пришлось лечь в психиатрическую клинику, но мало-помалу она смирилась с судьбой.

Фердинанд, хотя и заимел с Имельдой троих детей, никогда не проявлял особой заботы о ней. Он признался одной из своих любовниц, что Имельда фригидна и он с ней делается импотентом, а как-то в припадке откровенности заявил на людях, что она страдает комплексом старой девы. Однако супруги, по-видимому, вели более активную половую жизнь, чем это следует из слов Фердинанда.

В 1965 году, во время президентских выборов, широко разошлась фотография обнаженной Имельды. Утверждалось, что она украдена из личной тайной коллекции Фердинанда. Представители лагеря Маркоса заявили, что это фальшивка — голова Имельды

наложена на тело совершенно другой женщины. Имельда, услышав об этом, впала в ступор.

Столь же драматичным образом она отреагировала позднее, когда губернатор острова Негрос Альфредо Монтелибано-младший придумал подлый трюк. Туалет в своей гасиенде он оборудовал зеркальным окошком. Однажды на вечеринке он пригласил в заднюю комнату несколько гостей — посмотреть, как делает пи-пи первая леди Филиппин. Ее сфотографировали, и снимок разошелся по рукам. Достался он и Бенигно Акино. В день своей гибели лидер оппозиции носил его в бумажнике.

Амурные дела Фердинанда Маркоса не способствовали укреплению его политического авторитета и особенно сильно били по Имельде. Делая карьеру, он постоянно выставлял напоказ свою молодую жену. Их цели соединились, Имельда понимала: либо она будет при неверном муже первой леди Филиппин, либо никем.

В 1969 году Маркоса очень заинтересовала вдруг Гретхен Кохуанго, жена Эдуарда Кохуанго из семьи, контролировавшей акции сахарных заводов стоимостью в миллиард долларов. На поддержке семьи Кохуанго зиждилось политическое благополучие Маркоса. Имельда послала Гретхен записку. Что там говорилось, неизвестно, но когда Гретхен ее прочла, она, по словам Фердинанда, «плакала безутешно».

Эдуардо Кохуанго тоже знал, что происходит, и попытался действовать более осторожно. Маркос шел на новые выборы и нуждался в удачном пропагандистском трюке. Он написал просто фантастическую автобиографию под названием «Свидание с судьбой». Из нее вытекало, что Фердинанд Маркос бесстрашно сражался с японцами. За доблесть его наградили почти двумя десятками филиппинских орденов и американской медалью чести. Когда до президента Филиппин из-за каких-то таинственных обстоятельств не дошла эта медаль, американское правительство изготовило новую.

На самом же деле в годы второй мировой Маркос воевал против американцев на стороне Японии, но в разгаре холодной войны государственному департаменту незачем было вдаваться в подобные нюансы. Маркос писал книгу с прицелом на то, что по ней снимут художественный фильм — документальные ролики уже появлялись на телеканалах. У Эдуарда Кохуанго были связи в Голливуде. Он взялся за дело.

В «Свидании с судьбой» рассказывается, что у Маркоса, громившего японцев в рядах славных партизан, была любовница филиппино-американского происхождения, некая Эвелин. Она спасла ему жизнь, заслонив собой от японской пули. Кохуанго подрядил Пола Мэйсона, захудалого продюсера из «Юниверсал», организовать кинопробы девушек на роль Эвелин. Тот прислал Джойс Рис и Дави Бимс. Когда девушки прибыли в Манилу, их привезли прямиком в Гринхилз — на вечеринку. Они очутились в недостроенном доме, в комнате с огромной кроватью. Через некоторое время явился Фердинанд Маркос, представился именем Фред. Дави спела песенку «Я хочу быть плохой». Фред понял намек. Он сказал на тагальском, официальном языке Филиппин, несколько слов спутникам, и они вышли из комнаты вместе с Джойс Рис.

Как только Маркос остался наедине с Дави, он подошел к ней сзади и поцеловал в шею. Она спросила, не юрист ли он. Маркос ответил, что имеет некоторое отношение к законам — как-никак, президент Филиппин. На следующий день они стали любовниками.

Он поселил Дави в Гринхилзе. В саду при особняке тогда строился плавательный бассейн. Дави узнала, что у Маркоса с Имельдой уже в течение многих лет прекращены сексуальные отношения. У каждого своя жизнь, сказал он.

Может, он и не лгал, но вскоре Дави обнаружила, что он по-прежнему видится с Кармен Ортегой. Дави закатила скандал, но это не помогло — Кармен вскоре снова забеременела.

Дави обещали, что в фильме она будет играть роль Эвелин. Маркос купил магнитофон и лично занялся ее обучением тагальскому, но частенько уроки прерывались, и парочка ложилась в постель. Вскоре Дави обзавелась очень интересной фонотекой.

Они занимались любовью и в коттедже на поле для гольфа при дворце президента. Однажды удовлетворенный партнер прикорнул, а Дави порылась в его письменном столе и

стащила кое-что из документов — на черный день.

Шашни Маркуса с Дави вселили ужас в его помощников. Они понимали, что если помогут Маркосу, то их перестреляет Имельда, если не помогут, их ликвидирует Фердинанд. Что и говорить, небогатый выбор! Несколько раз подозрительная Имельда заставляла их преследовать машину своего мужа, но выполнить задачу всякий раз что-то мешало.

Однажды Дави вернулась в Гринхилз и обнаружила, что двери виллы на замке. Маркос сказал, что оставаться там ей опасно, за домом наблюдают шпионы. Надо перебраться в гостиницу в Вак-Ваке. Вскоре она узнала истинную причину такой осмотрительности — Маркос, как и собирался, отдал особняк Кармен Ортеге. Вот почему все это время на вилле шел ремонт.

Дави продолжала записывать тайком «уроки филиппинского», вдобавок Маркосу захотелось сувениров. Он купил фотоаппарат «Полароид» и сделал несколько снимков обнаженной Дави в недвусмысленных позах на кровати и в ванной. А затем Дави привалила неслыханная удача: Маркос попросил прядь ее лобковых волос на память. Она предложила обмен, а потом его лобковые волосы, магнитофонные записи и украденные документы отправила на хранение в Соединенные Штаты Америки.

Любовь Маркоса остывала быстро. Как-то раз среди ночи он сказал, что Дави на роль Эвелин выбрали неудачно. Тогда она собрала чемоданы и уехала в Лос-Анджелес, но под предлогом съемок фильма о путешествии по Филиппинам вернулась. За молчание ей предложили десять тысяч долларов. Деньги она взяла, но заявила, что ее молчание стоит побольше — тысяч сто.

Получив отказ, она повысила цену до ста пятидесяти тысяч. В ту ночь ее забрала тайная полиция и переправила в надежно охраняемый дом. Приехал Маркос, между ними вспыхнула ссора. В конце концов Маркос попытался уладить дело миром, но Дави отказалась с ним целоваться, и тогда ее доставили в гостиницу «Савой», избили и подвергли пыткам.

Попросившись в ванну, она сбежала, нашла телефон и позвонила подруге в Лос-Анджелес. Подруга связалась с влиятельными знакомыми Дави, в том числе с калифорнийским губернатором Рональдом Рейганом. Пока государственный департамент теребил в Маниле американское посольство, Дави под вымышленным именем укрылась в Манильском медицинском центре.

К тому времени Имельда уже обо всем знала, и ее агенты прочесывали Филиппины в поисках Дави. Беглянка позвонила в американское посольство и поговорила с консулом Лоренсом Гаррисом. Тот вместе с послом Генри Байроудом прибыл в больницу и от лица Имельды предложил Дави сто тысяч не облагаемых налогом долларов за гробовое молчание. Дави заявила дипломатам, что обладает доказательствами совершенного Маркосом преступления. Кроме того, она считает, что ее жизни угрожает опасность. Для нее устроили пресс-конференцию в гостинице «Бей-Вью» на бульваре Роксас. Там она дала волю языку, но Маркоса именовала только Фредом.

Это позволило прессе изложить факты, не рискуя оказаться под судом за критику президента, запрещенную филиппинским законодательством. Для пущей убедительности Дави воспроизвела магнитофонную запись со скрипом кроватных пружин, шепотом, стонами и голосом Маркоса, певшего ей илоканскую любовную песню. О том, что эта песня — его любимая, знал весь архипелаг. Копии той записи потом переходили из рук в руки и стоили пятьсот тысяч долларов. Одна из них досталась студентам филиппинского университета. Они реквизируют университетскую радиостанцию и регулярно отправляли в эфир отрывок, в котором Маркос упрашивал Дави заняться с ним оральным сексом. Даже солдаты, получившие приказ выдворить хулиганов с радиостанции, с трудом сохраняли на лицах бесстрастное выражение.

Сенатор Бенигно Акино, внутренне ликуя, предложил Конгрессу провести расследование.

Чтобы вывезти Дави из страны, американским властям пришлось нанять сильную

охрану. Вдогонку за чересчур разговорчивой любовницей филиппинского президента пустились тайные агенты Имельды. В конце концов Дави пришлось лететь через Гонконг, и там на ее жизнь было совершено покушение. Пять дней ее охраняла английская «сикрет сервис».

В Америке война Дави с Маркосом вступила в новую фазу. Неукротимая актриса опубликовала свои обвинения в издающемся в Маниле журнале «Грэфик» (который тут же был закрыт) и книге «Лави-Дави Маркоса». Текст сопровождался фотографиями обнаженной натуры. Весь тираж таинственно исчез из книжных магазинов. Потерялся даже экземпляр, посланный в Библиотеку Конгресса США.

А между тем Маркос уже развлекался с женой офицера американских ВМФ, и госдеповские телеграммы называли его «нашим волокитой». Назрела угроза осложнения филиппино-американских отношений, и вскоре Маркос сменил очередную любовницу на филиппинскую певицу Кармен Сариано.

Имельда повстречалась с ней в Сан-Франциско в 1970 году. В сопровождении финансового советника Эрнесто Виллатуйи Имельда вошла в апартаменты соперницы и потребовала, чтобы та подписала обязательство никогда не ложиться в постель с Фердинандом. Получив отказ, Имельда попыталась ей врезать, но Кармен увернулась, и в нокдаун отправился Виллатуйя.

Вскоре Маркос возглавил филиппинский национальный банк и занимал этот пост до 1972 года.

В отместку за неверность Имельда принялась вымогать у мужа деньги и золото. При этом она путешествовала по всему свету в качестве разъездного представителя главы филиппинского правительства. Она побывала в Ливии и впоследствии намекала, что к ней «подкатывался» Каддафи. Но друзьям она тайком поведала, что Каддафи — голубой. Однако ходили слухи и о ее гомосексуализме. «Реактивная публика» сплетничала о давней связи Имельды с Кристиной Форд, женой Генри Форда Второго. Еще говорили, что Имельда побывала в постели актера Джорджа Гамильтона.

В конце концов Маркос был свергнут, и причиной тому послужила ревность его жены. Это Имельда заявила в 1983 году своим приспешникам, что нога Бенигно Акино не должна коснуться филиппинской земли. Маркос с ужасом смотрел, как его политического соперника убивают в манильском аэропорту на трапе самолета, битком набитого иностранными журналистами. Он понял, что все кончено. Правда, он обвинил в этом убийстве военную верхушку и победил на президентских выборах, но в 1986 году ему пришлось бежать с Филиппин. На посту президента его сменила вдова Бенигно Акино Корасон.

В 1989 году Маркос умер на Гавайях от волчанки. А Имельда стала звездой всевозможных ток-шоу.

Глава 12

Съеденные в Африке

Вряд ли Африка знает диктаторов кровожаднее угандийца Иди Амина. Он родился в семье сельского шамана и впоследствии принял ислам. Однако эта религия вовсе не исцелила его от алкоголизма. Когда он еще служил в рядах королевских африканских стрелков, однажды утром он проснулся в могадишском борделе после страшного похмелья и услышал крики имама, созывавшего правоверных на утреннюю молитву. Амин встал на колени у окна дома терпимости и склонил голову, но его медитацию прервал храп оставленной в постели шлюхи. Тогда он подошел к ней, стащил за волосы с кровати, отвесил пощечину и приказал на суахили: «Молись Аллаху, сука!»

В рядах угандийской армии он дорос до звания полковника и в 1971 году организовал военный переворот; это и положило начало его знаменитой диктатуре.

И в управлении государством, и в личной жизни он был чрезвычайно злопамятен. Чтобы получить облюбованную женщину, он просто отдавал распоряжение о казни ее мужа

или любовника. Эдвард Ругумайо, аминовский министр образования, в 1973 году сбежавший за границу, составил перечень злодеяний Амина. Этот опус в пять тысяч слов разошелся по миру. В нем Ругумайо называл Амина расистом, трайбалистом и диктатором, а также заявлял, что Амин «без промедления убивает любого, если это служит его интересам, таким, как дальнейшее пребывание у власти или получение желаемого, например, женщин или денег».

Женщин, не исполнявших приказы Амина, жестоко насиловали. Им отрезали груди. Некоторые нашли свою смерть в аминовском холодильнике. Сара Амин, его пятая жена, сказала, что видела в морозильной камере голову красивой девушки по имени Руфь. Бедняжка была любовницей Амина, и он заподозрил, что она встречается с другими мужчинами.

Первую жену Амина звали Малаяму Кибеди, она была дочерью школьного учителя. Когда они встретились, Амин был двадцативосьмилетним сержантом и чемпионом армии по боксу. Родственники интеллигентной девушки были против свадьбы, но она все равно согласилась жить с Амином.

У них родилось несколько детей, но лишь в 1966 году они узаконили свои отношения. При этом обошлись без свадебного обряда. Амин просто заплатил выкуп за невесту, и брак был признан законным. Наверное, и этого бы не случилось, не пожелай мусульманин Амин взять в дом вторую супругу. Он хотел, чтобы Малаяму достались права старшей жены.

Через три месяца после формальной женитьбы на Малаяму он расписался с Кай Андроа в бюро регистрации браков. Кай, дочь священника, училась в университете Макерере; она была эффектна, с кожей цвета эбенового дерева. На свадьбу она явилась в белом, а Амин — в мундире при всех регалиях. Церемония происходила в Аруа, родном городе Амина, и за ней последовал вполне солидный свадебный пир. Кай называла Малаяму мамой, признавая тем самым ее положение старшей жены.

Через год Амин женился опять. К тому времени он уже добился заметного положения, в нем даже видели политического соперника президента Милтона Оботе. Он взял в жены Нору из племени ланги. Она была одной веры с Оботе и усыпила его боязнь межплеменной розни. Нора поселилась вместе с двумя другими женами, и к концу шестидесятых годов у Амина было не то четырнадцать, не то пятнадцать детей.

Супругой номер четыре стала багандайская танцовщица Медина. Ее труппа «Африканское сердцебиение» развлекала важных иностранных гостей на государственных мероприятиях. Она была энергична и сексуальна, и Амин подолгу сидел, любуясь ее чарующими танцами. Красавице Медине даже предложили сниматься в рекламном фильме для туристов, но после свадьбы Амин вырезал из этой киноленты все эпизоды с ее участием.

Их любовь зародилась в 1971 году, вскоре после того, как Амин сверг Оботе. В сентябре 1972 года вся Уганда крутила регуляторы настройки радиоприемников, чтобы услышать об организованном Милтоном Оботе злополучном вторжении в Танзанию. Однако в новостях были в основном сообщения о предстоящей четвертой свадьбе Амина. По словам Амина, племя баганда подарило ему Медину в благодарность за все, что он для него сделал после переворота. А делал он для баганда только одно — истреблял представителей этого племени тысячами.

В марте 1974 года в разгар борьбы с войсками мятежного бригадира Чарльза Арубе Амин обратился к народу с очередной странной речью. Уганда узнала, что он разводится со своими первыми тремя женами — Малаяму, Кай и Норой, — потому что, по словам Амина, они занимаются предпринимательской деятельностью. Это соответствовало действительности. Амин сам подарил им текстильные лавки, конфискованные у угандийских азиатов (бывшие владельцы отправились в изгнание). Кроме того, Малаяму, признался он, подозревается в политической неблагонадежности. Ее брат Вануми Кибеди, министр иностранных дел, недавно сбежал из страны. В коммюнике объяснялось, почему должна уйти Кай, — она является кузиной главы государства, а такое близкое родство делает невозможным дальнейшие брачные отношения.

Истинная причина не имела ничего общего со всей этой ахинеей. Медина и любовницы не оставляли Амину время на остальных трех жен. Он держал их в одном из президентских охотничьих домиков. От скуки и огорчения они обзавелись любовниками. Кай забеременела от Питера Мбалу-Мукасы, врача миланского госпиталя. Питер был женат и имел семерых детей.

Однажды три дамы устроили с друзьями вечеринку. Охранники, боясь, что об этом пронюхает Амин, сами позвонили ему. Амин разъярился, пообещал женам приехать и всех их вышвырнуть. Они ответили: забирай Медину и убирайся. Потом заперли охранников и повеселились на всю катушку.

На другой день они слышали по радио о разводе. Амин попросту отрекся от них по мусульманскому обычаю. Позже прислал официальные уведомления о разводе. Но Амину этого было мало. Через месяц Малайму арестовали и голословно обвинили в том, что она контрабандой переправила в Кению рулон ткани. Выйти под залог ей не удалось, и она три недели просидела в тюрьме. Суд приговорил ее к огромному штрафу и освободил из-под стражи. В следующем году Малайму пострадала в дорожной аварии — один из телохранителей Амина врезался на машине в ее автомобиль. Узнав об этом, Амин спросил: «Она мертва?» Ее доставили в больницу, и там она из собственного кармана расплачивалась за отдельную палату. У нее были сломаны рука и нога. Находясь на вытяжении, она терпела сильную боль. Как раз в это время прибыл Амин с толпой журналистов из президентской пресс-службы и решил дать ей бой на глазах у всех. «Ты очень невезучая женщина, — говорил он. — Не способна правильно устроить свою жизнь». И посоветовал сходить к шаману, чтобы тот с помощью колдовства защитил ее от грядущих неудач. На другой день он распорядился переселить ее из отдельной палаты в общую. В ноябре 1975 года она улетела на лечение в Лондон и больше не возвращалась. Дети остались с другими женами Амина, а магазин она подарила отцу. По приказу Амина магазин ограбили.

Отец Кай, почтенный Акдроа, обратился к Амину и убедил принять жену обратно. Амин, не подозревавший о ее беременности, согласился построить ей дом в своем родном городе Аруа, но она там жить не захотела. Амин несколько раз бывал в ее квартире, и каждый визит сопровождался шумной ссорой. После одной из таких склок ее арестовали за хранение револьвера и боеприпасов. Амин приехал в полицейский участок, и они с женой кричали друг на друга через решетку. «Ты сам оставил у меня этот пистолет!» — твердила она.

Всю ночь ее продержали в клетке. Утром она объяснила мировому судье, что пистолет принадлежал мужу, и была отпущена.

Через несколько дней расчлененный труп Кай обнаружили в багажнике машины ее любовника. Он покончил с собой, а перед этим пытался уничтожить свою семью. Были улики, что он ей делал аборт, но операция прошла неудачно, и Кай истекла кровью. Зачем понадобилось расчленять труп — осталось загадкой.

Амин приказал сшить части тела, чтобы показать покойницу детям. «Ваша мать была плохой женщиной, — сказал он. — Смотрите, что с ней случилось». Эта отвратительная сцена происходила перед репортерами и телекамерами. На похороны Кай Амин не явился и даже не прислал своего представителя. Полиция закрыла дело, и в официальных кругах имя Кай больше не упоминалось.

Норе, третьей жене Амина, повезло гораздо больше — она спокойно жила и управляла предприятием, которое подарил ей бывший муж. Возможно, ее не трогали по политическим соображениям. Она принадлежала к племени ланги, ссориться с которым Амин не желал.

Медина осталась его единственной женой, за что и пострадала.

Взаимоотношения супругов были страстными, зачастую даже неистовыми. Как-то раз Амин заподозрил, что она приложила руку к подготовке очередного покушения на него, и так ее избил, что даже себе сломал лучезапястный сустав. Это случилось, когда Медина была на сносях, и она едва не выкинула плод. В другой раз он с нею расправился так жестоко, что ей пришлось провести несколько недель в ливийской клинике. Возвратившись на родину,

она долго носила темные очки — прятала синяки.

Пятой женой Амина стала Сара Каялаба, восемнадцатилетняя танцовщица го-го из джаз-банда «Самоубийцы» — моторизованного воинского подразделения, названного так исключительно ради драматической рекламы. Она была настоящая красавица и жила с лидером ансамбля Джесси Гитой. Когда она родила, Амин переправил ее вместе с ребенком в кампалскую больницу. Там их навестила Медина. Встречу показывало телевидение; оно же объявило, что у президента Амина новый ребенок. Имя матери не фигурировало.

Выписавшись из больницы, Сара вернулась к Гите, настоящему отцу ребенка, но время от времени Амин присылал за ней машину. Спустя некоторое время Гита исчез. Сара заподозрила, что Амин приказал его умертвить, но ничего не могла поделать.

На очередном заседании ОАЕ в Кампале Амин произвел себя в фельдмаршалы и предложил гостившим у него главам государств лицезреть его свадьбу с Сарой. В число торжественных мероприятий входила «операция Кейптаун» — угандийские ВВС полетели бомбить остров на озере Виктория с целью показать, что ожидает южноафриканскую столицу.

Вышло не слишком удачно. Летчики сбросили смертоносный груз, но промахнулись; все до одной бомбы упали в воду. Начальник ВВС Шмуц Гуведекко получил отставку. Позднее был обнаружен его труп.

На другой день после свадьбы Амин снова облачился в фельдмаршальский мундир и повторил свадебную церемонию, на сей раз перед телекамерами. Фильм показали по телевидению, а затем его много раз повторяли с интервалом в несколько дней.

Когда Сара стала женой Амина, он приказал ей написать сатирическую песенку об исчезновении Джесси Гиты. Однажды она нашла голову Джесси в одном из Аминовских морозильников. Обнаружив морозильник открытым, Амин избил ее.

В том, что он пожирал свои жертвы, едва ли можно усомниться. Однажды в августе 1975 года Амин беседовал с правительственными чиновниками, побывавшими в Заире, где их потчевали обезьяньим мясом. Для угандийца это блюдо совершенно неприемлемо. Сидящие за столом пришли в ужас, и тут Амин потряс их еще сильнее, заявив: «А я ел человеческое мясо». Он понял, что слишком далеко зашел, и пояснил: когда солдату на фронте угрожает голодная смерть, простительно добить и съесть раненого товарища. Столь же беспечно Амин признался Генри Кайембе, министру здравоохранения, в том, что ел человечину.

Впоследствии Генри Кайемба бежал в Англию.

В изгнании Амин уже не пытался обойти стороной тему людоедства, он даже говорил, что соскучился по человечине. Он не брался вспомнить всех, чьи головы держал в холодильнике, но сказал, что среди них точно были верховный судья Бен Киванука, святой отец Кигунду и архиепископ Лувум. Амин признался, что убивал их с огромным удовольствием.

Он считается чемпионом африканского геноцида, на его счету — полмиллиона жертв. Амин открыто выражал восхищение Гитлером, правда, говорил, что истребление евреев — не бог весть какая заслуга. Как бы то ни было, он дал области на юго-востоке Уганды название Фюрер, ошибочно полагая, что там произошло сражение в первую мировую войну. На самом деле битва разыгралась тремястами милями южнее — в Танзании.

Кроме пяти жен, у Амина было великое множество любовниц — до тридцати женщин одновременно. Жили они в страхе, в каждом первом встречном подозревали шпиона и не смели заводить отношений с мужчинами. Амин верил, что сексуальная энергия — символ его власти и авторитета.

«Он никогда не пытается скрыть похоть, — утверждал Генри Кайемба. — При виде любой красивой женщины масляется его глаза. У него репутация такого секс-гиганта, что женщины часто сами заигрывают с ним, на его счету любовницы всех цветов кожи и множества наций, от школьниц до зрелых женщин, от уличных девок до университетских профессоров».

Амин хвастал, что в разных племенах у него дети от двенадцати женщин и что вся Восточная Африка связана с ним кровными узами.

Кроме законных жен, было по меньшей мере десять незаконных. Одна из них, Сауда, носила его фамилию. Она родила ему двойню и дала малышам имена в мечети. Узнав, что Амин — неисправимый бабник, она с ним поссорилась. Генри Кайемба взял к себе секретарем одну из любовниц Амина — ее муж, профессор университета, был убит. Амин сам ликвидировал управляющего гостиницей «Тороро» мистера Ншеканабо, когда решил заполучить его жену. Он распорядился также, чтобы вдове выплатили страховку за жизнь Ншеканабо. Погиб даже супруг женщины, занимавшей высокий пост в полиции, когда Амину вздумалось затащить ее в постель.

Медицинских сестер из министерства здравоохранения Амин считал своим личным гаремом. Студентка-медичка из Джинджа бежала в Кению, когда он проявил к ней интерес. Другая девушка, работавшая в больнице города Мулаг, поняла, что попала в беду, когда к ее родителям приехали телохранители Амина с подарками: солью, сахаром и семьями шиллингов. Увидев эти подношения, родители девушки разрыдались. Несчастливая медсестра тоже сбежала.

К чужой сексуальности Амин был не слишком снисходителен. Он косо смотрел на половую распущенность и предостерегал студентов от венерических заболеваний. Есть основания считать, что он болел третичным сифилисом, чем, возможно, отчасти объясняется его эксцентричное поведение. Одна из бывших любовниц заявила, что заразилась от него и потеряла способность к деторождению. Амин это отрицал.

Амин арестовал литератора Дениса Хилза, когда тот написал «Белую тыкву», где комментировались некоторые излишества аминовского режима. Когда об освобождении литератора принялся хлопотать английский премьер-министр Джим Каллагэн, Амин заявил, что Хилз — сексуальный маньяк и пьяница и путался с угандийскими проститутками.

Действительно, из книги Хилза можно почерпнуть полезные советы о том, как знакомиться в барах с угандийскими шлюхами и как с ними заниматься любовью. Но Амин и сам не брезговал проститутками — они на него шпионили. Большой Дада лично выбирал их и превосходно обучал, а потом рассылал по всему свету охотиться за тайнами иностранцев.

Амин уничтожил десять тысяч своих соотечественников, но мировая общественность видела в нем всего лишь фигляра. Он умел так необычно строить фразы, что они вызывали смех. Когда его критиковал замбиец Кеннет Каунда, Амин посоветовал ему поплакать в «королевские панталоны двадцатипятилетней свежести».

Конец аминовскому режиму наступил в 1979 году, когда его солдаты нарушили танзанийскую границу и изнасиловали группу женщин. Это переполнило чашу терпения танзанийцев, и на территорию Уганды были введены войска. Амин сбежал в Ливию. Там его встретили очень гостеприимно и даже подарили виллу.

Жен пришлось оставить на родине, но он заявил, что женился на четырех арабках. По некоторым сведениям, одна из них — Зура Каддафи, дочь полковника Каддафи. Правда, она его, по слухам, бросила — ее отец заподозрил, что Амин спивается. В итоге Каддафи пришел к выводу, что больше не в силах терпеть проделки высокого гостя, и Амин перебрался в Джидду, — по его утверждению, монарх Саудовской Аравии пригласил его к себе на солнечные ванны. Он и сейчас живет в Саудовской Аравии.

Амин является горячим поклонником другого людоеда, императора Жана Бокасса, благодаря чьим заслугам, по словам Амина, «Центральноафриканская Республика попала на карту мира». И это не пустые слова.

Жан Бедель Бокасса, родившийся в селе Бобангуи на реке Лобае, в 1939 году восемнадцатилетним юношей пошел служить во французскую армию. Он уверенно поднимался по служебной лестнице и в 1963 году, когда Республика добилась

независимости, командовал армией. Через два года он организовал военный переворот, сверг президента Давида Дако, упразднил конституцию и назначил себя президентом на пожизненный срок.

Жан Бедель Бокасса пошел по стопам своего кумира Наполеона и 4 декабря 1977 года устроил пышную церемонию коронации в императоры. Торжество проходило в Банги, столице государства, которое до тех пор носило название Центрально-африканская Республика.

Коронация Бокасса стоила новорожденной Центральноафриканской империи трети годового бюджета, составлявшего семьдесят тысяч долларов. Приглашено было две с половиной тысячи гостей, из них шестьсот питались в ресторанах в течение нескольких дней, предшествовавших коронации. Жили они в лучших гостиницах и специальных коттеджах, предоставленных центральноафриканским правительством за счет императора.

В торжественный день Бокасса поехал «во дворец коронации» — на бангийский стадион — в новенькой карете, влекомой четырнадцатью из шестнадцати импортированных нормандских коней, которым удалось пережить шок при перемене климата.

Бокасса был облачен в тунику длиной по лодыжку, гигантскую шестнадцатифунтовую мантию из алого бархата, с золотым шитьем и горностаевой оторочкой, и туфли, расшитые жемчугом. Он подошел к императорскому трону, обитому алым бархатом с золотым шитьем; спинка трона изображала громадного золотого орла. Другой золотой орел красовался на тяжелой короне, которую Бокасса лично водрузил себе на голову. Ему пристегнули меч, и Бокасса, держа в руке эбеновый жезл, торжественно поклялся продолжать демократическое развитие Центральноафриканской империи.

Вся в золотой парче, его жена Екатерина опустилась на колени у его ног, и он ее короновал. Она была белая и из девяти жен Бокасса, подаривших ему пятьдесят четыре законнорожденных ребенка, пользовалась его особым благорасположением.

Кстати, у него хватало и незаконнорожденных детей. Будучи сержантом французской армии, он служил в Индонезии. Потом, возглавив государство, обратился к вьетнамским властям с просьбой, чтобы его детей от местных девушек отправили в Центральноафриканскую империю. Ему прислали группу маленьких вьетнамцев, но Бокасса заподозрил, что это не его дети, и все они исчезли без следа.

После коронации пышный кортеж отвез императора с императрицей в собор Бангийской Богоматери, и там архиепископ освятил восхождение Бокасса на престол торжественным богослужением. Он благословил «поцелуем мира» новоиспеченного императора, а папский нунций прочитал личное поздравление папы римского.

После молитвы «Отче наш» был банкет на четыре тысячи персон, разумеется, с французской кухней. Императорский двор говорил не на санго, местном языке, а по-французски. Ансамбль французского военно-морского флота играл вальсы. Бал открывали Бокасса в маршальском мундире и императрица Екатерина в парижском платье.

По окончании пира император удалился в свою резиденцию — она находилась в Беренго, километрах в пятидесяти от Банги. Но загородное обиталище августейшей персоны мало напоминало Версаль. Гораздо больше оно смахивало на дешевый мотель посреди военного городка.

Через два года страну охватило движение протеста — императорская власть не пришлась ей по вкусу. Бокасса ответил умерщвлением сотни школьников. 21 сентября 1979 года его свергли французские войска, а во главе государства поставили Давида Дако, бывшего президента.

При обыске дворца Колога были обнаружены человеческие трупы, набитые рисом и приготовленные для съедения.

Бокасса сбежал в свое очаровательное шато XVIII века под Парижем. Французские газеты запестрели «панегириками» — Бокасса великодушно пожертвовал Валери Жискар Д'Эстену алмазы стоимостью в двести пятьдесят тысяч франков, и это помогло французскому президенту проиграть выборы в 1981 году.

А тем временем в Центральноафриканской Республике против Бокассы были выдвинуты обвинения. В перечне его злодеяний — ритуалы людоедства, заготовление трупов, собственноручное убийство семи из двухсот казненных школьников. Кроме того, по его приказу были умерщвлены многочисленные министры, политики, государственные чиновники и армейские офицеры.

Как только Жискара Д'Эстен сдал дела, французские власти лишили Бокассу политического убежища, и он отправился на Берег Слоновой Кости. В итоге он, сытый по горло жизнью в изгнании, взял псевдоним «М. Христианская Душа», облачился в белую рясу, надел крест, подаренный Папой Иоанном Павлом II, и вернулся на родину, чтобы предстать перед судом.

Дело он проиграл и был приговорен к смерти, но внезапно и крайне загадочно казнь ему заменили на десять лет тюремного заключения. В 1993 году он вышел на свободу и теперь скромно живет в Банги.

Французы предъявили ему иск на триста тысяч франков. Чтобы расплатиться, он был вынужден продать шато «Национальному фронту», группировке ультраправых ветеранов французских колониальных войн. «Национальный фронт», блокирующийся с антииммиграционной партией Жана-Мари Ле Пена, арендует шато с 1986 года, с тех пор, как Бокасса покинул Францию.

К счастью, в Африке не все так мрачно. В апреле 1995 года Омар Бонго, занимающий пост президента западноафриканского государства Габон с 1967 года, оказался втянут в старомодный скандал на почве секса. Рутинная тяжба в парижском суде, куда обратились с жалобами проститутки, неожиданно-негаданно приняла международные масштабы. По словам судей, итальянский кутюрье регулярно поставлял Бонго проституткок; он же шил президенту костюмы индивидуального покроя.

Суд над Франческо Смальто, парижским дизайнером мужской одежды, дал толчок лавине весьма странных и экстравагантных обвинений в адрес модных портных, жестоко соперничающих друг с другом из-за богатых, знаменитых и нескаредных клиентов. Они же сорвали покровы с истинного лица Бонго — галантного аристократа с репутацией одного из богатейших жителей Африки.

Согласно уликам, представленным парижскому трибуналу, проститутки очень боялись заниматься с Бонго сексом, так как он не желал пользоваться презервативами. Сам Бонго на суде отсутствовал, но его парижский адвокат с врачом дружно отвергали все обвинения. К тому времени полиция уже два года проявляла интерес к деятельности Смальто, с тех пор, как обратила внимание на парижскую сеть шикарных девочек по вызову.

Местный отдел полиции нравов вышел на небольшую фирму, имевшую отношение к моде. Управляла ею молодая женщина по имени Лаура Мерма; предположительно, она поставляла манекенщиц для различных шоу.

Несколько девиц, работавших на Лауру Мерма, сообщили полиции, что их нанял Смальто и поручил доставить груз с готовым платьем в Либревиль, столицу Габона. И там вдруг их обязанности стали иметь мало общего с обновлением гардероба Бонго.

Председательствующий судья зачитал свидетельские показания некой Моники. Девица описывала один из эпизодов той поездки: «В тот вечер все было очень плохо. Бонго не желал надеть презерватив, а я знала, что его друг умер от СПИДа, и отказалась заниматься с ним любовью».

Другая девушка, некая Шанталь, показала, что ее ознакомили с текущим тарифом Бонго: половой акт с применением контрацептива стоил тысячу двести франков, без — шесть тысяч.

Смальто поначалу категорически отрицал свою причастность к этому делу, а потом сказал суду, что Бонго был его лучшим клиентом, тратил на одежду триста тысяч франков в

год, и ужасно не хотелось отдавать его конкуренту. «Мы знали, что президент Бонго равнодушен к женскому полу, вот почему я с каждым грузом платья посылал девушку, — сообщил Смальто. — Я подозревал, что он с ней переспит, но не был уверен».

Пристрастие Омара Бонго к роскоши вошло в легенду, и еще до того знаменитого суда французской юстиции не раз приходилось слышать его имя. Когда Шомэ, французский ювелир, обслуживающий высший свет, столкнулся с финансовыми затруднениями, Бонго перечислил на счет его фирмы пятьсот тысяч франков.

Суд по делу Смальто испортил репутацию «короля портных и портного королей». Особенно тяжелый удар нанесла ему расшифровка пленки с телефонной беседой двух проституток, неких Ариан и Сары.

«Мне звонила Марика, она отправляется в Либревиль. Я ей сказала, что это опасно. Его (Бонго) приятель умер сама знаешь от чего», — говорила Ариан. «СПИД? Это отвратительно!» — восклицала Сара. «Да, и хуже всего, что это предлагает великий кутюрье», — добавила Ариан.

В зале суда публика ахала, не веря собственным ушам.

Глава 13

Ататюрк — отец новой Турции

Многие считают Кемаля Ататюрка освободителем. Безусловно, его политика была либеральнее, чем режим сброшенного им в 1920 году султана. Он мечтал сделать Турцию современным государством, но верил, что цель оправдывает любые средства и необходима однопартийная система власти. В 1930 году он легкомысленно поэкспериментировал с созданием оппозиционной партии, и опыт оказался столь «удачен», что детище пришлось немедленно раздавить. А представителей оппозиционных этнических меньшинств, к примеру, курдов, он давил еще более жестоко.

Вдобавок Ататюрк открыто признавал себя диктатором и даже гордился этим. Когда французский журналист написал, что Турцией правят один-единственный пьяница (Мустафа Кемаль был известен пристрастием к алкоголю), один глухой (премьер-министр) и триста глухонемых (парламент), Ататюрк сказал: «Этот человек ошибается, Турцией управляет один пьяница».

Двенадцатилетним мальчишкой Мустафу Кемаля отправили учиться в военную академию города Салоники, в ту пору еще принадлежавшего Османской империи. Ему уже тогда нравились мундиры, и он попал в компанию любителей кричащей одежды. И хотя он вращался почти исключительно в мужских кругах, ему удалось завести романчик с девочкой по имени Эмине.

Ей было восемь лет, и ее отец имел высокий чин в военной академии. Спустя годы Кемаль вспоминал о том, как привередлив он был в выборе одежды, и как свято подружка верила в его великое предназначение. «Ты рожден, чтобы стать султаном», — говорила она. Однако мусульманские обычаи не позволяли им встречаться, и лишь изредка ему удавалось увидеть любимую в окошке ее дома.

Кемаль был невероятно ревнив. Когда его овдовевшая мать снова вышла замуж, он хотел под угрозой расправы выгнать отчима, но, пока искал пистолет, новобрачные оказались вне его досягаемости. Он не видел больше матери, пока не окончил академию.

В четырнадцатилетнем возрасте он перевелся в военную академию города Монастир. Перед отъездом Мустафа Кемаль получил от друга в подарок нож — чтобы защищаться от сексуальных посягательств других мужчин. Женщины тогда носили паранджу, и большим спросом пользовались молоденькие мальчики вроде Кемаля.

Время от времени он приезжал в Салоники и виделся с Эмине. Ее сестра потом вспоминала, что они надеялись пожениться, но ничего из этого не вышло.

Проводя отпуска в Салониках, он с удовольствием посещал европейский квартал, где женщины не носили паранджи, пели, танцевали и сидели за столиками с мужчинами. Ему

понравились спиртные напитки, а дамы сочли красивого юного воина неотразимым.

Затем он получил назначение в Стамбул и там регулярно навещался в дом мадам Корин. Эта овдовевшая итальянка жила в Пера — европеизированном районе города. Кемаль назначили военным атташе в Софии, и он ей часто писал, уверяя, что в Болгарии нет красавиц. При этом письма изобиловали именами встреченных там женщин, и в каждом случае обязательно подчеркивалось, что его новая знакомая — дурнушка. В числе прочих упоминалось имя некой медсестры, немки Хильдегард. Уехав из Болгарии, он затеял переписку и с Хильдегард.

В Софии он стал фаворитом Раши Петровой, хозяйки султанских приемов. Однажды вечером он познакомился на бале-маскараде с Димитрианой Ковачевой, или попросту Мити, — дочерью военного министра Болгарии. Всю ночь они танцевали и беседовали. Вскоре Кемаль стал своим в доме Ковачевых, где часто говорили по-турецки. Ему разрешили увозить Мити на загородные прогулки. А в Турции того времени девушке из приличной семьи ни за что бы не позволили гулять с молодым мужчиной.

Мити вполне соответствовала идеалу Кемаль о европейской невесте, но мешала вера. Он посоветовался со своим другом Фети, который ухаживал за дочерью генерала Рачо Петрова. Когда речь зашла о свадьбе, генерал Петров сказал: «Я скорее позволю отрубить себе голову, чем выдам дочь за турка».

Генерал Ковачев тоже занял твердую позицию, и вопрос о браке отпал. Мити была христианкой, а Кемаль — мусульманином. Чтобы он не тешил себя иллюзиями, генерал Ковачев отказался посетить бал в османском посольстве.

Началась первая мировая война, и Кемаль отозвали в Стамбул.

Проявив при Галлиполи великую доблесть, Кемаль вернулся в Софию. По-прежнему они с Мити любили друг друга, но обычаи требовали, чтобы их отношения не заходили дальше простой вежливости. Спустя четыре года она попыталась съездить к нему в Стамбул, но крушение болгарского фронта сделало эту затею неосуществимой. Мити вышла замуж за болгарского посла, однако не перестала следить за головокружительной карьерой своего юного турка.

Кемаль помирился с матерью, когда она порвала со вторым мужем. После смерти отчима его младшая сестра Фикрия поселилась у матери и стала любовницей Кемаль. Мать Кемаль никоим образом этого не одобряла. Она считала, что Фикрия недостаточно хороша для ее сына.

Формально Фикрия была замужем за египтянином, но жила с Кемалем в стамбульском районе Сисли. Это не помешало ему продолжать отношения с Корин. Когда Стамбул оккупировали англичане, они перевернули ее особняк вверх дном — искали оружие. Кемаль бежал в Анатолию, где и началась его борьба за независимость Турции.

Следом за Кемалем отправилась Фикрия, и в Анатолии они открыто жили как любовники. Она просилась замуж, но он, хоть и обожал ее, не желал об этом слышать. Он мечтал жениться на западной женщине и быть с женой на равных. А Фикрия, хотя и не носила чадры, была женщиной до мозга костей восточной — из тех, кто всегда идет позади мужа.

Вдобавок Кемалю, как паше, полагалось первый раз жениться на девственнице. А смуглая и стройная Фикрия уже побывала замужем. Как бы то ни было, пока она его вполне устраивала. На войне ему больше не приходилось искать утех у распутных гарнизонных девок.

Борьба за освобождение Турции закончилась сожжением Смирны. Когда там находился Ататюрк, в его штаб пришла молодая женщина и попросила о встрече с ним. Он отказался, а затем решил на нее взглянуть. Взглянув, отпустил ординарца и предложил ей присесть. Звали ее Латифа, и была она дочерью Ушаки-заде Муаммера, богатого смирниота, интересовавшегося грузоперевозками и международной коммерцией. И хотя Латифа была турчанкой с оливковой кожей и большими черными глазами, она изучила в Европе право и говорила по-французски, как француженка.

Ее родители проводили лето в Биаррице, а она вернулась в Турцию помочь Кемалю. Она, как и многие турецкие женщины, носила в медальоне его портрет. Кемаль, вообразивший, что она в него влюблена, был очарован этой деталью.

Латифа предложила ему вместе со штабом перебраться в ее загородный особняк, даже организовала в его честь официальный прием. Однако в постель с ним не легла. Это удивило Кемалю — борец за свободу страны успел привыкнуть к женщинам, которые отдавались ему добровольно и с нетерпением. Но Латифа решила стать его женой, а не просто любовницей. В конце месяца он уехал в Анкару, так и оставив крепость непокоренной.

Кемаль написал Латифе, что он теперь глава государства, ему нужна жена, и Латифа, по всей видимости, вполне годится на эту роль. Девушка отправилась в Анкару. Пока она там гостила, умерла давно хворавшая мать Кемалю, но он тем не менее попросил Латифу немедленно выйти за него замуж. На следующий день в доме отца Латифы произошла свадебная церемония в европейском стиле. Исламский обычай запрещает жениху и невесте видеть друг друга до конца свадьбы. Кемаль с Латифой нарушили эту традицию и поклялись друг другу в верности, сидя рядом за пиршественным столом.

Кемаль с молодой женой отправились в свадебное путешествие; заодно оно послужило примером его борьбы за эмансипацию турчанок. «Вот как мы будем обращаться с нашими женщинами», — говорил он, указывая на Латифу, которая стояла в брюках рядом с ним. И вообще, пора, мол, кончать с гаремами и половой дискриминацией.

Столь неприлично, на взгляд ортодоксальных мусульман, выставляя напоказ молодую жену, он давал козыри своим противникам-традиционалистам. Особенно сильно они злопыхательствовали, когда Латифа появлялась на празднествах в нарядах с глубоким вырезом.

В день свадьбы Фикрия находилась в Германии, в санатории. Терпя с мужем лишения войны, она заболела туберкулезом. О бракосочетании Кемалю узнала из газет. Фикрия вернулась в Турцию летом 1923 года и провела с Кемалем и его юной супругой четыре дня в Чанаккале. Потом вернулась в Анкару и поселилась в гостинице. Через несколько дней решила увидеться с Кемалем в президентском дворце, но ее не пустили. Она вернулась в гостиницу и застрелилась из купленного в Германии пистолета. Выстрел был не слишком удачен — она умерла лишь некоторое время спустя, в больнице.

Чувство вины совершенно отравило Кемалю супружескую жизнь. Еще два года Кемаль и Латифа провели вместе, но 5 августа 1925 года брак распался.

Латифа переселилась в Стамбул, но обязательно уезжала всякий раз, когда Кемаль посещал этот город. В 1933 году национальное собрание присвоило Кемалю имя Ататюрк — отец турков. Он так и остался запойным пьяницей и в 1938 году скончался от цирроза. Латифа пережила его на тридцать восемь лет.

Глава 14

Плейбой западного мира

Из египетского короля Фарука диктатор не получился, и все же он снискал репутацию, которой позавидовали бы многие его удачливые коллеги. Это была репутация союзника фашистов, нажившегося на войне, ужасающего обжоры, безжалостного соблазнителя, распутника, азартного игрока, kleptomана и прожигателя жизни. О нем говорили так: если на свете только семь смертных грехов, то Фарук найдет восьмой.

Взойдя шестнадцатилетним юношей на египетский трон в 1936 году, он держался у власти исключительно благодаря английским штыкам, за что люто ненавидел своих заокеанских покровителей. Фарук не только мечтал увидеть себя всемогущим королем доминирующей в арабском мире страны, но и калифом всего ислама. В 1941 году он не особо таил свои надежды дождаться немцев, чтобы те вышибли из Египта англичан.

Он явно переоценивал собственную персону. В 1952 году Великобритания наконец оставила его режим без поддержки, и антианглийски настроенные офицеры его армии

Гамаль Абдель Насер и Анвар Садат (во время второй мировой три года просидевший в тюрьме за подготовку фашистского переворота) без всяких усилий сбросили Фарука с трона.

Впрочем, и до падения он не обладал реальной властью. Ему было позволено лишь дурачиться. Однажды своим указом он запретил подданным иметь автомобили красного цвета. Затем распорядился перекрасить в алый цвет сотню королевских машин.

В 1938 году восемнадцатилетний Фарук женился на семнадцатилетней красавице Сафиназ Зульфикар. Вряд ли этот брак был заключен на небесах — он больше был похож на козни преисподней. Фарук был девственником, его вырастила в гареме мать — королева Назли, а Сафиназ охотилась на богатых мужчин.

Королева Назли не ограничивала себя в радостях жизни. Когда женился Фарук, она заодно отпраздновала начало своего романа с учителем сына Ахмедом Мухаммедом Хасанейном, знаменитым военачальником, ученым и путешественником. Потом в ее фаворитах оказался молодой дипломат, христианин-копт по имени Риад Гали; он женился на ее дочери, младшей сестре Фарука. Все трое отправились в Беверли-Хилс, где и зажили дружной семьей.

Это Фарук кое-как стерпел, но затем его мать и дочь перешли в католическую веру. В отместку он конфисковал их владения и навсегда заказал им путь в Египет.

Будучи наивным юным романтиком, Фарук официально изменил имя своей новой невесты. Она стала Фаридой, что означает «единственная». Сафиназ-Фарида не пожелала отвечать добром на добро и обзавелась любовниками. Глубоко уязвленный Фарук тоже принялся погуливать. Одной из первых в его постель легла Фатима Туссон, жена его кузена — принца Гассана Туссона. Она обладала превосходной кожей, и Фарук не устоял перед ее кавказским темпераментом. Они встречались лунными ночами в маленьком дворце в городке Халван на берегу Нила. «Подари мне сына, — говорил он Фатиме, — и я на тебе женюсь».

В двадцать три года у Фарука началась хроническая импотенция, и он заподозрил, что у него недоразвиты гениталии. Чтобы это скрыть, он вжился в образ сильного и ненасытного любовника. Он заявлял о *droit di roi*¹⁸ на самых красивых жен и дочерей своих подданных, а на склоне лет утверждал, что побывал в интимной связи более чем с пятью тысячами женщин. Фарида ежеутренне доставался от него подарок, но это не компенсировало того, что она не получала по ночам.

Он консультировался с врачами-специалистами по мужским гормонам и знал толк в афродизиаках (возбуждающих средствах). Для него стряпали любовные зелья по рецептам, известным еще во времена фараонов. Он пробовал амфетамины, смесь из гашиша и меда, таблетки кофеина и толченый носорожий рог, проглотил огромное количество устриц и яиц. Он верил, что от импотенции хорошо помогают голуби и манго. В ванной, где стены были украшены мозаичными изображениями нагих рабынь, его по утрам энергично массировали служанки — но это не спасало от ожирения.

Несмотря ни на что, Фарук флиртовал с привлекательными женщинами. Тех, кто не уступал добровольно, он похищал и отправлял в один из своих «гаремов». Гаремы были во всех пяти его дворцах, разбросанных по стране. С замужними женщинами хлопот было больше, чем с незамужними. Мужья похищенных часто поднимали шум, поэтому в ряде случаев он предпочитал шантаж.

Он коллекционировал женщин разных типов — как марки или антиквариат. Антонио Пулли, его порученец, искал молоденьких европейских хористок, готовых соблазниться алмазными браслетами — Фарук любил их дарить покоренным дамам. А иногда Пулли прочесывал лучшие бордели — разыскивал девиц с красивой кожей. Потом Фарук увлекся исполнительницами танца живота и переспал с самыми яркими звездами отечественной сцены.

В то время самой привлекательной из его подруг считалась александрийская еврейка

¹⁸ Право короля (фр.).

Ирен Гуинль. На стезе наслаждения Фарук не видел ни расовых, ни религиозных, ни политических преград. С Ирен Гуинль он познакомился, когда обоим было по двадцать одному году. Тогда Фарук был еще строен и изящен. Роман продлился два года.

Ирен, дочь брокера с хлопковой биржи, говорила на шести языках. В возрасте семнадцати лет ее в александрийском спортклубе приглядел агент американского киноконцерна «МГМ». Она занималась многими видами спорта и была атлетически сложена; особенно бросался в глаза великолепно развитый брюшной пресс. Ирен мечтала стать кинозвездой, но ее мать даже слышать об этом не желала, не видя особой разницы между актрисами и шлюхами. Тогда Ирен вышла замуж за Лориса Наджара — двадцатидевятилетнего александрийского еврея, получившего образование в Англии.

К сожалению, престижное учебное заведение привило Наджару не совсем здоровые наклонности. В первую брачную ночь он раскрыл атташе-кейс и достал плетку и черные лакированные сапоги на высоких каблуках.

Ирен в ужасе бежала из каирской гостиницы. Она спряталась за пирамидой, супруг ее разыскал, потащил обратно в номер и заставил избить его до крови, а затем водить по ранам острыми каблуками сапог.

И так — по три раза на дню. «Все так делают», — сказал он юной супруге.

Ее от всего этого мутило. Она заболела, начали выпадать волосы. Ирен была наивна и верила, что брак заключается раз и навсегда. Лишь четыре года спустя она узнала, что можно развестись. После Наджара Фарук показался ей ангелом.

Они встретились в 1941 году на благотворительном балу. Собирались пожертвования на военные нужды — на границе скапливались немецкие войска, и никто не верил, что их удастся остановить. И хотя знакомство организовал общий друг, знавший, чем обернулась «сказочная» свадьба Фарука, Ирен избегала частных бесед с королем. «Все сторонники Германии вызывают у меня аллергию», — сказала она. Но в конце концов он подловил ее за игорным столом. Ирен вдруг обнаружила, что выигрывает каждую партию. А затем у нее возникло ощущение, будто ее раздевают взглядом. Она обернулась, а позади стоит Фарук и ухмыляется, как чеширский кот. Слуги моментально принесли для него позолоченный трон. Он уступил его Ирен, а сам опустился рядом на стульчик.

Он пригласил ее искупаться при свете луны. Она отказалась и хотела уйти, но стоило ей направиться к двери, как подскочил английский посол сэр Майлз Лэмпсон. Под угрозой был английский контроль над Египтом и Суэцким каналом, и требовалось любой ценой удержать профашистски настроенного короля Фарука под знаменем британской империи. «Вы просто обязаны поплавать с ним, — сказал Лэмпсон. — Просто обязаны!»

Отказать она не могла, так как всей душой ненавидела немцев. И все же сопротивлялась до конца. Фаруку пришлось послать к ней домой «роллс-ройс» за купальным костюмом. На широком монтazahском пляже Ирен переоблачилась и побежала в теплое море. Фарук в мундире при всех регалиях сидел на песке, дышал густым ароматом жасмина и любовался. Потом Ирен пошла в храм Паллады, где стояла раздевалка. Сандалии она специально оставила на пляже, чтобы послать за ними Фарука. Затем «роллс-ройс» отвез ее домой.

На следующий день Фарук позвонил ей в десять утра и спросил, нельзя ли увидеться. Она отказала, заявив, что не любит бородатых. Это был заранее продуманный ход. Фарук недавно отпустил бороду, что примирило его с воинственным «мусульманским братством», тоже мечтавшим вышвырнуть англичан из Египта.

Меньше всего Фарука беспокоило то, что Ирен — еврейка. Напротив, его это вполне устраивало. Двадцать лет у Фуада, отца Фарука, была в любовницах еврейка миссис Суарес. Она даже устраивала первую свадьбу Фуада с девятнадцатилетней кузиной, принцессой Шавикар, одной из богатейших невест в Египте. Фуаду деньги были противопоказаны — он их моментально просаживал. Миссис Суарес вложила капиталы принцессы в предприятия своих еврейских друзей, которые превратили большое состояние в огромное. Миссис Суарес убеждала англичан посадить на трон Фуада, хотя он и не был прямым наследником. Она

умерла в его объятьях, танцуя вальс на балу, и он ее оплакивал до конца своих дней.

Месяцами Фарук домогался Ирен при поддержке Лэмпсона, и в конце концов она согласилась прийти к нему на свидание. Девушка надела черное платье с очень хитроумными застежками и завязками и надеялась, что они надежно защитят ее честь от королевских посягательств.

Ее ждал обед из десяти блюд, включая устриц, голубя и морских окуней, приготовленных шеф-поваром — французом. Прислуживали шесть суданцев.

Все это происходило в огромной королевской спальне с видом на море. Из светской беседы Ирен вскоре поняла, что Фаруковы шпионы хорошенько покопались в ее прошлом. Король знал все интимные подробности ее замужества. Вдобавок Ирен пришла к выводу, что он на самом деле — взрослый ребенок и она без труда сможет им управлять. В полдень она вернулась домой. Через десять минут он позвонил — снова захотел ее увидеть.

Два месяца они регулярно встречались, но ничего сверх этого не происходило. Он предложил ей провести с ним уик-энд во дворце Абдин. Когда она приехала, слуги Фарука отнесли ее чемодан в королевскую спальню. Ей предстояло спать в одной постели с ним. Она спросила, не будет ли Фарук против, если она ляжет без ночной рубашки, так как слишком жарко. Он ответил: «Пожалуйста, если и мне это позволишь». Затем целомудренно чмокнул ее в щеку, пожелал спокойной ночи, и они уснули нагишом.

На другой день они, опять же обнаженные, купались в дворцовом бассейне. Но секса не было. Ирен отдыхала душой после кошмарного брака. Фарук сказал, что любит ее. Только что Фатима Туссон родила ему ребенка, и Ирен спросила, какие у них отношения. Фарук сказал, что послал ей в больницу жемчужное ожерелье, но сам не поехал, Фарук брал Ирен с собой на светские рауты, и она считалась его официальной любовницей. Но бывать с ней на проанглийских мероприятиях он отказывался. В конце концов она и вправду стала его любовницей, и он ради нее побрился. Взамен потребовал, чтобы она приняла мусульманскую веру, и подарил украшенный драгоценными камнями коран. Ирен проштудировала эту книгу.

На улицах люди кричали: «Да здравствует Ирен!» Она стала некоронованной королевой Египта и всюду сопровождала Фарука, тогда как Фарида присутствовала только на мероприятиях государственного значения. Все это не устраивало лишь мать Ирен, она упрашивала дочь вернуться под родной кров.

Почти все время Ирен проводила в огромном дворце Абдин, в котором было пятьсот комнат. Фариду и остальных своих женщин Фарук держал в гаремах, но Ирен жила в его апартаментах.

Пока Ирен развлекала Фарука, в стране нагнеталась профашистская истерия. На улицах бушевали демонстрации. Сочувствующий англичанам премьер-министр был вынужден подать в отставку, но Лэмпсон решил сам выбрать ему преемника. Он окружил танками дворец Абдин, выстрелами сбил замки с ворот и по главной лестнице привел солдат в кабинет Фарука. Затем он вручил королю бумагу с текстом отречения от престола. Было поставлено условие: либо Фарук ее подпишет, либо согласится взять премьер-министром креатуру Лэмпсона. Выбирать было не из чего.

К 1943 году угроза немецкого вторжения отступила, и англичане уже не заставляли Ирен спать с Фаруком. Как-то раз он повез ее в свой охотничий домик в оазисе южнее Каира. Их сопровождали Хэмфри Баркер, которого Ирен считала внебрачным сыном английского короля, и его очаровательная спутница Барбара Скелтон. Однажды вечером Ирен увидела, что Хэмфри выпивает в одиночестве. Она поднялась к спальне Фарука — дверь оказалась на замке. Ирен стучала, пока Фарук не открыл. За его спиной на гигантской кровати Ирен увидела Барбару. «Надеюсь, тебе удобно в моей постели», — сказала Ирен.

Утром Фарук, Ирен и Барбара завтракали вместе. После второй порции круассанов Ирен сказала Барбаре: «Как жаль, что ты не успеешь довести дело до конца. Тебя только что вызвали в Каир». Ирен приказала слугам упаковать вещи Барбары и усадить ее в машину. «Что ты делаешь? — жалобно спросил Фарук. — Это же потрясающая, фантастическая

женщина». В тот день Ирен с ним не разговаривала.

В Каире она остановилась у подруги. Когда они с Фаруком расставались, он мечтал, что сделает ее египетской королевой и она родит ему сына и наследника.

Вскоре Ирен встретила английского офицера Персиваля Бэйли, и они пустились в бурный роман. Фарук всюду таскался за ними, как побитый щенок. Когда они приезжали в ресторан поужинать или потанцевать, находили на своем столике его пробковый шлем или трость — дескать, он следит за каждым их шагом. Через десять дней они поженились, и это позволило Ирен получить английский паспорт. С одним лишь египетским паспортом ей бы ни за что не выбраться из страны.

Перед тем, как она отправилась в Англию, к ней явился помощник Фарука Антонио Пулли и сказал, что за всю жизнь Фарук сумел полюбить только ее. А теперь, когда она его бросила, Пулли боится, что король умрет от горя — Фарук не ест и не занимается делами, лежит день-деньской в постели.

Ирен согласилась попрощаться с Фаруком и застала его в ярости. Он угрожал, что, если она покинет пределы Египта, он не позволит ей вернуться. Он даже пригрозил объявить евреям войну. «Я облысею! Я ослепну! Я буду спать только со шлюхами! Я буду играть в азартные игры до конца своих дней!» — бушевал он. И, между прочим, выполнил эти обещания.

Ирен отправилась в Англию и поселилась в Саттон-плейс, в доме тети ее мужа — герцогини Сазерлэнд. Позднее этот особняк перешел в собственность нефтяного магната Жан-Поля Гетти. Ирен развелась с Бэйли и вышла замуж за бразильского миллионера.

Ирен напрасно считала, что выпроводила Барбару раз и навсегда. Ее роман с королем Фаруком оказался живучим. Впервые она встретила Фарука в Марселе, ему тогда было шестнадцать. А она держала путь в Индию со своим дядюшкой Дадли. В ходе второй мировой войны ее прислали в Египет в качестве шифровальщицы при «Форин офис». Однажды в ночном клубе она попала Фаруку на глаза. На другой день к ней явился его слуга с предложением провести уик-энд во дворце Абдин. После этого она виделась с королем раз в неделю. В то время его официальной любовницей была Ирен, и Барбара понимала, что она не ровня этой красавице. Но продолжала встречаться с Фаруком — в его компании было гораздо веселей, чем с окружавшими ее английскими офицерами.

Позже Барбара Скелтон подалась в литераторы и опубликовала слегка беллетризованные воспоминания о своих визитах во дворец Абдина. Она рассказывала о том, как пила шампанское на крыше дворца, как перед ней исполняли танец живота обнаженные, с бритыми лобками плясуньи, как король удалялся в опочивальню с компанией хорошеньких девиц и как отхлестал ее пояском от халата. Но в дневниках она признается, что Фарук чаще предпочитал пояску трость.

Она посещала с ним балы, для чего он присылал дорогие платья «от кутюр». Английские власти боялись, что Барбара слишком близка к королю и, возможно, он ей выбалтывает государственные секреты. Поэтому ее отослали на родину.

Позже Барбара побывала замужем за писателем Кайрилом Конолли и издателем Джорджем Вейденфельдом. В числе ее любовников были поэт Питер Куиннел, критик Кении Тайнэн, мультипликатор Чарльз Эдамс, продюсер Джон Сутро, редактор Роберт Силверс, а также Франсуаза Саган и Бернард Франк.

Одиннадцать лет супружеской жизни с Фаридой принесли Фаруку трех дочерей. Фарида не хранила верность мужу, но ее крайне раздражали дамы, которые прокрадывались во дворец с черного хода, чтобы развлекать короля до рассвета. Когда его спальню покинула знаменитая певица из французской оперы, у Фариды лопнуло терпение, и она потребовала развода. Он согласился — в надежде, что другая женщина родит ему сына.

В 1949 году Патриция Уилдер Гогенло по прозвищу Малютка — настоящая австрийская принцесса — посетила Египет. Она родилась в штате Джорджия и успела побывать звездой «Шоу Боба Хоупа» и женой австрийского принца Александра Гогенлоэ. Брак оказался неудачным, но титул и многое другое у Малютки после развода остались. Она

трубила на весь Голливуд о своих победах над Кларком Гэйблом и Тайроном Пауэром, брошенными ею ради учителя верховой езды. Еще она уверяла, что занималась сексом с Джоном Кеннеди в начале второй мировой войны в сыром лондонском бомбоубежище. И теперь, не смущаясь присутствием нового мужа, аргентинца, профессионального игрока в поло, она решила заняться Фаруком.

Они встретились в каирском клубе, и Малютка принялась флиртовать — просто чтобы досадить волоките-мужу. Получилось неплохо. Вскоре ее аргентинец отправился в Индию на сафари, а Малютка переселилась во дворец Абдин.

Она лелеяла надежды поменять титул принцессы на королевский, однако Фарук уже решил жениться на пухленькой маленькой простолюдинке. С шестнадцатилетней Нариман Садек он познакомился в ювелирном магазине, где эта девица и ее жених выбирали обручальные кольца. Когда девушку удостоил своим вниманием Фарук, она сообразила, что судьба подкидывает возможность сорвать куш, и бесцеремонно дала отставку своему жениху.

Перед свадьбой Фарук устроил мальчишник, и тот продлился три месяца. Со всей Европы косяками стекались проститутки, чтобы пополнить его вечно растущую свиту. В Биаррице к ним присоединилась Барбара Склелтон. Позже в Риме она представила Фаруку своего мужа Кайрила Конелли, но они не подружились.

Наконец отпраздновали свадьбу — и этому пышному торжеству позавидовали бы арабские ночи. Затем последовало четырехмесячное свадебное путешествие по Европе — наверное, одно из самых дорогих и роскошных в истории. Фарук ошеломил молодую жену изысканными блюдами, платьями «от кутюр», сверхдорогими алмазами и бесценными картинами. Они останавливались в парижском отеле «Рояль-Монсе», венецианском «Даниэли», каннском «Карлтоне». Прежде чем подняться на борт королевской яхты, он облачил шестьдесят приглашенных гостей в одинаковые синие блейзеры, белые фланелевые брюки и яхт-клубные фуражки. К пристани их вез кортеж «роллс-ройсов». Едва ли крестьянская девушка смела мечтать обо всем этом!

Что же касается супружеской верности, то Фарук баловал ею Нариман не чаще, чем бывшую супругу. В Александрии весь верхний этаж гостиницы «Моссат» служил ему холостяцкой квартирой, а обслуживали его там красивые медсестры.

И все же Нариман родила Фаруку желанного сына, а в 1952 году отправилась с ним в изгнание. Он был вынужден бросить огромную порноколлекцию — «голубые» кинофильмы, эротические журналы, книги, карты, наручные и настенные часы, чьи движущиеся части были украшены... скажем так, движущимися частями.

Власти нового режима выручили за всю эту коллекцию свыше миллиона долларов.

Отставной король Фарук обосновался в Риме и с маниакальным усердием принялся проматывать тающие капиталы. Он стал любимцем папарацци, и газеты наперебой рассказывали о его сенсационных похождениях и богемных пассиях. Но в его распутной и разгульной жизни все-таки нашлось место и для большой любви. На берегу острова Капри, в клубе «Кансон дель Маре», принадлежащем Грейси Филдс, звезде английского мюзик-холла, он познакомился с подающей надежды шестнадцатилетней актрисой Ирмой Минутоло. У нее были большие глаза, большие губы и большие груди — последние особо подчеркивались ее узким бикини.

Фарук заметил Ирму, когда она выходила из воды, и не отводил от нее взгляд. Он оставил своих спутников и неторопливо приблизился к Ирме. На нем был махровый купальный халат, украшенный изображением египетской короны. Он снял темные очки — свой «фирменный» знак, погладил Ирму по светлым рыжеватым локонам и похвалил фигуру. Ее тут же очаровали его синевато-зеленые глаза. Потом она скажет, что необъятная талия, плешь и темные очки делали его облик более королевским, в смысле, менее мальчишеским.

В тот вечер Ирма выиграла конкурс «мисс Капри». Утром Фарук отправил сто пятьдесят роз в гостиницу, где она жила с матерью. Сеньора Капече-Минутоло намеревалась

провести на острове целый месяц, но, как только прибыли розы, схватила несовершеннолетнюю дочь в охапку и увезла обратно в Неаполь. Фарука это не обескуражило. Узнав адрес Ирмы, он ежедневно отправлял ей огромный букет цветов. Мать запретила Ирме подходить к телефону, но однажды звонок раздался, когда сеньора Карпече находилась в саду, и Ирма взяла трубку. «Как Вам понравились цветы? — спросил Фарук. «Какие цветы?» — удивилась Ирма. Тогда Фарук перешел прямо к делу: сказал, что влюблен в нее и что она — единственный лучик света во мраке его изгнания.

И вдруг телефонные звонки и доставка букетов прекратились. Ирма очень расстроилась. Она даже школьным подругам не посмела ничего рассказать — до такой степени ее запугала матушка.

Примерно через месяц Ирма вышла из школы и не обнаружила машину, на которой всегда возвращалась домой. В некотором отдалении на улице зеленел изумрудом «роллс-ройс» с египетским флажком на антенне. К Ирме приблизился мужчина в темном костюме, назвался секретарем Фарука и спросил, не согласится ли она пройти с ним. Он проводил ее к «роллс-ройсу». На заднем сиденье дождался Фарук в элегантном костюме в тончайшую полоску. Она спросила, где ее машина. «Мы все уладили, — ответил Фарук. — Он вернется только через пятнадцать минут». Фарук погладил ее по голове и снова сказал, что влюблен. «А как насчет тысяч ваших женщин?» — спросила она, вспомнив матушкины нотации. Фарук рассмеялся и ответил, что они для него ничего не значат и что только Ирме удалось завоевать его сердце. Не согласится ли она стать его третьей королевой? У Ирмы брызнули слезы. Она распахнула дверцу машины и убежала. Вскоре обнаружила свое авто и упростила водителя отвезти ее домой. Они договорились: если он ничего не расскажет ее родителям, она тоже будет помалкивать.

В течение двух недель Фарук ничем не напоминал о себе. Однажды на перемене к Ирме подошел школьный сторож и сказал, что ее зовут к телефону. Звонил Фарук. Сообщил, что завтра она получит дюжину роз и что к ним следует хорошенько присмотреться. Назвал адрес виллы «Дасмет» в Гроттаферрата, в горах неподалеку от Рима.

На другой день Ирму снова позвали в сторожку. Прибыли розы. Девушка осмотрела их и обнаружила, что одна — искусственная. В бутоне прятался рубиновый перстень, инкрустированный бриллиантами. Дрожащей рукой она набрала номер Фарука. Сначала пришлось объясняться с тремя секретарями. Наконец она услышала голос экс-короля и сказала, что не надо было покупать ей такого дорогого подарка. «Что ты! — воскликнул он. — Конечно, надо было». — «Но почему — мне?» — удивилась девушка. «Потому, что ты не такая, как все. Потому что ты дитя. Потому что ты чиста. Потому что я тебя обожаю», — последовал ответ.

Затем он взял с нее обещание, что она ежедневно будет думать о нем по часу, пока он через две недели не вернется в Неаполь. Она перевыполнила обещание — думала о нем по двадцать четыре часа в сутки. Жадно читала все, что печатали о нем итальянские газеты и журналы, с болью разглядывала фотографии, на которых он позировал в ночных клубах в окружении артисток и шведских блондинок.

В те же дни Фарука видели в компании роскошной восемнадцатилетней шведки Бригитты Свенберг, бывшей любовницы Лаки Лючано — американского гангстера, депортированного в Италию в 1946 году. Лючано с Фаруком уже встречались в «Кансон дель Маре» у Грейси Филдс. У них было много общего — обоих изгнали с родины, оба узнали вкус большой власти и оба любили красивых женщин. Лючано защитил приятеля от многочисленных покушений — Насер, всегда боявшийся, что западные державы попытаются вернуть Фарука на трон, хотел его ликвидировать. Лючано знал в Италии каждого киллера, о любом заговоре ему мгновенно становилось известно, и Насер, как ни старался, переиграть его не сумел.

Лючано познакомился с Бригиттой вскоре после того, как ее облюбовал американец сицилийского происхождения, пообещав работу в Нью-Йорке. Этот джентльмен дал ей билет до Нью-Йорка с остановкой в Буэнос-Айресе, а ее паспорт забрал на хранение. Лючано

объяснил Бригитте, что ей «посчастливилось» встретить торговца белыми рабами, и Буэнос-Айрес оказался бы вовсе не промежуточной, а конечной станцией. Его стараниями Бригитта получила паспорт назад.

Фарук раза два видел Бригитту с Лючано, а затем обнаружил ее в римском ресторане в обществе молодого приятеля из американского посольства. Экс-король представился, и они провели час за разговором, а потом он подвез ее до дома на пуленепробиваемом «мерседесе». Затем Фарук договорился с Лючано, и Бригитта перешла в его руки. Бригитта любила Фарука за «милые глаза» и за власть над двадцатью с лишним миллионами человек. А он ее — за то, что она, по его словам, напоминала ему Нариман.

Фарук старался не попадать вместе с Бригиттой под объективы, но в такой борьбе папарацци всегда одерживали верх. Бригитта любила находить в газетах свои фото, чего нельзя сказать об Ирме. Кроме того, Ирме было обидно за жену Фарука, всегда прозябавшую на заднем плане. Но история Нариман вселила в нее надежду, так как, когда Фарук познакомился с Нариман, она тоже была шестнадцатилетней светловолосой и девственной простолюдинкой.

По возвращении Фарука в Неаполь Ирма ушла из школы, не дожидаясь конца занятий, и на электричке добралась до Посилипо, рыболовецкого порта. Она встретилась с экс-королем в отдельном кабинете ресторана. Расставаясь, Фарук вручил ей письмо с душевными излияниями. Дома Ирма снова и снова его перечитывала.

Затем опять наступила долгая пауза. Внезапно в марте 1953 года в прессе поднялась шумиха из-за того, что Нариман бросила Фарука. Она собралась улететь в Каир, развестись по исламскому закону и добиться, чтобы четырнадцатимесячного сына Фуада отдали ей на воспитание.

В крушении этого брака Фарук обвинил новых правителей Египта. Они применили «самое сильное оружие на свете — тещу», сказал он репортерам. Он заявлял во всеуслышание, что мать Нариман — «самая ужасная женщина в мире».

Несомненно, разрыв Фарука с женой был только на руку революционному египетскому режиму, ведь Фарук был смещен, но монархия еще не уничтожена. Так что маленький Фуад, по сути, был королем Египта и Судана, а по законам ислама мать имеет неоспоримые права на ребенка, пока ему не исполнится семь лет.

Через несколько недель Фарук снова позвонил Ирме в школу. Попросил пожить у него. Для Ирмы это было равносильно предложению руки и сердца.

Ирмин папа-ретроград был возмущен до глубины души, а вот маме Фарук уже не внушал прежнего отвращения. От нее не укрылось, как сильно влюблена ее дочь. Благоприятное впечатление произвел и рубиновый перстень, и хотя последнее время Фарук жаловался на финансовые затруднения, его считали одним из самых богатых людей в мире.

В то лето сеньора Капече-Минутоло сказала мужу, что Ирме следует поучиться в римской школе иностранных языков — отшлифовать французский. Сеньор Капече-Минутоло возразил, что французский Ирмы не нуждается в улучшении. Тогда сеньора Капече-Минутоло предложила, чтобы Ирма набралась ума-разума у «Сестер святого сердца» в их школе, расположенной в Риме у Испанской лестницы.

Муж согласился. В день отъезда дочери он был очень занят и не смог ее проводить. Девушка сама добралась до вокзала; там ее ждал «роллс-ройс» Фарука. Он привез Ирму в королевскую виллу под Гроттаферрата. Ей предоставили целое крыло здания с огромной мраморной ванной — точь-в-точь как в фильме Риты Хэйворт, о котором Ирма как-то раз упомянула в разговоре с Фаруком. Ее учили хорошим манерам, музыке, литературе и верховой езде. Чтобы нарядить Ирму для предстоящего «дебюта», пригласили лучших кутюрье и меховщиков.

Торжественный выход Ирмы в свет состоялся на римской виа Венето, в доме «дольчевита». Там Фарук и Ирма тотчас стали королем и королевой толпы завсегдатаев ночных клубов. Фарука постоянно окружали красивые женщины, но Ирма задушила в себе ревность, и король не обделял ее вниманием. На рассвете вся честная компания вернулась на

виллу Дасмет. Фарук целомудренно облобызал Ирме руку. Она ушла в свое крыло и не виделась с ним до девяти вечера. А потом они снова кутили всю ночь напролет. При таком образе жизни Ирма не могла не привлекать к себе внимания, тем более, что Фарук покупал ей платья с глубоким вырезом. Вскоре итальянцы прозвали ее «Irma Carape de Totalo» — «Ирма Способная На Все». Через месяц каждая скандальная газетенка в Италии считала своим долгом напечатать ее фото на первой полосе. Папа-ретроград был в бешенстве.

Галантный Фарук отправился в Неаполь, чтобы почтить визитом семью Ирмы. Отец поинтересовался, почему Фарук не спросил разрешения, прежде чем увез девочку. «Потому что Вы бы навсегда заперли ее в католической школе», — ответил Фарук.

Видя, что Ирма стала официальной любовницей Фарука, Бригитта решила с ним порвать. Ей не хотелось находиться на втором плане. В качестве прощального подарка Бригитта предложила Фаруку новоиспеченную «мисс Вселенную» — молоденькую финку по имени Арми Куусиа, работавшую у ее тети. Бригитта обещала написать Арми, спросить, интересно ли это ей. Она вернулась в Швецию и там свежие впечатления о Лючано и Фаруке изложила на бумаге, что и послужило трамплином для ее успешного прыжка в писатели.

Фарук увез Ирму в полугодовое турне по Европе. Она познакомилась с кинозвездами, видными политиками, членами королевских семейств. Она даже ужинала с Малюткой Гогенлое в Кицбюэле — правда, Фарук с ужина ушел, заподозрив, что сидящая рядом англичанка — агент Насера и собирается его отравить.

От Ирмы он требовал сущих пустяков. В путешествиях они всегда селились в отдельных номерах. В Риме он снял ей апартаменты в своем квартале, но виделись они лишь дважды в неделю. Когда она подумывала, не пойти ли ей в оперные певички, он оплатил уроки пения и устроил ей в Неаполе триумфальный дебют. Зато перестал водить в ночные клубы и никогда не брал в казино.

И, разумеется, он не прекратил дурачиться. Писатель Гор Видал вспоминал однажды вечер на виа Венето, проведенный в обществе Фарука: «Бывший король целовал проститутке сосок, и тут налетел мотоциклист и вырвал у нее сумочку. Не отрываясь от соска, Фарук рассмеялся, а затем дал ей денег, чтобы не слишком переживала».

Ирма узнавала из газет и журналов, что он встречается с другими женщинами, Видал их прозвал «охотницами на толстяков». Но Фарук не желал обсуждать с Ирмой свои интрижки, и она верила, что вся его любовь принадлежит ей одной. По ее словам, Фарук был «ревнивей Отелло». Однажды она, не предупредив его, решила сама прокатиться в Анцио на «роллс-ройсе» до берега и вскоре узнала, что ее разыскивает половина итальянской полиции. В другой раз на нее загляделся шофер и сразу был за это уволен.

Сам Фарук распутничал без передышки, но они с Ирмой оставались друзьями до последнего его дня, когда он в 1965 году умер в возрасте сорока пяти лет. В тот вечер невероятно тучный Фарук сидел в ресторане со своей подружкой, шикарной блондиночкой Аннамарией Гатти. Она снимала квартиру на виа Остиенсе. Фарук сам приехал за ней. Телохраниителей теперь у него не было. Он ездил на «фиате 2300» с дипломатическими номерами — «роллс-ройс» пришлось продать. Фарук с Аннамарией решили поужинать в придорожном ресторанчике на виа Аурилья Антика, он назывался «Иль-Де-Франс». Фарук съел дюжину сырых устриц в табачном соусе, омара «термидор», жареного ягненка с картофелем фри, каштановый крем «Монте Бианко», два апельсина, залил все это двумя большими бутылками минеральной воды и кока-колы. Закурил гаванскую сигару, обязательную для поддержания его имиджа, как и ношение темных очков, а затем схватился за горло и рухнул на стол. Посетители ресторана приняли это за очередной королевский розыгрыш. Когда поняли, что Фарук вовсе не шутит, было слишком поздно.

Он скончался, не доехав до больницы.

Многие экспатрианты-роялисты убеждены, что его отравили. С другой стороны, он весил почти сто сорок килограммов и вечно жаловался на высокое кровяное давление. В свидетельстве о смерти говорится о кровоизлиянии в мозг. Вскрытия и расследования не проводилось.

На теле Фарука были обнаружены две тысячедолларовые банкноты, бумажник с купюрами по десять тысяч лир, золотая аптечка с таблетками от высокого давления и «беретта» калибра 6,35 — он опасался наемных убийц.

Его спутница Аннамария Гатти вскоре исчезла. Ирме разрешили идти за гробом на похоронах, рядом с ней шла Фарида — первая жена Фарука — с дочерьми. Тринадцать лет Ирма считалась официальной любовницей Фарука, и общественность видела в ней третью королеву.

Актерскую славу ей принесла роль суперсексапильной оперной певицы в фильме Франко Дзефирелли 1988 года «Молодой Тосканини». Ее партнершей была Элизабет Тейлор.

Глава 15 Павлиний трон

Последний иранский шах во многом подражал своему отцу, Резу-хану, учился у него всяческим уловкам и приемам. Первая жена Резы-хана, Тадж-аль-Молук, была натурой сильной и умела мириться с его похождениями «на стороне». Она родила ему двойняшек — Мохаммеда и его сестру Ашрат.

В 1922 году у Резы-хана был очень громкий роман с Азиз-ханум, любимицей богатых тегеранцев. Вскоре он понял, что эта интрига опасна для его престижа, и прибег к помощи мужелюбивого исламского закона — он взял Азиз второй женой в дом. Вторая жена обязана подчиняться первой, но даже это обстоятельство не заставило Тадж-аль-Молук жить с нею под одной крышей. В довершение всего в том же году Реза-хан обзавелся третьей женой, Туран-ханум, дочерью катарского принца Махда-ад-Девлея, и она родила ему сына. Однако не прошло и года, как они развелись.

На следующий год Реза-хан исчерпал исламскую квоту, женившись на шестнадцатилетней Исмат-ханум, тоже принцессе из Катара. Он позаимствовал у подданных денег на новую резиденцию и в конце 1923 года поселился там с Исмат. У Тадж-аль-Молук, первой жены, он проводил лишь два дня в неделю. Разумеется, это был не лучший вариант для поддержания супружеской гармонии.

«Зачем только я отдала тебе молодость и красоту?» — вопрошала первая жена, но поделаться ничем не могла. Нет никаких сомнений в том, что Реза искренне любил Исмат. Она родила ему четверых сыновей и одну дочь. Но Тадж-аль-Молук была матерью первого сына и наследника. О разводе не могло быть и речи.

В 1925 году Реза захватил власть и получил титул шахиншаха — царя царей. В 1939 году он совершил роковую ошибку, приняв сторону Гитлера. Тегеран стоял на крайне важном для России пути снабжения, поэтому британцы свергли Резу-хана и посадили на трон его сына.

Первую свадьбу Мохаммеда устраивал его отец. Облюбованную им девицу звали Фавзия, эта семнадцатилетняя дочь короля Фарука считалась настоящей красавицей. Она получила образование в Швейцарии и была представлена едва ли не ко всем королевским дворам, в том числе и к Сент-Джеймсу.

Жизнь в Иране — довольно отсталой стране — ее не прельщала. Зато Фарука привела в восторг идея заключить с Персией дипломатический союз, как в стародавние времена. Он уже хлопотал, чтобы выдать двух других сестер за иракского царя Файзалу и иорданского принца крови Талала, лелея надежду создать панарабский союз.

До свадьбы жених и невеста встречались только раз — в каирском дворце Абдин. Затем пришлось дожидаться второй церемонии в Тегеране, и только после этого они смогли начать брачные отношения.

Путешествие Фавзии в Тегеран более чем с двумя сотнями мест багажа оказалось тяжелым испытанием для тех, кто его обеспечивал. Она везла с собою двести платьев, сто шестьдесят пар обуви, семь меховых мантий и огромное количество драгоценностей. Одно

лишь свадебное платье стоило десять тысяч фунтов.

На следующий год Фавзия родила девочку, ей дали имя Шахназ. Брак, правда, оказался не из счастливых. Жена обзавелась привычкой до обеда валяться в постели, тратить часа два на одевание, а остаток дня — на карты или езду в автомобиле. С 1942 года она жила в отдельных апартаментах и редко проводила с мужем ночь. Шах жаловался, что Фавзия постоянно находит причины, чтобы не исполнять супружеский долг. А придворные дали ей прозвище Фригидная Венера.

Шах принялся ухаживать за другими женщинами, и Фавзия, узнав об этом из анонимных писем, отплатила мужу той же монетой. Поползли слухи, что единоутробный брат шаха принц Голам-реза стал любовником Фавзии. Позднее злые языки утверждали, что она встречается с Таки Имами, местным теннисистом-профи. Имами вскоре отвадили от двора и запретили ему выезд из страны.

Один из ближайших помощников шаха сделал неминуемым серьезный разговор между супругами. Однажды он привел королеву на маленькую виллу, расположенную неподалеку от дворца, и там она обнаружила в компрометирующих позах шаха и светскую диву Пэриханум. Шах робко попытался дать этой сцене невинную трактовку. Фавзия убежала к себе, заперлась и проплакала несколько часов.

В 1945 году Фавзия вернулась в Каир. Шах согласился с нею развестись в 1948 году, но при этом обвинял ее в неверности, умалчивая о своих похождениях. Через пять месяцев Фавзия вышла замуж за Исмаила Ширина, племянника одной из любимых Фарука.

Больше года родственники шаха искали по всему миру новую невесту. Его сестре-двойняшке Ашрат приглянулась Нина Бахтияр, но две другие сестры, принцессы Шамс и Фатима, строили собственные планы. Обоем не терпелось опять быть на первых ролях. Принцесса Шамс угодила в опалу, когда развелась с мужем и вышла замуж за сына военного музыканта, а Фатима вопреки воле шаха вступила в брак с американским авантюристом Патриком Хильером. Они выбрали для шаха свою кандидатуру — восемнадцатилетнюю Сорайю из Лондона. Девушка жила в одной из гостевых комнат Кенсингтонского дворца и изучала иностранные языки в частной английской школе.

В Тегеран послали фотографию этой девушки, и шах решил побеседовать с ней. Сорайя была дочерью Халиля Исфанди, вождя небольшого племени, и Евы Карл, родившейся в Москве от брака немца и жительницы Прибалтики. Халиль и Ева встретились и поженились в Берлине и переселились в Иран. Там и родилась Сорайя. Когда ей исполнилось пятнадцать лет, семья вернулась в Европу. Сорайя окончила там школу, а ее отец, играя в казино, залез в огромные долги.

Принцесса Шамс вернулась в Тегеран и привезла с собой Сорайю. Мать шаха устроила ужин, чтобы представить невесту братьям и сестрам.

Шамс и Фатиме удалось тайком привести своих мужей. Когда без доклада явился сам шах в одном из своих пышнейших мундиров, Сорайя впала в прострацию. И все же она произвела на него выгодное впечатление, особенно понравились ее красивые зеленые миндалевидные глаза. Шамс было велено спросить у Сорайи, не согласится ли она выйти замуж за шаха. Он хотел получить ответ в тот же вечер. «В таком случае, мой ответ — да», — сказала Сорайя.

Был назначен день свадьбы, но в Тегеране вспыхнула эпидемия тифа, и Сорайя заразилась. Врачи уже не надеялись ее выводить. В отчаянии шах обратился к своему другу, подполковнику Кариму Аяди, военному ветеринару, с просьбой попытать счастья — вдруг да удастся спасти юную невесту от верной смерти.

Аяди совершил поистине чудо, вылечив Сорайю новым препаратом под названием ауриомицин, о котором он прочитал во французском журнале. Лекарство доставили самолетом из Америки. За это Аяди, всего лишь четыре года назад получивший медицинский диплом, был удостоен должности личного врача шаха.

К свадьбе из Парижа выписали платье от Кристиан Диор, но оно оказалось слишком тяжелым для слабой после болезни Сорайи, поэтому Аяди и шах к ужасу французского

кутюрье отрезали десять ярдов шлейфа. Сорайе, чтобы не мерзнуть, велели надеть толстые шерстяные армейские носки, а поверх платья от Кристиан Диор и под меховую мантию — кардиган. Фотографии невесты пришлись иранцам по душе, их порадовало, что шах женится на девушке упитанной, а значит, красивой.

Однако вскоре Сорайя стала непопулярна, и не только из-за худобы. Она не освоила персидский язык, и ее ребяческие манеры раздражали придворных. Правда, шах находил ее наивность очаровательной и исполнял каждую прихоть женушки. Он то и дело увозил ее в какое-нибудь романтическое укромное гнездышко. Они очень любили друг друга. Но за пять лет брака она так и не забеременела, и у шаха не появился сын. Вдобавок Сорайя была невероятно ревнива, и ему лишь тайком удавалось посещать дочь от первого брака.

Народ заговорил о «немецкой короле», вдобавок «яловой». В шаха вцепились муллы. Исламский закон позволял ему взять вторую жену, и хотя шах отказывался, Сорайя была уверена, что рано или поздно он передумает.

Однажды на балу Сорайя увидела, как шах танцует с красивой блондинкой, и предъявила ультиматум: либо он отречется от престола и будет с нею жить за рубежом, либо пускай оставляет себе корону ценой брака. В ту же ночь она сбежала из Тегерана. Сорайя обосновалась в Санкт-Морице, и шах отрекся от нее по мусульманскому обычаю. Он дал ей восемьдесят тысяч долларов отступного. У нее остались накопленные за годы супружества драгоценности, к тому же шах даровал ей титул «императорское величество». Они переписывались и однажды договорились неофициально встретиться, но оба передумали.

Итак, в начале пятидесятых годов шаху понадобилась новая жена. Матушка Тадж-аль-Молук опросила множество претенденток. Ежедневно в газетах публиковался очередной список шахских невест, и родители девиц на выданье предлагали журналистам солидные взятки, чтобы их любимые чада попадали в реестры кандидаток.

А тем временем шах не знал недостатка в коротких связях. Он встречался с двадцатидвухлетней Дохи, девятнадцатилетней Сафи и немецкой киноактрисой по имени Хельга Андерсон. У него сложились довольно серьезные отношения с принцессой Марией-Габриэлой Савойской, дочерью бывшего итальянского короля Умберто. Они познакомились в Швейцарии, полюбили друг друга и даже говорили о свадьбе. Проблема заключалась в том, что Мария-Габриэла не была персиянкой или хотя бы мусульманкой.

Впрочем, можно было легко изменить ее национальность с помощью императорского указа. Иранское посольство в Париже начало подготовительную работу. Персы щедро платили французским спецам по генеалогии, чтобы Мария-Габриэла оказалась потомком принцессы Зелиды, дочери Мухаммеда II, мавра, правившего Севильей в XI веке. Пресса заявила, что шах решил выбрать женщину с безупречной исламской родословной.

Разумеется, Марии-Габриэле пришлось бы перейти в мусульманство, иначе бы ее заживо съели аятоллы. Но тут возникла заковыка — бывший король Умберто считал себя добропорядочным католиком и очень этим гордился. Намерение дочери поменять вероисповедание встретило решительный отпор с его стороны. Королю Умберто предлагали большие суммы. Постепенно он слегка остыл и обещал снять возражения, если папа римский благословит свадьбу.

В феврале 1959 года шах нанес непродолжительный визит папе Иоанну XXIII, и тот сказал, что не даст благословения на брак, пока шах не перейдет в католическую веру. Это было совершенно невыполнимо. Через три месяца иранское правительство заявило, что слухи о предстоящей женитьбе его императорского величества на иностранной подданной сильно преувеличены. У шаха-де и в мыслях не было брать в жены немусульманку.

Спустя несколько месяцев принцесса Шахназ, сестра шаха, и ее муж Ардезир Захеди подыскивали новую невесту — восемнадцатилетнюю Фарах Диба. Девушка проводила дома летние каникулы, она вернулась из парижской Ecole des Beaux Arts¹⁹, где изучала

¹⁹ «Школа изящных искусств» (фр.).

архитектуру. Ее нашли очень миленькой и решили познакомить с шахом. Однако он уже встречался с нею на официальном приеме, организованном для студентов-персов в иранском посольстве в Париже. Но на той встрече девушка почти не произвела на него впечатления. «Как же ты мог забыть, что видел меня? — упрекала она его позднее. — Разве у нас любовь не с первого взгляда?»

В памяти самой Фарах то событие запечатлелось очень ярко. Решив во что бы то ни стало побывать на приеме, она поссорилась с двумя друзьями-коммунистами. В посольстве ее оттерли в сторону роялисты, толпой ринувшиеся к царю царей. Чтобы восстановить порядок, студентов представляли шаху по одному. Когда пришла очередь Фарах, шах выразил удивление — неужели женщина может мечтать о профессии архитектора?

«У него такие печальные глаза! — писала Фарах матери. — Красивые, печальные глаза». В Париже она услышала о разрыве шаха со второй женой и написала матери: «Только что узнала: его величество расстался с Сорайей. Какая жалость!»

В то лето французская пресса азартно обсуждала поиски шахской невесты, и друзья-студенты постоянно дразнили Фарах. На одной из вечеринок все подписали бумагу, в которой утверждалось, что она станет шахиней. Когда она приехала домой на каникулы, родственники уговорили ее побывать в Хессараке, резиденции Захеи. Ее представили принцессе Шахназ. Потом женщины много раз встречались, и Фарах поняла, что за ней внимательно наблюдают.

Шахназ познакомила ее с правящим семейством. На одном из чаепитий побывал шах. Фарах быстро оправилась от потрясения и напомнила ему о предыдущей встрече. Шах проявил лишь вежливый интерес.

Фарах была атлетически сложена, ее черные глаза в Персии считались образцом красоты, но она была брюнеткой, а шах славился тем, что отдавал предпочтение блондинкам.

Настало время возвращаться в Париж, а о свадьбе между тем не было сказано ни слова. Шахназ попросила Фарах дня на два отложить отъезд, и на последнем приеме в Хессараке шах дал понять, что всем, кроме Фарах, следует выйти. «Я хочу с вами поговорить наедине, — сказал он. — Надеюсь, вы не возражаете». Он объяснил, почему его первые два брака завершились разводами и с какой ответственностью (а может, и опасностью) связана жизнь шахини. А затем попросил Фарах выйти за него замуж.

И хотя он был более чем вдвое старше, Фарах не колебалась. «Ваше величество, это большая честь», — промолвила она. И он впервые взял ее за руку. Позже она спросила, почему он выбрал именно ее. Шах ответил: «Мне понравилась твоя простота, твоя чистота».

Но почему согласилась она? Кого она любила, человека или монарха? «Он был и тем, и другим, — говорила Фарах. — И я знала, что люблю мужчину, который просит меня выйти за него замуж». Через десять месяцев после свадьбы шах сам отвез жену в родильный дом, где на свет появился мальчик. Это принесло ей огромную популярность среди иранцев. Мало того, что Фарах была чистокровной персиянкой — она подарила трону наследника. На торжестве в честь рождения ребенка шах отпустил девяносто восемь политических заключенных и урезал подоходный налог на двенадцать процентов.

В первые годы замужества Фарах получала множество анонимных писем — ее предупреждали о неспособности супруга сохранять верность одной женщине. Единственное предназначение Фарах, утверждалось в письмах, — рожать детей, а шах тем временем ищет земных утех на стороне. За пять лет Фарах родила троих.

И хотя шах ее короновал, он действительно не был ей верен. Вся Персия знала, что женщины — слабость шаха и что они всячески этим пользуются. «Чтобы расти в чинах, надо сводничать», — сказал один придворный.

Генералы Мохаммед Хатам и Амир-Асадолла Алам сколотили немалые состояния, снабжая шаха куртизанками. Личный врач шаха генерал Абдул-Карим Аяди подыскивал ему «компаньонку» в западноевропейских светских кругах. Отбирались преимущественно большеберотые блондинки. Особым спросом пользовались стюардессы «Люфтганзы».

Ходили слухи, что во Франции у него есть внебрачный ребенок, а некая любовница

прислала в иранское посольство в Париже огромный счет за платье «от кутюр». Но случалось шаху одерживать победы и поближе к дому. Однажды в вертолете, зависшем над Исфаханью, он занялся любовью с дочерью своего министра.

Джулио Андреотти, бывший премьер-министр Италии, вспоминал, как шах посетил кинофестиваль в Венеции. Его величество шокировал начальника местной полиции, попросив на ночь женщину. Префект ответил: «Это как раз работа для полиции!»

По сообщениям дипломатов, двор иранского шаха «насквозь пропах сексом».

Все, кому не лень, сплетничали о его последней фаворитке. Мохаммед Реза Пехлеви даже не пытался скрыть свои похождения от супруги. Кажется, во дворце шаха только она оставалась целомудренной. Особенно славилась сексуальными приключениями сестра шаха Ашраф. Поговаривали, что принцесса сфотографировалась обнаженной с американским сенатором. В 1976 году в одном из докладов ЦРУ утверждалось, что она приобрела «почти легендарную репутацию финансового коррупционера и удачливой охотницы на молодых мужчин», многие из которых в награду за свои «заслуги» получили государственные посты.

При шахе всегда состоял сводник Амир-Хушан Даваллу, носивший титул «особый дворецкий его величества». Императрица Фарах считала Даваллу придворным шутом, так как «он смешил шаха». Среди придворных только Даваллу имел право входить к шаху в любое время. Он мог даже войти без доклада в личные покои Мохаммеда.

Свою карьеру Даваллу начинал сутенером в сороковых годах в Париже, обеспечивая фашистских офицеров «эскортом». Одно время среди его клиентов числился Герман Геринг. Даваллу наладил связи с парижским домом мадам Клод, куда навещался даже марокканский король Хасан. Клод набирала начинающих «девушек по вызову», многие из ее «питомиц» потом удачно вышли замуж. В годы, когда шах удерживался у власти благодаря стараниям своей жестокой тайной полиции «савак», она бесперебойно снабжала его женщинами. Одна из девушек мадам Клод, высокая, хорошо сложенная блондинка, именовавшая себя Анж, впоследствии поделилась своими впечатлениями.

Она рассказала, как в 1969 году провела в Тегеране несколько месяцев. Прилетев туда первым классом, она встретила в аэропорту с молодым человеком из министерства двора. Он доставил ее в «Хилтон» на «мерседесе» с темными стеклами. Там они жили в соседних номерах, и он пытался ее соблазнить, но Анж хорошо запомнила наставления мадам Клод — если она уступит, то первым же рейсом вернется в Париж и заплатит огромный штраф. Ее ласки предназначались для одного шаха.

Три дня Анж ничего не делала, лишь отбивалась от поклонника и училась правильно приседать — ей сказали, что шах требует реверансов. На четвертый день ее отвезли в северный район Тегерана на виллу, наполненную охранниками. Девушку привели в комнату, где стол ломился под тяжестью яств. Она заметила бутылку бренди и глотнула прямо из горлышка, чтобы успокоить нервы. Потом сделала еще глоток. Через три часа пришел шах — к этому времени она уже напилась в стельку. Попыталась сделать реверанс и не удержалась на ногах. Шах пожал ей руку. «Но я должна сделать реверанс», — сказала она, предпринимая очередную попытку. Мадам Клод предупреждала, что шах любит пить и танцевать. Анж налила ему бренди и начала танцевать танго. Затем потащила его вверх по лестнице, не ведая, что в аэропорту ему предстоит встреча с шахиней. Он опоздал на целый час — был ужасный скандал.

Шаху необычайно понравилось общество Анж, и он настоял, чтобы она подольше погостила в Тегеране. Она безвылазно сидела в отеле, и он посещал ее дважды в неделю. «Он всегда был со мною очень мил, — рассказывала она. — Добр, ласков и щедр. Не то что арабы». В спальне они часто устраивали разные игры. Шах много смеялся, но его окружали суровые набожные мужи, и Анж чувствовала, что он глубоко несчастен.

Вскоре затворничество наскучило Анж. Все вокруг знали, чем она занимается, и следили за ней. Даже в бассейн пойти без охраны она не могла. Бывать наедине ей не позволялось — рядом всегда находился юнец из министерства. Он был смазлив и не оставлял надежд с нею переспать. Приглашал ее поужинать у него в номере, а когда она

входила, появлялся из ванной комнаты в купальном халате нараспашку. «Обещаю, никто не узнает», — твердил он. Но она не соглашалась. Один из соседей, американский бизнесмен, предлагал ей тысячу долларов, но и ему она отказала. «Я здесь ради шаха», — объясняла она.

Через полгода Анж решила: с нее хватит. «Ты не сможешь улететь, — сказал паренек из министерства. — Ты развлекаешь его величество». Но она улетела.

В 1970 году шах прибыл в Париж на похороны де Голля и хотел с нею встретиться, но Анж собиралась на рыбалку с приятелем и не согласилась изменить планы. Мадам Клод рвала и метала. Пришлось искать для шаха другую «компаньонку». С благословения мадам Клод сотни молодых женщин посетили Тегеран.

Фарах изо всех сил старалась ничего этого не замечать. Лишь однажды легкомыслие ее мужа привело к серьезной ссоре. В начале семидесятых годов возник слух, будто шах влюблен в девятнадцатилетнюю персиянку, крашеную блондинку по имени Гильда. Хуже того, он якобы решил на ней жениться и поселить ее в коттедже возле дворца.

В конце 1972 года Фарах неожиданно отбыла в Европу. ЦРУ докладывало: муссируются слухи о размолвке между шахом и Фарах. Есть предположение, что к этому приложила руку Ашраф, но, скорее всего, настоящая причина в том, что у шаха был флирт с другой женщиной.

Королева Фарах вернулась и потребовала, чтобы шах избавился от Гильды. На выручку шаху пришел его зять, генерал Хатами, муж его сестры принцессы Фатимы. Хатами великодушно согласился взять Гильду себе в любовницы. По некоторым сведениям, шах был ему очень благодарен.

В 1973 году неустрашимая итальянская журналистка Ориана Палаччи спросила у шаха на аудиенции, правда ли, что у него есть вторая жена. «Это глупая, грязная, отвратительная клевета», — отпирался шах. «Ваше величество, вы же мусульманин. Религия позволяет вам взять в дом еще одну жену, не отвергая императрицу Фарах», — напирала журналистка. «Да, конечно, — смягчился он. — Согласно моей религии, я могу взять вторую жену, если первая не будет возражать. И, говоря откровенно, следует признать, бывают случаи... когда, например, жена болеет или отказывается исполнять супружеские обязанности, тем самым причиняя огорчение мужу... Давайте смотреть правде в глаза. Только очень лицемерный или наивный человек скажет, что муж будет терпеть такое положение вещей. Если нечто подобное происходит в вашем обществе, разве мужчина не заводит любовницу, а то и не одну? Ну, а в нашем обществе мужчина заводит вторую жену».

В январе 1979 года Фарах вместе с мужем отправилась в изгнание. Они в конце концов осели в Панама — генерал Норьега заверил шаха, что в его стране у каждого мужчины есть не только жена, но и любовница. Норьега даже оказывал ему услуги сводника. Однажды он снял на вечер номер в гостинице «Панама» и заказал молодую женщину, настояв, чтобы прислали не шлюху, а девушку из порядочной семьи. Шах с нею отужинал, а затем они вместе провели ночь. Возможно, это была последняя ночь любви в его жизни. В июне 1979 года он скончался, а верная Фарах сидела у его смертного одра.

Глава 15

Разудалые Сауды

Король Фахд и династия Саудов насаждают в Саудовской Аравии строгие нравы. Но хотя большинству подданных пустынного королевства строжайше запрещены пьянство, азартные игры, любование порнографией и интимные связи на стороне, королевское семейство пользуется относительной свободой в этом отношении.

Ибн Сауд — основатель королевства и отец последних трех королей — правил с 1953 по 1964 год. Его отношение к женщинам отличалось простотой. В годы его царствования в Саудовской Аравии не существовало школ для девочек. Считалось, что учеба не идет девочкам впрок. Никогда женщина не сидела за его столом, а свой гарем он держал в подвале без окон. «Через окна лазят любовники», — говорил правитель.

Но не стоит думать, что он был чересчур ревнив. Когда Сауд развелся с одной из своих жен, Хассой Аль Судейри, она вышла замуж за его брата. Сауд решил, что хочет ее вернуть, уговорил брата развестись и снова поселил Хассу в своем подвале. Потом она родила ему семь сыновей, в том числе нынешнего короля Фахда.

Но сексуальные отношения бывают не только для того, чтобы рожать детей, это еще и инструмент политики. Сауд пытался объединить народ с помощью брачных уз, для чего взял в жены представительниц тридцати с лишним племен. У него были постоянно четыре жены, четыре любовницы и четыре хорошенькие рабыни. Через браки он породнился с большинством жителей Саудовской Аравии.

Вдобавок Сауд слыл большим позером. Когда в племени распространился слух, что его покидает мужская сила, он прибыл с неожиданным визитом и посрамил злопыхателей, дефлорировав одну из девственниц. Как-то раз он даже походя упомянул, что сделал женщинами семьсот девиц. Лишив невинности очередную красотку, он тотчас сбывал ее с рук. Среди счастливиц, удостоенных его подарка, был английский двойной агент Ким Филби.

Когда Сауд гостил в Египте, от него услышали такое предложение: «В этой стране полно хорошеньких женщин. Я бы не прочь кое-кого увезти домой. Как насчет ста тысяч фунтов?»

Сауд хвастал, что не видел лица ни одной из женщин, с которыми спал. На закате его царствования около десяти процентов врачей в стране искали способы сохранить мужскую силу стареющего короля.

Сыновья Сауда пошли по его стопам. Когда он уезжал за границу, они обзаводились десятками наложниц и предавались пьянству. Однажды принц Назир напоил гостей самогоном собственного приготовления и четверых из них отправил на тот свет. Отец его простил великодушно. Чуть хуже обстояло дело с принцем Мишари, застрелившим в Джидде английского вице-консула, когда тот отказался угостить его виски. Вдове вице-консула выплатили компенсацию в семьдесят тысяч фунтов, а принц Мишари просидел несколько месяцев в тюрьме. За употребление спиртного в то время обычно порол, а иногда даже публично казнили.

Молодые принцы любили также поразвлечься за границей. Со слов отца они знали, что каждая молодая женщина в бикини продажна. Особенно понравился одному из принцев ресторан с огромным аквариумом, в котором под водой плавали женщины. Сыновья Сауда проводили ночи с дорогими проститутками, оставляли за собой кипы неоплаченных счетов и каждому встречному дарили золотые часы с отцовским портретом. За один только год им удалось раздать тридцать пять тысяч часов, а тем временем их счета оплачивали американские нефтяные компании, стремясь заслужить благодарность будущих правителей самой богатой нефтью страны.

В 1953 году Ибн Сауд умер, и его сын, тоже носящий имя Ибн Сауд, взошел на престол. Он постоянно болел и почти все время проводил в заграничных клиниках и на курортах. В 1964 году его отлучкой воспользовался брат Файзал — с помощью других братьев он захватил власть. По просьбе жены Файзал открыл школу для девочек, но больше ничего не делал для облегчения участи своих подданных женского пола. Через несколько лет его спросили, не собирается ли он дать женщинам гражданские права. Он ответил: «Не раньше, чем мы их дадим мужчинам».

В 1975 году удачное покушение на жизнь Файзала совершил его племянник. На престол взошел брат Халид, а в 1982 году, когда он умер, королем стал Фахд. Но женщины этой страны так и остались бесправны. Им даже запрещено водить машины. В 1991 году большая группа преподавателей женского колледжа в знак протеста организовала автопробег. Их уволили с работы, арестовали и дали тюремные сроки.

Женщинам этого королевского семейства образование принесло мало пользы. Им полагалось сидеть дома сложа руки, никакая работа, даже благотворительная, не поощрялась. Они пристрастились к сексу по телефону и, отправляясь за покупками,

запасались клочками бумаги со своими телефонными номерами — на случай знакомства с привлекательными мужчинами. Многие обзаводились любовниками, другие платили за интимные услуги.

О том, сколь высока была цена подобных походов, телекомпания «Эй-Ти-Ви» сняла фильм «Смерть принцессы» — о судьбе принцессы Мишааль, которая, на свою беду, влюбилась. Она обучалась в Бейруте — городе, открытом влиянию Запада. В семнадцать лет девушка вернулась в Саудовскую Аравию и была отдана замуж за королевского родственника. Он не уделял ей должного внимания, а когда она попыталась протестовать, развелся с ней. Путешествуя по Европе, она познакомилась с молодым ливанцем по имени Мухаммед Аль Шер, имевшим прочные связи с домом Саудов. Его дядя служил в Саудовском правительстве. Принцесса Мишааль вернулась в Саудовскую Аравию и попросила у родственников разрешения выйти за него замуж. Родня отказала. Мишааль попыталась бежать из страны, переодевшись мальчиком, но ее опознали. Тем временем ее возлюбленному удалось проникнуть в страну. Они встретились в джиддской гостинице, и там их арестовали.

К несчастью, Мишааль была внучкой одного из сыновей Ибн Сауда-Мохаммеда — по прозвищу Греховная Двойня. Прозвище олицетворяло его пристрастие к алкоголизму, а также буйный характер. Во хмелю он бывал так неистов, что его боялись даже трое братьев, деливших с ним престол. В 1964 году, в один из редких моментов трезвления, он отрекся от трона.

Он посадил свою внучку принцессу Мишааль с любовником в тюрьму и потребовал, чтобы его брат — король Халид — приговорил их к смерти. Когда тот отказался, Греховная Двойня отправился к имаму. Мусульманские судьи затянули расследование, поэтому Греховная Двойня сам вынес смертный приговор. А когда палач усомнился в его законности, Мохаммед поручил расправу своим телохранителям.

В июле 1977 года принцессу Мишааль и Мохаммеда Аль Шера приволокли на пыльную площадь на окраине Джидды. Казнь была беспрецедентной: Мишааль расстреляли на глазах у Мухаммеда. Затем обезглавили его, а туловище расчленили. Через два дня народу сообщили, что принцесса Мишааль случайно утонула.

Однако служанка принцессы Мишааль, немка Розмари Бишоф, знала всю правду. Историю несчастной любви услышал английский телепродюсер и снял «Смерть принцессы». Показать фильм удалось ценой невероятных усилий. Компания «Мобайл Ойл», спонсировавшая американскую «Пи-Би-Эс», приостановила финансирование, боясь, что фильм осложнит саудовско-американские отношения. Число туристов из Саудовской Аравии в Лондоне снизилось на семьдесят процентов, а правительство пустынного государства потратило пятьсот миллионов долларов на покрытие ущерба.

Принцесса Мишааль — далеко не единственная жертва исламских суеверий в Саудовской Аравии. Через восемь месяцев после демонстрации фильма «Смерть принцессы» другой принц обратился к королю Халиду с просьбой покарать его распутную дочь. Король, боясь очередного международного скандала, посоветовал брату как-нибудь обойтись самому. Тот так и сделал — утопил дочь в плавательном бассейне при дворце. И снова прессе сообщили, что это был несчастный случай. Между прочим, отец утопленницы был женат тридцать шесть раз.

Глава 17 Отец Али

Мало кто сомневается в том, что Саддам Хусейн — настоящее чудовище, однако на свете хватает женщин, которые считают кустистые усы, оливковый мундир, железный кулак и равнодушные к чужим жизням неотразимо сексапильными.

Половая жизнь Саддама началась довольно рано. Поучаствовав в покушении на жизнь иракского президента Касема (Саддам лишь прикрывал убийц огнем, хотя полуофициальная

биография утверждает, что он все провернул в одиночку), он бежал в Сирию, затем перебрался в Египет, где изучал юриспруденцию в Каирском университете. Там он решил жениться на своей кузине Сахиде Талфах. Они были знакомы с детства и росли, как брат и сестра. Саддам по традиции написал ей письмо с просьбой выйти за него замуж. Она согласилась. Бракосочетание состоялось в Египте, а свадьба — сразу по возвращении жениха и невесты в Ирак, в 1963 году. Спустя год родился их первый сын Удаи.

Увы, Саддам Хусейн не успел выучиться в Каире на адвоката. Впрочем, он был не из тех, кого способен огорчить подобный пустяк. В 1972 году он вошел в стены Багдадского университета с пистолетом за поясом и в окружении телохранителей и был за это награжден дипломом юриста. Четыре года спустя он точно так же получил степень магистра гуманитарных наук.

Уже тогда публиковалось множество свидетельств супружеской неверности Саддама Хусейна. По некоторым данным, его любовницей одно время была жена армянского купца. Другие источники утверждали, что его подружка — дочь бывшего иракского посла. Ходили слухи, будто Саддам доверил подыскивать для него женщин Камилю Ханна Джехо — охраннику, проверяющему, не отравлена ли президентская еда. Обычно Саддам не афишировал свои связи на стороне, но в конце концов он невыразимо устал от жены и начал появляться перед жителями Багдада в обществе Самиры Шахбандар, бывшей жены директора «Ираки-эрвейз». Правда, оппозиция предполагала, что Самира не имеет никакого отношения к уважаемой семье Шахбандар, она всего лишь повариха, взявшая этот псевдоним.

Самира забеременела, пошатнув устои саддамова брака и подмочив его тщательно выпестованную репутацию крепкого семьянина. Будто бы Саддам даже раздумывал некоторое время, как ему поступить: развестись с Сахидой или взять Самиру в дом второй женой, что не противоречит исламскому закону, но противоречит идеологии ПАСВ.

Родился сын. Если верить оппозиции, ему дали имя Али. Это значит, что Саддам стал Абу Али, что в переводе означает «отец Али». Но это также соответствует арабской идиоме, означающей «мошенник».

Удаи, старший сын Саддама, рос под защитой неистовой матушки и не привык спускать обиды. Он убил армейского полковника, не пожелавшего, чтобы саддамовский отпрыск соблазнил его несовершеннолетнюю дочь, убил также офицера рангом ниже, не подпуская к своей жене в багдадском диско-клубе.

Удаи знал, что президентский «дегустатор» Джехо познакомил его отца с Самирой и с тех пор между ними посредничает. В припадке пьяного буйства Удаи избил Джехо до смерти. Затем последовала череда ужасающих семейных ссор. Саддам бросил Удаи в тюрьму. Тотчас на защиту сына грудью встала Сахида. «За что ты его арестовал? — спрашивала она мужа. — Разве в первый раз он совершил убийство? И разве в нашей семье он один проливал чужую кровь?»

Саддам смягчился и заменил тюремный срок шикарной ссылкой в Швейцарию. Подданным Саддам заявил, что это сделано по просьбе родственников Джехо, которые приняли случившееся, как «волю Аллаха».

В 1995 году снова проявился глубокий раскол в семье Хусейнов — в Иорданию бежали две дочери Саддама с мужьями. В 1996 году они вернулись в Ирак. Через несколько часов после того, как они пересекли границу, Удаи умертвил зятьев. Мировая общественность лишний раз убедилась в том, что Саддам — кровожадный диктатор. Мало кто сомневается в том, что Хусейн будет и дальше распутничать, как и многие диктаторы XX века, пока не получит по заслугам.